

E9
1120

П. ГАРБ ДОЛГОЖИТЕЛИ

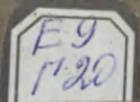
П. ГАРБ ДОЛГОЖИТЕЛИ

Издательство «Прогресс» выпускает на иностранных языках книги серии «Свидетельства об СССР», которые адресованы зарубежному читателю. Авторы книг этой серии — зарубежные журналисты, писатели, общественные и политические деятели — рассказывают об увиденном в нашей стране, о своих встречах с советскими людьми, о различных сторонах жизни общества развитого социализма.

Книги этой серии в переводе на русский язык в несколько сокращенном виде предлагаются вниманию советского читателя. Сокращения сделаны в основном за счет приводимых авторами общих сведений об СССР, фактических данных по истории, политике, экономике, культуре, которые, несомненно, интересны для зарубежного читателя, но хорошо известны каждому советскому человеку. Читатель с интересом прочтет о личных, непосредственных впечатлениях иностранных авторов о Советском Союзе, о том, какой они видят и как воспринимают советскую действительность.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

П. ГАРЬ
ДОЛГОЖИТЕЛИ

**To my parents, children, and Professor Sergei Tokarev,
who have inspired me in all my endeavors.**

PAULA GARB
FROM CHILDHOOD TO CENTENARIAN

**PROGRESS PUBLISHERS
MOSCOW**

П. ГАРБ

ДОЛГОЖИТЕЛИ

МОСКВА «ПРОГРЕСС» 1986

Зарубежные авторы о Советском Союзе

Перевод на русский язык *В. Д. Логинова*

Редакторы русского текста *Э. Н. Орлова, Г. И. Мурзин.*

ИБ № 14346

© «Прогресс», 1984

© Перевод на русский язык, «Прогресс», 1986

Г $\frac{0802010207-445}{006(01)-86}$ 41—86

ПРЕДИСЛОВИЕ

С удовольствием воспринял я предложение издательства «Прогресс» написать предисловие к русскому изданию книги американской журналистки Полы Гарб «Долгожители». На мой взгляд, в существующей довольно солидной историко-этнографической и другой литературе по абхазам и Абхазии эта умная книга всегда будет занимать свое почетное место как по важности и актуальности своей тематики, богатству фактического материала, так и по непосредственности и благожелательности авторской интонации, небанальности оценок и суждений, наблюдений, благородству чувств и мыслей.

При этом важно не только, в каком «политическом ключе» пишет автор, но и какие впечатления, навеянные увиденным, вынесла она из первых встреч с весьма своеобразным этнокультурным миром, который раньше никогда не видела, не знала и не изучала. Позволю себе сказать несколько предварительных слов о прошлом и настоящем того народа, которому посвящена предлагаемая вниманию читателей книга.

Абхазы, принадлежащие к абхазо-адыгской (западно-кавказской) группе коренных кавказских народов, являются аборигенами, с незапамятных времен населяющими северо-восточное побережье Черного моря. Сами себя они называют апсуа, свою родину Апсны, то есть «Страной апсов» (или, как иногда переводят это название, «Страной души»), по-русски — это Абхазия, которую А. М. Горький назвал безумно красивым куском благодатной земли¹.

Кроме самих абхазов, составляющих коренное население Абхазской АССР, к указанной группе относятся абазины, в позднесредневековый период переселившиеся из северо-западной части Абхазии и смежных с нею районов на Северный Кавказ; убыхи, с описания трагедии которых начинается книга П. Гарб. Они населяли район современного Сочи и, как и соседнее абхазское племя

¹ Горький А. М. Собр. соч. М., Художественная литература, 1951, т. XI, с. 8.

садзов, в XIX в. были поголовно переселены в Турцию. В указанную группу входят и адыги (адыгейцы и кабардино-черкесы).

Язык абхазов с конца XIX в. представлен в Абхазии в основном двумя диалектами — бзыбским на севере (Гудаутский район) и абжуйским на юге (Очамчирский район), к которым очень близок язык северокавказских абазин, живущих в большинстве своем в пределах Карачаево-Черкесской автономной области. Абхазы находятся в генетическом родстве с северокавказскими адыгами, а в результате многовекового соседства и теснейших культурно-исторических связей с Грузией они приобрели ряд антропологических и культурных черт, сближающих их с грузинами, особенно с некоторыми западногрузинскими этнографическими группами (мегрелами, аджарцами и др.).

Древнеабхазские племена, главными из которых были апсилы на юго-востоке страны и абазги на ее северо-западе, упоминаются в греко-римских исторических источниках начиная с самых первых веков нашей эры, а согласно новейшим исследованиям, известно о них было и гораздо раньше. Социально-экономическое и этнополитическое развитие Абхазии, отмеченное определенными подъемами и падениями в средневековый период, сменяется трехсотлетним владычеством султанской Турции, а в начале XIX в. (1810 г.) происходит присоединение к России, с которой неразрывно связано все дальнейшее прогрессивное развитие этого края, как и других частей Кавказа.

Абхазский народ, обессиленный многовековой неравной борьбой против византийских, арабских, турецких и других иноземных завоевателей, благодаря присоединению к России избавился от постоянного страха перед нашествием захватчиков и ужасами работорговли. Абхазия все больше стала втягиваться в социально-экономическую и культурную жизнь России, постепенно преодолевая состояние патриархально-феодальной отсталости, в котором она находилась долгие годы турецкого господства. Но это прогрессивное развитие, приобщение к более передовым формам хозяйства и культуры протекало в тяжелых условиях самодержавного строя, и народ вел упорную борьбу против колониального режима и господства местных феодалов (восстание крестьян в селе Лыхны в 1866 г. и другие).

Трагическим событием в жизни абхазского народа второй половины XIX в. явилось неоднократно упоминаемое в этой книге махаджирство — массовое выселение в Турцию под влиянием провокационных действий турецких агентов. Нелегко жилось и оставшимся на родине абхазам; они были признаны «виновными» в проявлении нелояльности к царизму («виновность» была официально снята лишь в 1907 г.).

Борьба против местных угнетателей и колониального режима царизма нарастала вместе с развитием революционного движения русского, грузинского и других народов России. Однако и после победы Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся Абхазии, как и всей Грузии, еще три года продолжали испытывать гнет меньшевиков, которые, опираясь на штыки иностранных интервентов, проводили антинародную, буржуазно-националистическую политику. Но борьба продолжалась, и в феврале 1921 года родилась новая Грузия, а через несколько дней, 4 марта, Советская власть победила и в Абхазии. В многовековой истории абхазского народа наступила новая эра — эра всестороннего социалистического возрождения.

Размышляя над нелегкими историческими судьбами абхазов и перспективами их дальнейшего развития, подводя итоги своего труда, П. Гарб пишет: «Я часто задаю себе вопрос, что случилось бы с абхазами, если бы они не выбрали социализм и не присоединились к СССР в 1922 году? Я полагаю, что в лучшем случае Абхазия превратилась бы в чайную плантацию какой-либо другой мощной державы, подобно так называемым «банановым республикам» Латинской Америки, и практически не имела бы возможностей для производства своих промышленных товаров или развития национальной культуры. Худшее, что могло бы случиться с Абхазией, если бы она вышла из состава Советского Союза, — это то, что ее народ вымер бы, ведь на рубеже двух столетий ее население быстро уменьшалось. Возможно, абхазов ожидала бы та же участь, что постигла убухов, которые как народ прекратили свое существование. Но Абхазия сделала свой выбор и стала автономной республикой в многонациональном социалистическом государстве, в котором впервые в истории многонациональность стала признаком силы, а не слабости».

Можно сказать, что лейтмотив всей работы П. Гарб

выражен в приводимом ею же в качестве эпитафии абхазском народном изречении: «Теряющий Родину теряет все».

Книга начинается с краткой исторической справки о том, как маленький свободолюбивый народ убыхи, в течение тысячелетий живший на кавказском берегу Черного моря, в 1864 году, следуя за своими мусульманскими лидерами и влиятельными землевладельцами-феодалами, поголовно переселился на заморскую чужбину. В результате этой массовой миграции совершенно исчез с лица земли целый народ со своей самобытной культурой. Остальные же народы Кавказа, в том числе и находящиеся в тесном родстве с убыхами абхазы, избрали другой путь — они остались на родной земле, хотя во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов турки, как указывалось выше, уговорили или принудили тысячи абхазов также навсегда покинуть свои дома и поселиться в Турцию.

Два родственных народа, живших совсем рядом и так похожих друг на друга, и две диаметрально противоположные исторические судьбы.

Прежде чем начать писать свою книгу, П. Гарб, разумеется, изучила большое количество разнообразной литературы и материалов. Но, как известно, никакая литература, даже самая «информативная» и объективная, не может заменить личные впечатления и непосредственные наблюдения. И вот любознательная американка из штата Колорадо то в составе московской комплексной геронтологической экспедиции или вместе с двумя своими еще очень юными сыновьями, а то и совсем одна едет на Кавказ. Пять раз, начиная с конца семидесятых годов, она прошла Абхазию вдоль и поперек. Посетила не только почти все абхазские города, но и многие сельские местности республики, где все еще сосредоточена основная часть коренного населения и полнее сохраняются обычаи народа, традиционные формы его материальной и духовной жизни. Лыхны, Дурипш, Бармыш, Ачандара, Члоу, Джгерда — вот неполный перечень наиболее крупных абхазских сел, где она вела свои не очень продолжительные, но интенсивные исследования. Встречалась со многими людьми — от самых маленьких до умудренных опытом старцев, которым перевалило далеко за сто, рабочими и колхозниками, мужчинами и женщинами, учителями, учащимися (например, сухумской абхазской средней школы), преподавателями и студентами Абхазского госу-

дарственного университета имени А. М. Горького, учеными и журналистами, общественными и государственными деятелями. В частности, неоднократно и подолгу беседовала она с такими представителями национальной интеллигенции, как народный поэт Абхазии Б. В. Шинкуба, члены-корреспонденты Академии наук Грузинской ССР Г. А. Дзидзария и З. В. Анчабадзе и другие. Материалы этих встреч и консультаций нашли широкое отражение на страницах ее книги.

Обилие фактического материала, почерпнутого непосредственно из жизни современной Советской Абхазии, придает работе характер многостороннего и оригинального документального очерка, составленного в значительной степени по личным впечатлениям автора. «Я была свидетельницей...», «Многие, с кем я разговаривала...», «Я встречала ряд семей...» — книга полна такими авторскими непредвзятыми «показаниями», убеждающими читателя в правдивости изображаемого. Книга об Абхазии, которую с любовью и уважением к ее маленькому народу написала П. Гарб,— это непринужденный и доброжелательный рассказ об одном из интереснейших народов седого и многоплеменного Кавказа, яркое повествование не только о прославленных долгожителях, но и о целом народе — его трудном прошлом, счастливом настоящем и будущем. Это — живые картины его жизни, увиденные глазами друга, умело нарисованные человеком доброй воли. Само собой разумеется, однако, что самой главной, центральной является тема, вынесенная в заголовок книги.

Как известно, феноменом долгожительства давно интересуются ученые разных специальностей в нашей стране и далеко за ее пределами. Исследование этого явления стало объектом комплексного изучения в международном масштабе медиков, антропологов, этнографов, социологов, психологов, демографов и других специалистов. Так, в конце 1977 года в Москве было подписано соглашение между Академией наук СССР и соответствующими научными организациями США о параллельном изучении народов и этнических групп с высоким процентом долгожителей. Среди них абхазы, по общему признанию, занимают особое место. Предварительные результаты первых лет наблюдений и экспедиций, проведенных в Абхазии, были сопоставлены и обсуждены на двух совместных советско-американских симпозиумах, первый из которых состоялся в Москве, Тбилиси и Сухуми в апреле 1980 года, а вто-

рой — в конце 1982 года в Нью-Йорке.

Одним из доказательств огромного интереса к проблеме абхазского долгожительства является и настоящая книга, представляющая собой своеобразный отчет о встречах с традиционным и современным «абхазским обществом».

Основная цель книги П. Гарб — по возможности всестороннее описание (в основном на основе личных наблюдений и записей бесед) жизни абхазских долгожителей, хотя, конечно, одним этим не исчерпывается все богатство содержания предлагаемого издания. В частности, значительное место занимают в нем историко-этнографические экскурсии и сравнения, а также интересные авторские мысли и высказывания, так или иначе связанные с обсуждаемой проблемой. Опираясь на неоднократные встречи и беседы с долгожителями, которым перевалило за сто лет, а также другими абхазами и абхазами, работающими в самых разных областях народного хозяйства и культуры, различные информативные материалы, автор стремится выяснить причины долголетия, показать роль старших возрастных групп в различных сферах жизни дореволюционной и Советской Абхазии. При этом акцент делается на детские годы долгожителей, когда закладываются физические и нравственно-психологические основы продолжительного и полноценного человеческого существования.

При этом хочется подчеркнуть, что самого пристального внимания заслуживают наблюдения и выводы автора, ее размышления и замечания, касающиеся основ полноценной жизни абхазских мафусаилов (факторов, влияющих на долголетие: особенностей диеты, роли психологии народа, демократических и гуманных методов трудового и нравственного воспитания детей, включая старый обычай аталычества — «материнское молоко из другого рода», — народных обычаев и этикета, традиционного абхазского семейного быта и вообще конкретной этнографической специфики), а также поиски новых источников культуры будущих долгожителей.

П. Гарб не только решительно выдвинула на передний план идею о том, что долгожительство начинается с детства и неразрывно с ним связано, что именно в раннем возрасте закладываются прочные основы полноценной личности в глубокой старости, но вместе с тем она энергично подчеркивает то, что условно можно было бы назвать «этнографизмом детства». Автор неоднократно отмечает

значение проверенных опытом многих поколений разумных народных методов воспитания детей, которые «уходят корнями в древние легенды», указывает на значительную роль веками сложившегося удивительного абхазского этнографического быта, в который, по меткому выражению К. Паустовского, жизнь абхазов с младенческих лет была закована, как в кольчугу. Причем их роль, по мнению П. Гарб, будет еще долгое время значительной и весомой, поскольку, пишет она, благодаря национальной политике социалистического государства, которая поощряет сохранение прогрессивных и гуманных национальных обычаев, прекрасным традициям Абхазии не грозит ни индустриализация, ни урбанизация.

При всем том вполне вероятно, что некоторым авторским положениям иногда не хватает доказательности, а другие представляются даже спорными, но подобные недостатки и упущения в деталях, как и определенная неполнота конкретных фактических данных, не могут умалить большого положительного значения проделанной П. Гарб собирательской и научно-исследовательской работы. Нет сомнения, что ее добрая книга о некоторых наиболее существенных основах полноценно долгой человеческой жизни, обобщающая во многом уникальные авторские наблюдения за абхазами, будет встречена с большим интересом всеми читателями, внимание которых все больше привлекает такая важнейшая и актуальная проблема мировой науки, как активное долголетие.

Стоит, пожалуй, сказать еще об одном. Первое издание книги вышло на английском языке, так как написана она была для зарубежного читателя. Поэтому наш читатель на первых порах, может быть, станет недоумевать: мол, многое нам известно и чему тут автор удивляется, чем восхищается?! И все же при переводе на русский язык решено было не сокращать и не корректировать такие «общеизвестные факты». Во-первых, потому что нам показался чрезвычайно интересным и свежим такой взгляд искреннего друга из «другого мира» на советскую действительность; во-вторых, может, именно это заставит нас заново понять и оценить многое из того, что для нас уже стало давно привычным...

Шалва Инал-Ипа,

доктор исторических наук,
профессор

ВВЕДЕНИЕ

В течение тысячелетий народность горцев-убыхов селилась на восточном побережье Черного моря и в горах к северу от территории современной Абхазии. Этой народности больше нет...

В 1864 году убыхи оставили свои жилища и последовали за религиозными лидерами и влиятельными землевладельцами-феодалами за море — в Турцию, где им были обещаны плодородные земли и процветание. Это было началом гибели убыхов: одни умерли еще по пути в Турцию от инфекционных болезней, другие погибли позже от голода, поселившись на отведенных им самых бесплодных землях, где не желали селиться турецкие крестьяне. Сейчас едва ли можно встретить потомков этих убыхов. Погибла и их культура.

Соседи убыхов и близкие им по культуре народности и народы, например абхазы, продолжали жить на своих исконных землях. Правда, в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов тысячи абхазов, поддавшись уговорам или по принуждению, навсегда покинули родину и поселились в Турции. Другие устояли и остались жить на родных землях. Они и стали отцами и дедами нынешних абхазских долгожителей, рассказавших мне о своем детстве и старости, обычаях и повседневной жизни. Они объяснили причины, заставившие некоторых из их родственников отправляться на чужбину, часть из которых затем вновь возвратилась в родные края. Они познакомили меня с культурой абхазского народа, поделились своими мыслями о событиях в мире, о будущем человечества. Беседы с ними и легли в основу этой книги.

Советскую Абхазию я впервые посетила в 1977 году — через сотню лет после абхазского «ихода», в результате которого там осталось процентов 60 коренного населения. В 1977 году я была одной из примерно двух миллионов курортников, отдыхавших на прекрасных черноморских пляжах. Прошло несколько недель, и я, получив заряд жизненной энергии из источника, породившего так много долгожителей, с головой ушла в учебу на первом курсе исторического факультета Московского государственного

университета имени М. В. Ломоносова. Моей специализацией была этнография.

Летом 1979 года в составе группы советских этнографов я побывала в горных селениях Абхазии. Шел второй год осуществления долгосрочной советско-американской программы изучения проблем старения и долголетия, цель которой — разгадка секретов активного образа жизни людей старше 90 лет, именно их ученые относят к долгожителям. Советские геронтологи и этнографы из Института этнографии имени Миклухо-Маклая АН СССР проводили исследования в Абхазии, занимающей по числу долгожителей в процентном отношении ко всему населению второе место в СССР после Азербайджана. Американские коллеги советских ученых собирали такие же данные в одной из общин в штате Кентукки, среди членов которой чаще, чем в других общинах США, встречаются люди, ведущие активный образ жизни в возрасте, близком к ста годам и старше.

Еще раньше я прочитала несколько статей, опубликованных в американской и советской прессе, о легендарных кавказцах, которые доживали до 150 лет и при этом продолжали трудиться в поле полный рабочий день, участвовали в застольях, выпивая немало вина, а затем «на десерт» танцевали темпераментные горские танцы. Этими удивительными «творениями природы» были, как правило, мужчины, которые переживали полдюжины жен, имели детей и гордились еще большим числом внуков и правнуков.

Были ли они в действительности такими людьми? Если да, то как это возможно? На эти вопросы я получила ясные ответы через несколько дней после приезда в абхазский колхоз в селе Члоу — это примерно в 80 километрах к югу от Сухуми. Но после нескольких бесед с местными долгожителями у меня возникло много других вопросов. Я узнала, что старшие здесь пользуются полным уважением более молодых членов своих семей и общин. И задумалась: как же нужно воспитывать детей, чтобы в течение всей дальнейшей жизни они были послушны воле родителей и старших, не проявляя при этом недовольства и раздражения? И, что еще более важно, возможен ли прогресс в обществе, в котором людям преклонного возраста (на Западе их часто считают консервативной частью общества) всегда принадлежит последнее слово в делах семьи и общины?

Поскольку я выросла в Соединенных Штатах, то была

просто поражена старинными традициями уважения к старшим в Абхазии. Эта традиция распространена также и среди жителей азиатских стран и многих районов Ближнего и Среднего Востока. В США, где я росла в 50—60-х годах, широко было распространено мнение, что конфликты «отцов и детей» — естественное и здоровое явление в обществе. А в Абхазии я стала свидетелем глубокого и искреннего уважения к старшим, что в корне противоречило моим прежним представлениям. Даже в Москве, где по американским стандартам подростки в основном уважительно относятся к взрослым, более внимательный взгляд иногда позволяет заметить такие отношения между людьми различных возрастных групп, которые не всегда можно назвать идеальными.

...Получив в беседах с абхазскими долгожителями исчерпывающую информацию об их диете, сне, работе, интимных отношениях, я попросила своих собеседников мысленно вернуться к истокам, к периоду детства и затем рассказать мне все, что они помнят о своей долгой жизни, начавшейся еще в прошлом столетии. От этих философски настроенных людей я услышала красноречивый рассказ о жизни в Абхазии во времена царизма, когда на смену патриархально-феодальному укладу жизни абхазов только начали приходить пока еще незрелые капиталистические отношения. Старики вспоминали своих родителей, рассказывали, как те их воспитывали. Они делились также своими воспоминаниями о первом советском правительстве в Абхазии, о создании там колхозов, о годах второй мировой войны, высказывали свои мнения о современной абхазской молодежи.

Мои беседы с абхазами открыли мне глаза на совершенно новую для меня жизненную концепцию, действительно способствующую долгой жизни без одряхления, без изоляции от молодежи, от всего прогрессивного. Я приглашаю вас познакомиться с этими людьми, послушать их рассказы.

ГЛАВА I.

ВСТРЕЧИ С ДОЛГОЖИТЕЛЯМИ

РАДИ КОГО МЫ СОБРАЛИСЬ

Долгожители — это очень старые люди, которые с утра до ночи обрабатывают землю, танцуют и поют в народных ансамблях и выглядят при этом не старше 60 лет. Так обычно пишут журналисты. Однако это не совсем верно. На вид долгожители — это очень старые люди; у некоторых нет зубов, лица испещрены морщинами, ходят они, как и свойственно глубоким старикам, очень медленно. И тем не менее они участвуют в решении семейных и общественных дел, действительно работают, хотя и медленно, на полях и дома, и при этом полностью сохраняют ясность ума.

Первым долгожителем, с которым я встретилась в 1979 году, был Пагуа Адлейба. В то время ему было 98 лет. Всю свою жизнь он занимался сельским хозяйством. Его дом с огородом расположен на склоне холма, поэтому он целыми днями ходил по косогору, ухаживая за посевами кукурузы, за овощами. Раньше Пагуа вместе с женой работал в колхозе. Теперь они живут на пенсию и на доходы от приусадебного участка.

Стояла солнечная теплая погода, когда я пришла в их дом вместе с абхазским переводчиком, обслуживающим советско-американскую геронтологическую экспедицию, и несколькими московскими учеными. Я хотела расспросить Пагуа, в чем же состоит секрет его долголетия. Но найдет ли он время, чтобы поговорить со мной? И захочет ли он вообще откровенничать с совершенно незнакомым человеком? Все стало ясно, когда Пагуа сделал знак своей 60-летней жене принести для гостей стулья и поставить их в палисаднике. В течение всей беседы он не обращал никакого внимания на микрофон, который я по очереди подставляла то ему, то переводчику. И Пагуа было совершенно безразлично, сколько метров магнитной ленты ухо-

дило на беседу с ним, на запись моего первого и одного из самых продолжительных среди почти 150 интервью, взятых мною в Абхазии во время пяти поездок туда в 1979—1982 годах.

За несколько часов беседы передо мной раскрылась вся жизнь Пагуа. Как объяснить секрет своего долголетия, он не знал. По его словам, он и питался, и работал, и жил так же, как и все его соседи. Просто, считал Пагуа, ему посчастливилось жить так долго. Его ответ на мой последний вопрос: «Чего вы желали бы в будущем?» — был настолько неожиданным для меня, что я решила заняться более глубоким исследованием сокровенных мыслей таких людей. Передо мной сидел человек, который всю жизнь занимался сельским хозяйством и никогда не выезжал за пределы Кавказа, но больше всего на свете Пагуа Адлейба хотел бы познакомиться с тем, что ему не удалось познать раньше. Он сожалел: силы его уже не те и это не позволит ему увидеть и услышать все, что он хотел бы. Пагуа пояснил, что каждый раз, когда он возвращался домой после поездки к своим родственникам, он долго потом чувствовал себя другим человеком...

У Пагуа сутулые плечи, тонкие ноги, не совсем устойчивая походка, голова — абсолютно лысая. Над длинным горбатым носом блестят глубоко посаженные глаза простого и доброго человека. Было видно, что Пагуа утратил значительную долю былой энергии, но энтузиазма и любознательности в нем было, пожалуй, больше, чем у многих молодых людей. Эти качества, как я позже убедилась, были типичными почти для всех долгожителей, с которыми я встречалась. Практически Пагуа не умел ни читать, ни писать, но он был в курсе всех новостей дня, передаваемых по радио, часто смотрел телепередачи, особенно на абхазском языке, которые транслируются из Сухуми.

Когда вы посещаете чей-либо дом в Абхазии, в программе хозяев всегда два пункта: беседа и угощение. После нашего обстоятельного разговора Пагуа настоял, чтобы мы перешли ко второму пункту. Я взглянула на нашего переводчика в надежде, что он подскажет мне, каковы в этом случае местные обычаи. Наша группа пришла в дом без предупреждения. Меня же с детства учили не принимать в подобных ситуациях приглашения на обед, поэтому я подумала, что вежливый отказ будет наиболее подходящим ответом. Однако переводчик сказал: если мы сразу уйдем, это будет личным оскорблением для Пагуа и его

жены, которая во время нашей беседы уже накрыла стол.

Пришлось принять приглашение. Через несколько минут мы уже сидели в гостиной этого небольшого дома. Кухня, как принято в абхазской деревне, помещалась рядом в отдельной постройке. Жена Пагуа принесла жареную курицу в соусе из красного перца, сыр домашнего изготовления, зелень и «абысту» (мамалыгу). Это последнее блюдо я бы назвала абхазским хлебом. Его основная составная часть — кукурузная мука, проваренная в небольшом количестве воды, достаточном для образования тестообразной массы. Абыста — единственное блюдо без специй на абхазском столе. Она является главным источником крахмала в диете абхазов и помогает смягчить остроту всех специй в других блюдах. Самая распространенная среди острых приправ называется «аджика», что на местном языке означает «соль». Аджика — это смесь соли с красным перцем и десятком различных душистых трав. В пище абхазов аджика играет ту же роль, что и соль у других народов.

Хотя по абхазским обычаям угощение было скромным, мне оно показалось просто грандиозным. И не только по тому, что все присутствовавшие выпили сравнительно много белого домашнего вина. Каждый из сидящих за столом произносил тост, скорее походивший на короткую речь. Обед не кончился до тех пор, пока о каждом из присутствовавших не были сказаны добрые ободряющие слова. Таков обычай и у всех других народов Кавказа, и он, несомненно, будет жить в Абхазии до тех пор, пока будут существовать сами абхазы.

Наш хозяин Пагуа как самый уважаемый человек из всех присутствовавших произнес первый тост, наиболее эмоциональный из всех традиционных тостов: «За народ!» В этом контексте слово «народ» означает и «абхазский народ», и «все другие народы», а также «мир». Очевидно, в течение тысячелетий (ибо никто не знает, когда зародился обычай произносить этот тост) абхазы всегда считали едиными понятия «народ» и «мир».

Если ваши туфли жмут, не ходите в гости к абхазам: по их обычаю каждый раз, когда за столом произносится тост, то все, кроме почтенных старцев, должны выслушать его стоя. Но даже если вы почтенного возраста, при тосте вы все равно встаете. Присутствующие, конечно, будут уговаривать вас сидеть, однако, вставая вместе со всеми

и поступая так же, как и те, кто моложе вас, вы демонстрируете чувство собственного достоинства. Если же вы не абхаз, хозяева могут уговаривать вас сидеть, чтобы не доставлять вам неудобств в связи с непривычным абхазским обычаем. Но если вы все же настаиваете на своем и останетесь стоять, хозяева будут польщены уважением к их обычаям.

Однако разве так уж трудно встать? Но дело в том, что абхазский тост — это не просто короткая речь одного человека и не простое «будьте здоровы!». Это, скорее, тема с вариациями. Например, Пагуа произнес яркие, волнующие слова о народе. Затем каждый (а нас за столом было восемь человек) должен был добавить что-либо по этому поводу, сказав свой тост. Нам везло, когда подходила очередь кого-либо из молодых. В Абхазии чем вы моложе, тем лаконичнее должен быть ваш тост. Таким образом, более короткие «здравицы» иногда помогают сократить суммарное время, в течение которого гостям приходится стоять. Если за столом, скажем, восемь человек, это означает, что уже есть по крайней мере восемь тем для тостов, вернее речей, а всего их будет... да, вы правы — 64 за одно «заседание» или, вернее, за одно «стояние» за столом — можете назвать это как вам угодно. И плюс ко всему — восемь бокалов вина!

Пагуа явно наслаждался всем, что происходило за нашим столом, хотя под конец и он устал. Находясь все время в центре внимания гостей, Пагуа был тем человеком, ради которого все мы собрались за столом. Подобное отношение к старшим в Абхазии делает старость приятной или по крайней мере служит существенной компенсацией за моральные и физические страдания, которые приходят вместе с возрастом.

106 ЛЕТ ПОЛНОЦЕННОЙ ЖИЗНИ

Несмотря на многочисленные тосты в доме Пагуа, у меня в тот же день хватило сил, чтобы воспользоваться счастливой возможностью встретиться еще с одним абхазским долгожителем. Это был Тараш Джопуа, житель селения Отап. Мы встретили его на горной дороге у автобусной остановки. Этот подтянутый 106 летний старик сидел на скамейке прямо, как сидят профессиональные танцоры. Он и в самом деле оказался танцором.

Тараш был в то время вторым по старшинству членом

самодеятельного фольклорного ансамбля долгожителей «Нартаа», который исполняет абхазские песни и танцы, ездит с концертами по своей республике и по стране, а иногда и за рубеж. Название ансамбля произошло от названия абхазского эпоса, повествующего о нартах¹. Все участники ансамбля старше 70 лет. Пока что женщин в нем нет, поэтому некому исполнять роли сестры нартов и их горячо любимой матери — женщины без возраста.

В тот день Тараш возвращался домой из соседнего селения, где хоронили его родственника. Поскольку Тараш был одним из соседей Пагуа, у меня еще раньше возникла мысль побеседовать с ним в тот же день, но никто не знал, когда он вернется с похорон. Поэтому встреча с ним на дороге была для меня счастливой случайностью. Обрадовался этой встрече и сам Тараш. Вероятно, ему хотелось отвлечься от мыслей о смерти родственника.

Тараш Джопуа был одет так, как веками одевались абхазские мужчины и как сейчас в торжественных случаях одеваются старики. Костюм состоял из белой рубахи с длинными рукавами и стоячим воротником и черески черного цвета, а также шерстяных брюк типа галифе. Костюм завершали черные сапоги из мягкой кожи, черная каракулевая шапка и внушительных размеров кинжал в серебряных ножнах...

Местные автобусы ходили редко, и у Тараша было время, чтобы поговорить со мной. Он рассказал, что всю свою жизнь занимался сельским хозяйством, но с ранней юности и до сих пор всякий раз, когда слышал музыку, его охватывало непреодолимое желание танцевать. На мой вопрос о секрете его долголетия Тараш ответил, что точного ответа он не знает, просто вел, как он сам выразился «правильную жизнь», и объяснил, почему считает ее такой хорошей. По всей Абхазии у него были друзья и родственники. Когда он видел, что им хорошо, то и сам ощущал себя счастливым. «Тогда я чувствую,— сказал Тараш,—

¹ Сборник мифических сказаний о героических подвигах и волшебных превращениях ста братьев-великанов, их единственной сестры и матери. В эпосе их отец упоминается лишь в одном из многочисленных сказаний, тогда как мать — во всех. По народным поверьям действующие лица сказаний о нартах — это первые абхазы, которые якобы жили в то время, когда бог только что создавал небо, горы и реки. В фольклоре у многих народностей Кавказа есть подобные мифы о нартах. Единого мнения о том, в фольклоре какой кавказской народности зародились эти мифы, у ученых нет. — *Прим. авт.*

что твердо стою на ногах». Он вспомнил своих отца и мать, которые были уважаемыми людьми. И детям они дали достойное воспитание. Никогда в своей жизни не страдал Тараш от горя. «Конечно, люди рождаются и умирают,— сказал он,— этого всегда следует ожидать». Но сам он считает, что ни разу не пережил какой-либо «серьезной трагедии».

Возможно, вы, как и я, отнесетесь поначалу скептически к тому, что человек 106 лет может принимать активное участие в выступлениях танцевальной группы фольклорного ансамбля. Несмотря на бодрость духа, каждому был очевиден его солидный возраст.

В то же время я видела, с какой легкостью наш собеседник вызывал улыбку у других — он был неплохим юмористом. Правда, Тараш признался мне, что не все заражаются его энтузиазмом, например его теща. Что? В 106 лет еще можно иметь тещу? Ну конечно, если жениться на 17-летней девушке, когда вам уже под 50, как это сделал Тараш много-много лет назад. Он был на семь лет старше своей тещи, которую, сказал Тараш тоном молодого озорника, «ужасно раздражали мои танцы».

— Однажды мы принимали большую компанию гостей,— рассказывал он.— Среди них, кстати, были гости из США. Так моя теща стала рассказывать им, что я «немного со странностями»; похитил ее молодую дочь, хотя по возрасту тогда уже был старше матери невесты. Когда мне вконец надоели эти разговоры, я пригласил тещу на танец: «Ну, хорошо, потанцуй со мной». Она ответила, что не может, и тогда я торжественно сказал: «В следующий раз дважды подумай, прежде чем называть меня стариком. Ты ведь моложе меня, а не можешь даже танцевать!»

Тараш репетировал с ансамблем «Нартаа» по крайней мере не реже двух раз в месяц, а также накануне каждого концертного выступления. Он пел в хоре, как и остальные участники ансамбля, но больше всего ему нравились темпераментные кавказские танцы, в которых нужно уметь выполнять замысловатые движения ногами, причем пальцы их должны быть твердыми, как сталь. Мужчины часто танцуют на носках, причем обуты они только в черные сапоги с мягкой подошвой кожи. Старики из ансамбля «Нартаа» хорошо смотрятся на сцене, хотя их, конечно же, нельзя сравнивать с молодыми танцорами в расцвете сил.

; Помимо танцев Тараш занимался и своим участком земли, где росла кукуруза. Домашние дела он оставлял своей «молодой жене» — она на 33 года моложе мужа, — а также одной из трех дочерей, которая все еще жила в родительском доме. Обычно в абхазских деревнях всякая работа строго делится на мужскую и женскую. Мужчины, как правило, не готовят пищу — они это делают только для многочисленных гостей по большим праздникам, — не убирают дом и не стирают белье, если в семье есть женщины. Иногда женщины доят коров, но обычно это считается обязанностью мужчин. Они же пашут и сеют, а женщины занимаются сбором чая и табака — это наиболее распространенные в Абхазии культуры. Тараш заявил нам, что из-за возраста он предпочитает большую часть своих сил сохранять для танцев.

ГЛАВА СЕМЬИ

Вопреки распространенному и сформированному под влиянием журналистов мнению значительное большинство долгожителей в Абхазии не мужчины, а женщины. Как считают многие местные жители, женщины обычно работают больше и дольше, чем мужчины. А поскольку наиболее часто называют необходимым условием долгой активной жизни регулярный физический труд, то это, вероятно, и есть одна из причин того, что женщины обычно живут дольше, чем их мужья.

Ольге Лагвилава из селения Члоу в момент нашей встречи с ней в 1979 году было 99 лет. Она сказала мне, что секрет ее долголетия — физическая активность. Она всегда много работала, следуя абхазской поговорке: «Лучше бесцельно двигаться, чем сидеть без движения». Я спросила Ольгу, почему ей в жизни приходилось так много работать? Что же делали все эти годы окружавшие ее мужчины? Она пояснила, что еще во время второй мировой войны, когда ей шел седьмой десяток, она оказалась старшей в большом домашнем хозяйстве. Ее муж — в то время он был уже в годах — и двое сыновей ушли добровольцами на фронт. Как правило, в Абхазии главой семьи являются мужчины. Но когда муж Ольги и старший сын не вернулись с войны, она полностью взяла на себя ведение хозяйства и продолжает всем распоряжаться до сей поры. Младший сын и его семья живут вместе с матерью в ее просторном

двухэтажном доме, типичном для абхазского села. Сын рассказал мне, что его мать руководит домашними делами весь день. Хотя сама Ольга уже почти не занимается физическим трудом, она вникает во все дела дома. Стоять у руля ей помогает другая абхазская поговорка: «Лучше умереть, чем быть обузой для других». Она по-прежнему хорошо знает, что и когда нужно сделать.

Ольга небольшого роста, добрая, задумчивая, говорит тихим голосом. Трудно вообразить ее в роли полновластной хозяйки в доме, какой, по словам сына, она была всегда. Обычно в абхазском доме самый старший из мужчин должен знать, что делать и когда. Но поскольку эта обязанность легла на плечи Ольги много лет назад, она стала для нее привычкой.

И вновь я задаю вопрос: в чем секрет долголетия? По мнению Ольги, все дело в труде и свежей молочной диете (особенно «ахарцви», как называют здесь кефир).

Конечно, Ольге лучше знать, но я полагаю, что немало лет к ее жизни добавили любовь и внимание сына, единственного мужчины в семье, вернувшегося с фронта. Сын боготворит свою старую и деятельную мать и всегда стремится доставить ей радость.

Внучка ее живет в доме мужа в другом селе, но, когда я, как всегда неожиданно, приехала к Ольге, молодая женщина как раз была здесь со своей грудной дочерью. И внучка тоже, хотя уже и не жила с Ольгой, относилась к бабушке с самым искренним уважением.

Больше всего Ольга гордится своим внуком, который в то время был студентом Абхазского университета, изучал родной язык и литературу. Мои абхазские переводчики, также студенты университета, рассказали мне, что этот молодой человек — многообещающий поэт. И вполне может случиться, что свои стихи он будет писать в этом деревенском доме своей бабушки. Согласно широко распространенному абхазскому обычаю, самый младший сын (а в данном случае внук — наш молодой начинающий поэт) должен оставаться в деревне, чтобы помогать стареющим родителям и принять на себя хозяйство после их смерти. Бывают исключения из этого правила, но желание Ольги — соблюсти этот старинный обычай.

Если можно, живя в деревне, обрабатывать землю и писать стихи, то почему нельзя быть одновременно муллой и земледельцем? 95-летний Арутан Гицба смог стать и тем и другим. Я встретила с ним в горном селении Дурипш, которое находится в получасе езды от Черноморского побережья. Это Гудаутский район, где всегда жило больше мусульман, чем в любом другом уголке Абхазии.

Было около полудня, когда я подъехала к усадьбе Арутана Гицбы. Она занимает несколько акров земли и стоит почти у середины идущей вверх горной дороги. Хозяин уже часа четыре трудился на кукурузном поле и намеревался сделать первый перерыв. Как и большинство других стариков, Арутан больше не работает в колхозе. Он получает пенсию и занимается обработкой своего личного участка около дома.

Когда я впервые увидела абхазских долгожителей, то была немного разочарована, что они не отвечали моему стереотипному представлению о них, как о людях, находящихся в отличном физическом состоянии. Как я уже писала, в большинстве случаев это люди медлительные, их старость очевидна. Поэтому, отправляясь к Арутану, я совсем не ожидала увидеть такого активного 95-летнего старика.

Меня сразу же поразили его темно-карие, по-молодому блестящие глаза. Он был рад неожиданному визиту и возможности поговорить с новым человеком о своей жизни. Из дома вынесли стулья, мы уселись на зеленой лужайке под голубым небом, откуда мягко светило солнце.

Арутан женился в 20 лет, что для абхаза было необычно рано, особенно в прошлые годы. И он прожил с женой до самой ее смерти незадолго до моего приезда. Они вырастили пятерых детей, имели внуков и правнуков. Арутан жил с семьей одного из внуков, так как все его сыновья погибли на фронте.

Арутан рассказал, что он около восьми часов в день работает на огороде и в саду, причем наиболее интенсивно трудится утром, делая перерывы каждый раз, когда чувствует усталость. Абхазы говорят: «Никто не может работать без отдыха, но без работы отдых бесполезен».

Как и большинство абхазов, Арутан умерен в пище. Полнота считается в Абхазии болезнью. Его рацион состо-

ит преимущественно из молочных продуктов, таких, как кефир и творог, разнообразной свежей зелени, яблок, груш и винограда. И конечно, «абысты», которая подается почти всякий раз, когда семья садится за стол. Арутан, по его словам, практически совсем не ест мяса, даже куриного; он его просто не любит. Самые предпочитаемые его лакомства — сырой чеснок, а также хлеб с маслом и аджикой. Арутан заметил, что другие члены семьи и его друзья едят значительно меньше чеснока и аджики. Соответственно, я тотчас же внесла это в мой перечень возможных факторов, способствующих долгой жизни и сохранению хорошего здоровья.

Однако, когда я спросила Арутана о причинах его долголетия, он без колебаний ответил: «Так было угодно аллаху». Только тут я узнала, что Арутан уже в течение почти 70 лет является муллой. До сих пор он совершает похоронные и поминальные обряды, если его об этом просят родственники умерших стариков.

Кстати, обязанности муллы в Абхазии в прошлом всегда исполняли крестьяне. Они, как правило, не имели полного духовного образования и большую часть своего времени занимались крестьянским трудом, а религиозные обряды выполняли только по просьбе. Такие муллы обычно были ничуть не богаче других крестьян.

У большинства жителей села Дурипш предки были мусульманами, однако, по подсчетам социологов, только около пяти процентов местного населения в той или иной степени исповедуют мусульманскую религию.

Большинство семей в Абхазии считались христианскими. Однако в действительности абхазы так никогда и не стали серьезно относиться ни к христианству, ни к исламу. Они упорно сохраняли свои языческие обычаи, воспринимая от христианства и ислама только то, что не противоречило их древним верованиям. Но даже и эта смесь религий укоренилась не очень глубоко. В настоящее время большинство абхазов предпочитают атеизм, что, по их мнению, более разумно, чем старые предрассудки.

«Я все еще верю в аллаха и коран так же глубоко, как и раньше,— признался Арутан Гицба,— и поэтому никогда не изменю своему признанию. Другие члены моей семьи не верят в аллаха. Вообще не интересуются религией. У них свои взгляды на мир, а у меня — свои».

Мне казалось, что другой на его месте должен был бы сожалеть о прошлых днях, когда люди были более

религиозными. Поэтому я спросила, какой период своей жизни он считает самым счастливым.

— Лучшее время моей жизни — сейчас, — заявил Арутан, — наши люди живут зажиточно, получают хорошее образование. Когда я был молодым, очень многие из нас были неграмотными, а жизнь — тяжелой. Мы по много часов работали на полях, большую часть времени — на помещика, а за наш труд получали очень мало. Жили в тесных домишках, без электричества, без воды, над нами измывались царские чиновники. После установления Советской власти мы стали свидетелями огромного прогресса. Большинство из нас живет теперь в двухэтажных домах, которые мы построили рядом со старыми лачугами — теперь те служат нам как сараи. И мы больше не боимся, что кто-то придет и заставит нас отказаться от наших абхазских обычаев...

Арутан всегда интересовался тем, что происходило за пределами его села, и особенно международными событиями. Он читал газеты на абхазском языке, книги на турецком и арабском. Эти языки он выучил, занимаясь теологией с турецкими муллами еще в начале века. Он также слушает коротковолновые радиопередачи, особенно из Турции, и смотрит телепрограммы на абхазском языке.

— Я вижу, что за пределами нашей страны еще не все люди живут мирно, — сказал в заключение Арутан, — и это, конечно, неутешительно. Но я верю, что, в конце концов, у людей всегда есть возможность прийти к согласию. Мы должны избавиться от войн! Аллах всегда помогает нам в бедах...

«ДВОРЯНЕ ЖИЛИ ХУЖЕ...»

Судя по всему, аллах был не особенно благосклонен к 114-летней Елизавете Шакрыл, которая свою долю несчастий в жизни получила сполна. Своего единственного ребенка, сына, она потеряла, когда ему было 12 лет, а в 1937 году осталась вдовой.

Я встретила Елизавету в селе Лыхны, бывшем в течение нескольких столетий резиденцией семейства правителей Абхазии князей Чачба. Некоторые из имевших место там событий прошлого описаны в главе IV. Развалины дворца Чачба и сейчас видны у въезда в Лыхны, где также стоят русская православная церковь, построенная на рубеже

Х и XI столетий, и здание школы, где Елизавета преподавала еще в начале века. Я узнала о бывшей учительнице от членов другой семьи в Лыхны, которые в детстве значительную долю своих знаний по абхазской истории и фольклору получили от их дальней родственницы Елизаветы Шакрыл.

Поскольку я уже знала, что обычно роль хранителей таких знаний отводится старейшим мужчинам, я решила встретиться с этой «новейшей феминисткой», которая еще в свои юные годы стала учительницей в той самой Абхазии, где вообще не поощрялось образование девочек, не говоря уже о том, чтобы кто-нибудь из них становился педагогом.

Елизавета Шакрыл — одна из немногих абхазских женщин, получивших образование еще до установления Советской власти. Ее семья принадлежала к местной знати, из нее вышли первые представители абхазской интеллигенции. Многие из семьи Шакрыл еще до революции были видными деятелями культуры. Школа, в которой преподавала Елизавета, при Советах была названа именем одного из членов этой абхазской семьи просветителей — известного педагога Платона Шакрыла.

Елизавета — маленькая, изящная, жизнерадостная женщина — была готова поделиться своими мыслями и рассказать мне все о себе. Как и у большинства долгожителей, ее сердце было в отличном состоянии. Единственное, на что она жаловалась, — это боль в суставах ног, а также ухудшение слуха в последнее время. Она объяснила, что, когда начинает думать о своих личных невзгодах, ее слух ухудшается, но когда забывает о них, то слышит хорошо.

В конце прошлого века, когда Елизавета Шакрыл начала преподавать в школе, по местным обычаям, женщина-учительница считалась нескромной. Однако она избрала именно эту профессию, поскольку в местной школе учителя и директор не были абхазами.

— Наши обычаи, — пояснила Елизавета, — всегда имели для нас большое значение. И хотя я была женщиной, все родители в Лыхны хотели, чтобы именно я обучала их детей и тем самым как-то способствовала сохранению абхазских традиций. Мои соседи считали, что я смогу делать это лучше других.

В Абхазии не спешат вступать в брак, особенно раньше. Нередко жениху было уже за пятьдесят. И не было ничего

необычного, если девушка выходила замуж в возрасте около 30 лет — никто при этом не считал ее «отвергнутой» другими женихами. Елизавета же вышла замуж, когда ей было 34 года. Даже по абхазским стандартам это было позднее замужество. Я поинтересовалась, не помешала ли ей в этом профессия учительницы?

— Нет,— с грустью сказала Елизавета.— Когда я достигла, как говорят, брачного возраста, начали умирать мои близкие, один за другим... Сначала два брата, затем сестры, потом другие родственники. В те дни мы подолгу соблюдали траур, а в это время не разрешалось ни обручаться, ни затевать свадьбу. Когда мне было уже 34 года и все наши горести были позади, я наконец встретила человека, за которого хотела выйти замуж. Перед свадьбой мы видели друг друга всего несколько раз, но этого было достаточно, чтобы понять: мы любим друг друга. У меня было единственное опасение, когда думала, выходить ли мне за него замуж: я была уже в возрасте, а он — намного старше меня. Я боялась, что у нас не будет детей...

Но она все-таки родила сына, ставшего источником радости лишь на короткий период ее долгой жизни... Сын умер от лихорадки в 1912 году. Елизавета больше не рискнула иметь детей — в то время ей было около пятидесяти. Еще через 20 лет умер ее муж.

Поскольку эта женщина первые 45 лет своей жизни прожила в дореволюционной Абхазии, я попросила ее сравнить два периода жизни.

— В двух словах это трудно объяснить,— задумалась она над моим вопросом.— Жизнь так сильно изменилась! Ну, во-первых, сельский труд раньше был легче в том смысле, что мы прежде всего руководствовались не установленными сроками и планами, а потребностями своей семьи в пропитании. Конечно, крестьянам приходилось работать на помещика и на своих покровителей, на защиту которых они полагались. Только мы, дворяне, располагали свободным временем, так как на нас работали крестьяне. Но сейчас жизнь стала гораздо интереснее — мир каждого человека так расширился!.. И главное изменение в том, что исчезли барьеры, разделявшие людей одной национальности от другой. Исчезли и различия, разделявшие дворян и крестьян. Сегодня вы можете прийти в любой дом, и вам будут искренне рады. Такого в старое время не было.

Конечно, жизнь в Абхазии изменилась коренным образом с того времени, когда Елизавета Шакрыл была ребен-

ком. Я спросила ее, больше ли было тогда долгожителей или меньше.

— Я думаю, что раньше их было больше,— ответила она.— А может быть, просто я была маленькой и мне казалось, что вокруг много старых людей?.. Конечно, смертность тогда была гораздо выше. Врачей не было, и любая незначительная болезнь могла свести в могилу. Теперь если умирает кто-либо из молодых, то скорее в результате несчастного случая, а не болезни. В целом же условия жизни стали несравненно лучше. Даже дворяне раньше жили не так хорошо, как сейчас живут колхозники.

Елизавета Шакрыл считала, что улучшение медицинского обслуживания и условий жизни не ведут к росту числа долгожителей. Все, что люди сейчас получают в процессе улучшения их жизненных условий, по ее мнению, сводится на нет ускорением ритма жизни, причем даже в сельской местности.

— Сейчас в жизни больше эмоциональных стимулов,— заметила она. На нас воздействует множество факторов, таких, как телевидение, кино, даже наши мысли об окружающем нас мире. Все это, конечно, интересно, но в результате изнашивается нервная система...

Моя собеседница была абсолютно уверена, что точно определяет причины своего долголетия. По ее словам, кроме чистого горного воздуха, умеренной диеты и очень полезной растительной пищи, ее долголетию способствовало также умение всегда быть терпимой. Она не позволяет себе волноваться из-за мелких неприятностей, а к крупным старается относиться философски. И сейчас, хотя ноги часто уже не позволяют ходить туда, куда бы ей хотелось, и слух ухудшается, она думает, что проживет еще много лет.

— Но иногда человек просто не может не волноваться, не беспокоиться,— возразила я,— если он, конечно, вообще не лишен человеческих чувств...

Ответ Елизаветы Шакрыл был весьма прост, и ответила она тоном, типичным для школьной учительницы:

— Если меня что-то беспокоит, я сразу полностью не расстраиваюсь. Я начинаю беспокоиться «постепенно», растягиваю, так сказать, мое беспокойство на долгий промежуток времени, чтобы при этом сохранить контроль над собой, спокойствие и философский подход. Таким способом я защищаюсь от чрезмерных страданий и напряжения. Главное — казаться другим спокойной, сдержанной. Этому я научилась у своих родителей и думаю, это у меня в крови.

Когда я слышу, что мои племянники «заводятся», начинают слишком громко шуметь, кричать, я приглашаю их сесть и объясняю, почему им не следует нервничать. В каждом случае стараюсь найти объяснение, которое им запомнится надолго.

Я поинтересовалась: считаются ли дети с ее словами? Доходят ли до них ее доводы?

— Человек — хозяин своей совести, говорю я им. Да, я обращаюсь к их совести, что возможно только при правильном домашнем воспитании. Если родители не имеют решительного влияния на детей, вряд ли можно привить эти качества в школе или где-либо еще. Мои племянники действительно слушаются меня и своих родителей. Я довольна их воспитанием и с удовольствием наблюдаю, как они растут. Мой разум чист, память хорошая, сердце в порядке, поэтому я думаю, что еще долго смогу сдерживать наступление старости. В жизни я много путешествовала, была в Москве, но мне хотелось бы побывать и в других странах — чем экзотичнее, тем лучше. Боюсь только, что ноги мои уже больше не позволят путешествовать так далеко...

«НАДО ПОКОНЧИТЬ С ВОЙНАМИ»

Ноги Тимура Ваначи не только не помешали ему путешествовать (в последние годы он ездил в страны Восточной Европы и Австрию), но и позволили ему петь и танцевать перед советской и зарубежной публикой. В 1980 году Тимур был старейшим членом абхазского ансамбля «Нартаа». Тогда, при нашей первой встрече, ему по паспорту было 135 лет. Но когда через год я снова побывала на концерте ансамбля, ведущий гордо объявил, что Тимуру Ваначе 117 лет. Этнографы из экспедиции, изучающей проблемы долголетия, внесли новую поправку, установив, что ему немногим более 100. Но даже несмотря на эту поправку, Ванача — артист довольно «зрелого» возраста.

Тимур Ванача в то время был одним из немногих живущих георгиевских кавалеров. Как известно, Георгиевский крест являлся высшей наградой за военные подвиги солдат и унтер-офицеров царской армии. Тимур был «полным кавалером», имел три Георгиевских креста, что всегда считалось выдающимся достижением. Хотя, как правило, в царскую армию абхазов не брали, во время первой мировой войны из добровольцев была сформирована «абхазская

сотня», которая отлично зарекомендовала себя на поле боя.

Тимур не стремился поведать мне о своих военных подвигах. Возможно, за долгую жизнь ему пришлось слишком часто рассказывать об этом. Но я думаю, что здесь проявилась мудрость долгожителя, удерживавшая его от перескакивания волнующих военных историй. Когда же я узнала, что со своей будущей женой он встретился во время войны, то решила, что, возможно, тема любви будет ему больше по душе.

В первую мировую войну ему было лет 40—50, и он служил в подразделении, охранявшем какое-то поместье на территории Польши. Там он влюбился в дочь местного литовского помещика. Судя по всему, это чувство было взаимным, так как 18-летняя красавица сбежала с Тимуром от родителей. В конце концов он привез ее в Абхазию, где она родила ему двух сыновей и дочь. Старшему сыну в 1980 году было почти 62 года.

— Когда я впервые увидел ее,— вспоминал мой собеседник,— сразу понял, что это та единственная, которая мне нужна.

Он долго ждал встречи со своей будущей женой и, как оказалось, сделал правильный выбор. Их брак был счастливым.

Во время беседы я чувствовала, что Тимур Ванача все еще сожалеет, что так рано потерял свою молодую жену: она умерла через 12 лет после свадьбы и через год после рождения дочери. После этого Тимур женился еще дважды, но детей больше не было.

Тимур Ванача, переживший трех жен, воспитавший троих детей от первого брака, поразил меня как человек, который, несмотря на все свои личные горести, был вполне доволен прожитой жизнью. Был доволен детьми и внуками, усвоившими все абхазские обычаи, познанные им самим еще в юности. Наиболее важным из них, по его мнению, является гостеприимство. Тимура учили: кто бы ни пересек порог его дома, гостю нужно устроить самый теплый прием, обращаться с ним как с родственником.

— Я вижу, что мои дети очень гостеприимны,— заметил Тимур,— они всегда очень рады гостям в доме. Для меня это самое главное.

Когда же, по его мнению, было больше долгожителей: раньше, в годы его юности, или теперь? Ванача сразу же ответил:

— Когда я был молодым, мне казалось, что все вокруг

были долгожителями, а молодых было сравнительно мало. Теперь же мне кажется, что все наоборот: куда ни посмотришь, всюду видишь только молодых...

Я также спросила, было ли больше долгожителей среди дворян или крестьян.

— Дворяне были изнежены,— ответил Тимур,— физически слабыми, они не могли жить долго. Едва ли они работали так же усердно, как мы, крестьяне. Каждый год мы на четыре месяца выгоняли скот на горные пастбища. Закутывались в бурки и устраивались на ночлег в каких-нибудь старых развалинах. Иногда целую ночь по бурке хлестал дождь или сыпал снег. Дворянину все это да еще работа в поле не под силу. Они не были такими выносливыми и энергичными, как мы, крестьяне, и среди них было очень мало долгожителей.

Тимур Ванача считал, что главная причина его долголетия — труд.

— Если бы дело было в питании,— сказал он,— то тогда больше долгожителей было бы среди дворян, которые, конечно же, питались хорошо. Мы, крестьяне, не ели так много, но наша пища усваивалась лучше. Вместо того чтобы вздремнуть после еды и питья, мы шли работать в поле. Думаю, что привычка абхазов питаться умеренно — одна из причин нашего долголетия.

Я узнала, что Тимур Ванача всегда перед завтраком натошак пропускал рюмочку виноградной чачи. «Чача,— сказал он,— очищает пищевод перед приемом пищи». Он ее пьет за полчаса перед едой три раза в день, причем ужин его всегда обилен. Тимур сказал, что ему спится лучше, когда он сытно поест. Вечером он обычно съедал не одну порцию кукурузной «абысты», как в завтрак и обед, а две, а также около фунта мяса вместе с только что сорванными на огороде укропом, петрушкой и другой зеленью, в изобилии выращиваемой на Кавказе.

Тимур Ванача, как и все другие долгожители, с которыми я встречалась, никогда не дает волю своим чувствам. Умению контролировать себя в любой обстановке абхазских детей учат с малых лет.

— Даже в тех случаях, когда не расстраиваться просто невозможно,— сказал Тимур,— нас учили сначала подумать несколько минут, а затем уже реагировать на неприятность. Сколько себя помню, я и мои братья никогда не распаляли себя. И по сей день я не позволяю себе нервничать.

Правда, иногда и положительные эмоции вызывают

чрезмерное волнение. Так, например, частые выступления Тимура Ванача в концертах ансамбля «Нартаа» и всегда восторженный прием их зрителями вызывают у него сильные эмоции. В 1977 году в Будапеште этому коллективу была присуждена первая премия на конкурсе фольклорных ансамблей. По-настоящему торжественный момент наступил, когда Тимур как самый старший по возрасту участник ансамбля принял в свои руки главный приз конкурса.

Вспоминая об этом, он добавил:

— Там, в Будапеште, я был одет с иголочки — хоть в гроб клади! (абхазская пословица.— *Прим. авт.*). А все другие танцоры-мужчины были одеты как-то не по-мужски! Будто вроде одни только мы, абхазы, и были настоящими мужчинами! Мы были там самыми подтянутыми...

Национальная одежда участников ансамбля «Нартаа» — это традиционная выходная одежда абхазов, они носили ее столетиями. Возможно, участникам конкурса из других стран длинные до колен абхазские черкески, плотно облегающие фигуру, тоже казались женскими, но для Тимура нет ничего более мужского, чем этот костюм. Что же касается стройности, то мне легко представить себе, что в этом плане абхазы были в Будапеште вне конкуренции. Тимур объяснил мне, как определяется истинно мужская талия: когда мужчина лежит на боку, под его талией может свободно пройти собака... Конечно, не все участники ансамбля долгожителей «Нартаа» такие стройные, но многие из них очень близки к этому.

На репетициях и на концерте я видела, что во время каждого выхода Тимур танцевал недолго. Мне сказали, что раньше он обычно солировал дольше, но сейчас уже начал сдавать. Однако и он сам, и другие участники ансамбля говорили мне, что если бы они не выступали, не встречались друг с другом, то очень скоро их можно было бы «класть в гроб», но уже не фигурально, а в самом буквальном смысле.

Я считала, что Тимур еще долго будет жить среди нас — ведь еще нужно передать очень важные мысли и младшим членам семьи, и всему обществу. Когда мы расставались, он поделился некоторыми размышлениями со мной.

— Я часто задаю себе вопрос,— со вздохом начал Тимур,— почему это наша жизнь стала такой сложной, что у многих сегодня на первом месте стоит работа, а люди — на втором? А должно быть все наоборот! Люди должны быть на первом месте, а на втором все, что вы

он них ждете: работа, радость, помощь... В настоящее время мы проносимся мимо других людей и даже не думаем о том, что мимо нас прошел человек! Мы беспокоимся: как бы это поскорее закончить работу? Только потом, когда появляется свободная минута, мы осознаем, что лишили себя радости человеческого общения. Все спешат что-то сделать, а уж потом думают об общении. А все должно быть наоборот: когда получаешь полное удовлетворение от общения, только тогда можешь сказать, мол, теперь я могу заняться делом, выполнить свою работу. Когда ночью я не могу сразу заснуть, то начинаю думать об этом, о необходимости для человека проводить больше времени с другими людьми. Когда я был молод, у нас не было ни автомашин, ни автобусов, ни поездов, ни самолетов. Только лошади! Я, бывало, садился на коня и ехал к кому-либо из родственников, останавливался в каждом доме на ночь или дольше. Мы беседовали, шутили, выпивали, ели. Это было чудесно. Проходила неделя, другая, я с удовольствием возвращался домой и принимался за работу, которую откладывал на какое-то время. Работал я в десять раз усерднее обычного, чтобы наверстать упущенное. При этом я знал, что пройдет еще пара недель, снова сяду на коня, поеду к родственникам и вновь буду радоваться встречам и беседам с ними. Сам я тоже всегда принимал гостей. Теперь есть автомобили, самолеты, но я думаю, что люди общаются друг с другом гораздо реже, даже в сельской местности.

По словам Тимура Ваначи, даже несмотря на то, что люди сейчас работают больше и общаются реже, чем им следует общаться с близкими и друзьями, сам он пользуется большим вниманием. К нему относятся, по его выражению, как к «музейной редкости». Когда собираются гости, он находится в центре внимания как важная персона. Иногда у него просто не хватает времени, чтобы уделить внимание всем, кто хотел бы встретиться с ним, узнать от него что-то новое для себя. Но, понимая, что другие получают удовольствие от беседы с ним, Тимур от таких встреч никогда не отказывается.

На мой вопрос, о чем он мечтает, Тимур Ванача ответил не задумываясь: он надеется, что его внуки не узнают войн, которые пережили их родители. Перед смертью он хотел бы быть уверенным, что грядущие поколения людей будут жить на земле в мире.

Я думала, что у Тимура Ваначи не было серьезного намерения жениться еще раз, но от некоторых собеседников узнала, что он хотел взять в жены 95-летнюю Джгуг Чамагуа из горного села Ачандара, расположенного в 10 минутах езды от села Лыхны. И что бы там ни говорили другие, Тимур и Джгуг, очевидно, уже долгие годы испытывали друг к другу большое уважение.

Из нескольких абхазских сел, которые я посетила, Ачандара понравилась мне больше других своим горным ландшафтом. Почти все дома, где я побывала, включая дом Чамагуа, расположены на склоне, с которого открывается величественный вид на окружающие горы. Почва там не слишком щедро платит земледельцу за его труд, однако красота ландшафта как-то компенсирует этот недостаток. Джгуг жила в большом двухэтажном особняке со своим сыном, его женой и четырьмя внуками. Рядом с их домом, построенным в 50-х годах, на том же обширном дворе строился еще более солидный дом. Примерно в полутора километрах ниже по склону расположена центральная площадь села, на которой находятся здания средней школы, правления колхоза, сельского Совета, универсального магазина, а также монумент, воздвигнутый в память о жителях деревни, погибших во время второй мировой войны.

В молодости Джгуг явно была красивой женщиной. Даже в 95 лет ее глаза сохраняли живость, что, наверное, всегда было ее отличительной чертой. До нашей встречи я уже знала кое-что о ее трудном прошлом и поэтому ожидала встретить задумчивую, грустную женщину. Но меня просто поразили ее оптимизм и веселое выражение лица.

Джгуг Чамагуа одна вырастила 8 детей. Ее муж был заместителем министра финансов молодой Абхазской республики, и поэтому с 1921 года и до самой смерти в 1937 он был вынужден порой по несколько недель находиться в столице. Почти с самого замужества и в течение большей части их совместной жизни все семейные заботы ложились на плечи Джгуг.

Несмотря на частые разлуки с мужем, Джгуг с теплотой вспоминает об этом периоде жизни. Она рассказала мне, как 16-летней девушкой впервые увидела своего будущего супруга и сразу же влюбилась в него.

— Он был единственным сыном в семье,— сказала Джгуг многозначительно,— избалованным, красивым и са-

моуверенным. Я влюбилась в него моментально, хотя выйти замуж должна была за другого. Могу представить себе, насколько иной была бы моя жизнь, если бы этот молодой человек не оказался в тот день у нашего дома. Обычно в те времена молодые люди договаривались о свадьбе через посредника. У нас же хватило смелости условиться обо всем самим. Мы решили, что он меня похитит...

Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, и ее муж-большевик принял самое активное участие в строительстве новой жизни. Джгуг избрали депутатом местного органа власти — неслыханный пост для женщины в старой Абхазии. После смерти мужа Джгуг продолжала заниматься воспитанием детей, и ей некогда было думать о втором браке.

В годы войны она многое пережила. Старший сын погиб в самом начале Великой Отечественной — в 1941 году. Другие ее сыновья тоже ушли на фронт. Один из них демобилизовался только в конце 40-х годов, а второй попал к фашистам в плен, но бежал и после войны оказался в Англии. Он смог прожить там всего несколько лет. Тоска по родине заставила его вернуться в горное село Ачандара, где и по сей день он работает в колхозе.

После войны жизнь Джгуг стала намного легче. Прежде всего, дети могли теперь содержать ее. Некоторые из них получили высшее образование, а один из сыновей — Михаил Чамагуа — стал известным в Абхазии писателем-драматургом. С ним мы еще встретимся в этой книге.

Джгуг считает, что ей есть чем гордиться. Несомненно, все, что она принесла в жертву в прошлом, теперь давало свои плоды. Для нее самой наиболее важной оценкой воспитанности ее детей являются отзывы о них других людей. Джгуг хочет, чтобы ее дети и внуки жили долго и счастливо.

— Мои внуки,— заявила она,— должны быть лучше моих детей. Пока я жива, я учу их всему, что знаю сама. Но верю, что и после моей смерти родители будут воспитывать их в духе наших абхазских обычаев.

Больше всего Джгуг бывает довольна, когда вся семья собирается вместе или когда она сама подолгу беседует с друзьями и соседями.

Джгуг считает, что своим долголетием она в какой-то степени обязана традиционным мусульманским постам, а также аллаху, который «благоволит к ней». Раз в году она постится примерно в течение месяца: в 4 часа утра завтракает, а затем ничего не ест и не пьет целый день.

Другой причиной своего долголетия Джгуг считает постоянный труд, ведь она выполняла и женскую, и мужскую работу. До настоящего времени сердце ее не беспокоит. Она никогда не ходит к врачу и не принимает лекарств. Единственная болезнь, которая помнится, была малярия, но Джгуг вылечилась от нее с помощью местных трав. Сейчас она жалуется только на легкую слабость и плохое зрение. Но в день нашей встречи, когда она шла в гору вместе с сыном и внуком, я увидела перед собой женщину, полную радости и очень спокойную. Моя собеседница утверждает, что никогда ни с кем не спорит. Как же ей это удается?

— Мой принцип,— говорит она,— состоит в том, чтобы не обращать внимания, не отвечать, как бы действительно кто-то другой ни хотел поспорить со мной... Дайте человеку возможность хорошенько обдумать ситуацию, а сами тем временем прикиньте, справедливо ли он вас обвиняет в чем-то или нет. Если я не принимаю вызов, то тем самым заставляю человека удивляться: почему же она не отвечает мне, почему не защищается? Постепенно он сам остывает. При следующей встрече поговорите с ним о конфликте спокойно и попытайтесь пошутить по этому поводу. Эта привычка у меня с ранней молодости. Мои родители поступали так же. Возможно, это было одной из причин долгой жизни моей матери. Ей было 120 лет, когда она скончалась в 1975 году.

Были и другие секреты долголетия, о которых Джгуг узнала от своей матери: бывать на свежем воздухе по крайней мере половину суток, спать 10 часов и ежедневно много ходить пешком.

— В возрасте 100 лет,— вспомнила собеседница,— мать в один день могла пройти пешком 35 километров, чтобы навестить мою семью.

Самой Джгуг не нужно ходить так далеко, чтобы увидеть своих внуков — они живут в соседней деревне. Ее туда возят. Думаю, что она проживет столько же лет, сколько и ее мать, если не дольше. Джгуг полна решимости радоваться общению с правнуками как можно дольше.

СТАРШАЯ ЖЕНА

Хотя многие абхазы до социалистической революции 1917 года были мусульманами, а некоторые из них исповедуют эту религию до сих пор, в их жизни никогда не было

запрета на употребление вина, как не было и многоженства. Поэтому я, мягко говоря, была крайне удивлена, когда в селе Ачандара познакомилась с семьей, покойный глава которой имел двух жен. Эти две женщины продолжали жить в одном доме и после смерти мужа. В истории Абхазии это редчайший случай.

Когда младшие члены семьи рассказали мне об этой истории, я думала, что они просто шутят, потешаются надо мной, хотят посмотреть, поверю ли я им. Сам факт был настолько необычным, что даже многие абхазские друзья, которым я рассказывала о нем, до сих пор считают, что я элементарно не разобралась в истории семьи Кварчелиа. «Этого просто не могло быть», — настаивали они.

И все же это факт. Еще дважды приезжала я в село Ачандара и спрашивала всех моих собеседников, что они знают о семье Кварчелиа. И каждый из них повторял мне эту же историю.

Наташа Кварчелиа, которой уже за 90 лет, вышла замуж за человека, известного своей приверженностью к старинным абхазским обычаям. Через несколько лет после второй мировой войны супруг Наташи влюбился в соседку, муж которой не вернулся с войны. Несмотря на свою добрую репутацию и необходимость проявлять глубоко уважаемое абхазами качество — сдержанность в чувствах, Кварчелиа стал тайно и часто навещать дом вдовы. По селу пошли сплетни. Сыну Кварчелии эти разговоры не нравились. Он был воспитан своим отцом в духе уважения к абхазским обычаям и не мог смириться с тем, что все село подумает, будто старый Кварчелиа полностью потерял и самоконтроль, и уважение к общественному мнению. И тогда молодой человек обратился в Совет старейшин¹ села, коллективная мудрость которого могла бы помочь разрешить создавшуюся ситуацию.

Рассмотрев дело и выслушав заинтересованные стороны, Совет старейшин предложил старшему Кварчелии жениться

¹ Совет старейшин — традиционная в прошлом форма местного самоуправления. В настоящее время в каждом селении также есть Совет старейшин, члены которого выбираются из числа наиболее уважаемых жителей и исполняют эти обязанности на общественных началах. Совет функционирует подобно народному суду и решает гражданские дела, которые обычный суд не рассматривает. Совет не обладает реальной властью и не может заставить кого-либо подчиниться в обязательном порядке. Но его высокий авторитет дает членам Совета право надеяться, что их решения будут выполняться. — *Прим. авт.*

на своей соседке, привести ее в свой дом в качестве второй жены и прекратить тем самым все сплетни о добропорядочности их обоих.

Советские законы, естественно, не разрешают многоженство. Однако в Конституции Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики есть статья, дающая возможность Совету старейшин принимать решения в соответствии с теми древними традициями, которые не зафиксированы в гражданском законодательстве, действующем на всей территории страны. Хотя многоженство и не является абхазским обычаем, оно разрешено шариатом². Очевидно, это и послужило для ачандарского Совета старейшин основанием для постановления о том, что двоеженство в данном случае разрешается как выход их положения. Никто из семьи Кварчелиа против такого решения не протестовал, ибо оно было приемлемо и для односельчан, поскольку снимало вопрос о чести Кварчелиа и чести его любимой женщины. Если кто-то из тех, кто несет ответственность за соблюдение советских законов, и заметил, что это решение Совета старейшин нарушает закон о браке и семье, они просто закрыли на это глаза, ибо в данном случае все стороны были удовлетворены найденным решением.

Единственный человек, который должен был бы протестовать против этого, была первая жена Кварчелии — Наташа. Я спросила ее, что она думает по этому поводу.

— Мы обе всегда были близкими подругами, — призналась она, явно удивленная моим недоумением. При этом Наташа хитро улыбалась, но я все же поверила, что она не была оскорблена решением Совета старейшин. Скорее наоборот: ей, вероятно, стало легче от того, что муж увлекся более молодой женщиной, а сама Наташа заняла в доме почетное место уважаемой старшей жены. В случае же развода ей пришлось бы уйти из дома, жить у родственников и, возможно, в разлуке с детьми.

У Наташи хорошо развитое, тонкое чувство юмора, низкий грудной голос, взгляд человека, не обремененного заботами и довольного прожитой жизнью. Ее рассказ о своей жизни подтвердил мое самое первое впечатление о ней как о человеке, прожившем счастливую жизнь. Правда, она сказала мне, что не хотела бы вспоминать тот период жизни, который предшествовал ее замужеству в 1921 году,

¹ Свод мусульманских религиозных и бытовых правил, основанных на Коране. — *Прим. авт.*

тяжелое детство в семье безземельного крестьянина, свое горе, когда ее отец, мать и несколько братьев и сестер умерли от пневмонии, которую можно было бы вылечить, если бы в то время у них была хотя бы элементарная медицинская помощь. Воспоминания же Наташи Кварчелиа о первых годах Советской власти в Абхазии включены в главу IV.

Ее просторный двухэтажный дом — один из красивейших среди тех, что я видела в этих краях. Хотя в нем, кроме Наташи, живут все четыре поколения Кварчелиа — сын-бухгалтер с женой, детьми и внуками, — всем членам этой большой семьи хватает места, у каждого есть возможность уединиться. Вся семья полностью соблюдает абхазские обычаи. В то же время меня глубоко поразила сила их преданности идеям социализма, всячески способствующей сохранению абхазами своего национального самосознания и гуманных традиций.

Наташа Кварчелиа в свои 90 лет не помнит случая, когда бы она болела или обращалась к врачу. Она даже не пытается определить причину своего удивительно крепкого здоровья. После бесед с ней я могу указать на два фактора, возможно способствующих сохранению ее здоровья: безграничный оптимизм и чувство юмора.

— Я просто обожаю танцы, — призналась она. — И хотя у меня уже далеко не тот голос, что раньше, я до сих пор люблю петь.

Один из моих вопросов, который я неизменно задавала всем моим собеседникам в Абхазии — какие качества они больше всего ценят в других и какими бы они хотели видеть своих детей? — я задала и Наташе Кварчелиа.

Ее ответ был похож на ответы многих абхазских долгожителей. Самым важным, по ее мнению, является образование. Так как в годы ее молодости среди абхазов царила почти поголовная неграмотность, к учености Наташа испытывает огромное уважение. А поскольку старшее поколение пользуется столь большим влиянием в своих семьях, их любовь к познаниям разделяют и молодые. Другим важным качеством Наташа считает доброту. «Человек всегда должен быть добрым и гостеприимным,» — сказала она. Затем, продолжая размышлять над моим вопросом, выразила, как мне кажется, самое распространенное среди всех матерей Земли желание: «Самое главное — чтобы никогда не было войны. Люди не должны больше воевать!»

*«Люди со скверным характером
долго не живут»*

(Абхазская поговорка)

ГЛАВА II.

В ПОИСКАХ ИСТОЧНИКА ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ

СЕКРЕТЫ ДОЛГОЛЕТИЯ: ТЕОРИИ

Долгожители Кавказа имеют самые различные мнения о секрете их «источника вечной молодости». Елизавета Шакрыл считает, что смогла шагнуть во второе столетие потому, что ни при каких обстоятельствах не позволяет себе раздражаться. Тимур Ванача уверен: его секрет в том, что он никогда в жизни не прекращал работать. Джгуг Чамагуа верит: нужно много ходить и иметь ровный характер, чтобы жить долго. А Арутан Гицба не сомневается, что здесь не обходится без вмешательства аллаха. Другие долгожители объясняют причины долголетия абхазской пищей, горным воздухом, домашним вином и чачей. Некоторые утверждали: абхазы живут дольше потому, что они женятся позже обычного, значит, и интимная жизнь у них начинается позже (абхазские обычаи запрещают внебрачные половые связи).

Согласно этой теории, половая жизнь у абхазов прекращается намного позже, чем у других народов и это они считают важным фактором сохранения здоровья в преклонном возрасте. Один долгожитель так и заявил: он сохранил хорошее здоровье в старости благодаря удачному браку и счастливой семейной жизни.

Ученые, изучающие долгожителей не только в Абхазии, но и в других районах мира, придерживаются столь же различных теорий. Все эксперты сходятся, однако, на том, что существуют определенные географические районы или отдельные этнические группы с более высоким процентом жителей в возрасте свыше 90 лет.

Например, согласно переписи, в 1970 году все население Закавказья, то есть Армении, Азербайджана и Грузии, со-

ставляло 5 процентов от населения СССР. В то же время там проживало 16 процентов людей старше 90 лет и 35 — старше 100. В самом Закавказье есть этнические группы, в которых процент долгожителей намного выше, чем у соседних народов. Скажем, среди абхазов в два раза больше людей старше 90 лет, чем среди грузин.

В поисках объяснения этого феномена специалисты изучают генетические особенности долгожителей, их образ жизни и природные условия данной местности. Систематические наблюдения за долгожителями проводятся в различных районах мира, включая Пакистан (хунзы, живущие к северо-востоку от перевала Кибер), Эквадор (долина Вилькабамба в Андах), Абхазия и Азербайджан в Советском Союзе. Пока наиболее активные исследования проводятся среди абхазов и азербайджанцев в рамках советско-американской программы изучения проблем старения и долголетия. В ее осуществлении участвуют ученые из различных областей науки — медицины, биологии, психологии, демографии, социологии и этнографии. Начиная с 1978 года они отрабатывают различные гипотезы, позволяющие дать ответ, какие именно факторы способствуют активному долголетию.

Согласно генетической гипотезе, способность к долголетию передается по наследству. В Эквадоре и Абхазии долголетие, вероятно, действительно является семейной традицией. По программе советско-американских исследований выделяются семьи, в которых есть долгожители, и семьи, где их нет. Дэвид Дэвис из геронтологического колледжа в Лондоне отметил подобную закономерность среди жителей долины Вилькабамба в Эквадоре, где он провел широкие исследования. Советские сторонники генетической теории долголетия считают: если и не существует «гена долгожительства», то вполне возможно, существуют «гены жизнестойкости», которые приобретают особую силу среди представителей сравнительно малочисленных этнических групп, где наблюдается тенденция вступать в брак с лицами, принадлежащими к этой же группе, как это делают абхазы и жители долины Вилькабамба в Эквадоре. Однако в этой эквадорской общине имеется много случаев заключения браков между родственниками, тогда как в Абхазии те, кто вопреки обычаю вступает в брак даже с очень дальними родственниками, по обычаю изгоняются из республики, и потому такие случаи там крайне редки. Однако ввиду того, что население Абхазии сравнительно малочисленно

(в настоящее время оно составляет немногим более 90 000 человек), «гены жизнестойкости» на протяжении тысячелетий вполне могли стать преобладающим фактором генетики, укрепившимся благодаря бракам исключительно внутри этой этнической группы.

Второй объект исследования — климатические условия. Вполне возможно, долголетию способствует и мягкий, сравнительно ровный в течение всего года климат. Это — общий фактор для всех групп долгожителей, кроме якутов, среди которых также много людей старше 90 лет, хотя живут они в исключительно холодном климате советского Севера. Возможно, флора и фауна географического района также способствует в какой-то степени сохранению здоровья и продлению жизни. Исключительно важное место в исследованиях занимает изучение химического состава воды и почвы. Эту экологическую гипотезу ученые тесно увязывают с генетической, исходя из предположения, что генотипы долголетия могут положительно проявляться в наибольшей степени только в определенных природных условиях и что сформировались они в той или иной степени под их влиянием.

Третье направление исследований — образ жизни: особенности диеты долгожителей, работы и сна, их обычные ежедневные контакты и поведение в стрессовых ситуациях.

Доктор биологических наук В. И. Козлов, руководитель группы советских этнографов — участников советско-американской программы, не согласен с теми, кто склоняется к выделению какого-либо одного фактора, способствующего активному долголетию. В статье, опубликованной в журнале «Природа» № 7 за 1980 год, В. И. Козлов указывает на ошибки, содержащиеся, как он считает, в некоторых распространенных теориях.

Согласно одной из них, долгожителей всегда больше среди мужчин. До начала совместных советско-американских исследований считалось, что в Абхазии среди людей в возрасте до 100 лет больше женщин, а в возрастной категории старше 100 лет больше мужчин. Объясняли это тем, что мужчины преклонного возраста в абхазском обществе пользуются большим авторитетом, нежели женщины, и поэтому у них более сильное стремление сохранять активность и после 100 лет. Слабые места в этой теории найти не трудно: возрастная верификация установления точного возраста

показала, что в Абхазии больше женщин, чем мужчин, не только в возрасте от 90 до 100 лет, но и в возрастной категории свыше 100 лет.

О ПОДЛИННОМ ВОЗРАСТЕ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

Зачем нужна возрастная верификация? В Абхазии у большинства современных долгожителей нет свидетельств о рождении. До установления там Советской власти точный возраст человека не имел никакого значения: дней рождения абхазы не отмечали, со временем они по традиции просто переходили из одной возрастной категории в другую, зная при этом свою возрастную группу, а не точную дату рождения. В прошлом столетии в отдельных местах велись церковные записи о рождении, но это делалось весьма редко. В этом отношении более подходящим объектом исследования является население эквадорских Анд, где, как пишет исследователь Д. Дэвис, каждый житель имеет подлинное свидетельство о рождении.

Когда абхазы в 1920-х годах получали первые советские паспорта, им приходилось вычислять год своего рождения. Те из них, кто появился на свет в период между 1840 и 1870 годами, наиболее неточно определяли свой возраст. К тому времени они уже были старейшими в своих селах, и если речь шла о мужчинах, то чем больший возраст называли они сами, тем большим было уважение к ним со стороны односельчан. Да и кто мог с уверенностью сказать, сколько в действительности лет старику — 70 или 80? 80 или 90? Исходя из возраста, указанного в метриках в 1920-х годах, этим долгожителям к моменту их смерти в 1950—1960-х годах было по 120, 130 и даже 140 лет.

В настоящее время в районах Абхазии, где в соответствии с советско-американской программой изучаются проблемы долголетия, уже нет людей, доживших до такого феноменального возраста. И полагаю, такую же картину можно наблюдать и в других районах этой республики, хотя и допускаю, что редкие исключения вполне возможны. Московский ученый И. И. Крупник считает, что почти все нынешние долгожители родились примерно в 1880-х годах. И в момент первых официальных записей возраста им было по 40—50 лет, что и определили тогда с большей или меньшей точностью. «Следовательно,— пишет И. И. Крупник,— период «феноменального» долгожительства закон-

чился к 1970-м годам, очевидно, не по каким-либо социальным, биологическим или экологическим причинам, а в силу выбывания лиц конкретной возрастной когорты с максимально неточным определением абсолютного возраста»¹.

В наше время определить точный возраст уже не столь сложно, однако в процессе изучения абхазских долгожителей проводился опрос их самих, членов их семей и соседей, чтобы выявить возможные расхождения между истинным возрастом и тем, который зафиксирован в паспорте. Люди не знали, что во время бесед уточняется и их возраст, так как об этом спрашивали не напрямую, а словно бы невзначай, когда вели беседы по широкому кругу вопросов, относящихся к диете, работе и повседневной жизни.

Для уточнения абсолютного возраста задавались, например, такие вопросы: «Сколько вам было лет во время большого снегопада (1911 год)?», «В каком возрасте вы вступили в брак?», «Когда у вас родился первенец? Последний ребенок?», «На сколько лет вы старше или младше своей сестры, брата?». Ответы на эти вопросы после сравнения их с ответами тех, кто хорошо знает данного долгожителя, помогали установить его истинный возраст с точностью до пяти лет.

Истинный возраст можно также установить по результатам химического анализа зуба. Правда, для этого его надо... вырвать. Естественно, никакой гуманный ученый не станет настаивать на удалении одного из скорее всего немногих оставшихся у долгожителя зубов. Поэтому участники советско-американской программы исследований избрали более длительный путь верификации возраста — путем опросов. Это оказалось не только эффективным средством уточнения года рождения, но и помогло получить более широкую картину жизни долгожителей и их окружения. Это также развеяло миф о том, что долгожителей-мужчин больше, чем женщин.

ЕЩЕ ОДНА ГИПОТЕЗА

Некоторые исследователи придерживаются однозначной теории, с которой, кстати, согласились и несколько моих собеседников-долгожителей, что половое воздержание до

¹ Крупник И. И. Структурно-генеалогическое изучение абхазского долгожительства. — В кн.: Феномен долгожительства. М., Наука, 1982, с. 68.

30—40 лет имеет определенное значение для долголетия. В Абхазии мужчины обычно женятся в возрасте около 40 лет, а женщины часто не выходят замуж до 30 лет. Как уже указывалось, и тем и другим обычай всегда запрещал внебрачные половые связи. Однако эта гипотеза не подтверждается в Азербайджане, где большинство долгожителей, согласно местным обычаям, вступили в брак в возрасте до 20 лет. И Дэвид Дэвис ничего не пишет о поздних браках долгожителей в Андах.

Взаимоотношения полов среди абхазов считаются сугубо личным вопросом. Любое проявление чувственности или полового влечения в присутствии других презируется. Но личное отношение к вопросам пола вполне здоровое.

Сула Бенет, одна из инициаторов советско-американской программы и авторитетный специалист в США по вопросам жизни абхазов, так суммировала свои наблюдения в этом плане: «Несмотря на сложные народные обычаи и, возможно, потому, что все абхазы их придерживаются, половые отношения среди них считаются хорошим и приятным делом, если они остаются сугубо личными и не афишируются. Может быть, это не укладывается в рамки традиционного американского образа мышления, но в половых отношениях в Абхазии отсутствует комплекс вины. Они не подавляются и не сублимируются посредством увлеченности работой, занятий искусством, религиозно-мистической философией. Они не считаются злом, недопустимым даже в мыслях»¹.

Сула Бенет опубликовала также результаты работы группы медиков, исследовавших половую жизнь абхазов. Было установлено, что мужчины сохраняют способность к половой активности и после 70 лет, а у 13,6 процента абхазских женщин менструация продолжается и после 55 лет.

«Как позднее начало менструации, так и позднее наступление климакса у женщин,— пишет Сула Бенет,— это следствие одного и того же биологического фактора: медленно протекающего процесса старения. С точки зрения биологии эти женщины — “поздние цветы”»².

Абхазы считают, что регулярная половая жизнь должна начинаться позднее, так как, по их мнению, воздержание

¹ Бенет С. Там же, с. 86.

² Бенет С. Абхазы: долгожители Кавказа. Нью-Йорк, Холт, Райнхарт и Уинстон, Инк., 1974, с. 86.

в молодости продлевает половую потенцию и способствует сохранению хорошего здоровья в течение более длительного времени.

Возможно, они и правы, но не следует забывать, что широкие обобщения могут увести и в сторону от истины. Многие долгожители, с которыми я беседовала, уже не могли больше похвастаться своей половой потенцией в возрасте 80, 90 или 100 лет, а часто и значительно раньше.

Однажды, когда я ждала начала репетиции ансамбля «Нартаа», ко мне подошел один из переводчиков и, широко улыбаясь, сказал:

— Знаете, о чем шутят эти старики?

Естественно, я не имела ни малейшего представления об этом, ибо не понимала ни слова по-абхазски. Их язык относится к абхазо-адыгской группе и с индоевропейскими языками не имеет ничего общего.

— Вон тот старик,— сказал переводчик, указывая на 75-летнего танцора с выразительным лицом и довольно озорным выражением глаз,— рассказал своим друзьям, как он отделался от своей новой жены, которой тоже уже около 75 лет. Рассказ о его «мучениях» с ней в последние несколько месяцев — это настоящий цирк!.. Каждый раз, когда он ложился в постель, она склоняла его к физической близости. Своему другу, который на пять лет старше его, старик рассказал и об этом «неудачном союзе», и о том, что он просто слишком стар для этой женщины и что он больше не выдержит ни одного дня, вернее, ни одной ночи в ее обществе. Друг расплылся в улыбке и предложил привести эту страстную жену к нему в дом, что сразу бы решило проблемы всех троих!..

— А спросил ли кто-нибудь у этой женщины, чего хочет она? — полюбопытствовала я у своего абхазского друга. Он же считал, что вся эта история — ни больше ни меньше как шутка и повод посмеяться.

— Даже если в этой истории и есть хоть немного правды, я уверен,— сказал мой друг,— что жена этого старика не пойдет туда, куда не захочет. Сейчас все женщины, даже выросшие в старое время, хорошо знают свои права и всегда ими пользуются.

Этим примером я хотела бы подчеркнуть, что хотя половое влечение в пожилом возрасте, возможно, и характерно для абхазов, и особенно долгожителей, тем не менее одновременно наблюдается и много случаев полной утраты потенции. Я не думаю, что половой фактор особо способ-

ствуется активному долголетию, и особенно в связи с тем, что среди долгожителей есть так много женщин, которые овдовели 40—50 лет назад. Мужчины вторично вступают в брак значительно чаще, чем женщины, поэтому я встречала не так уж много мужчин-долгожителей, которые бы не были женаты в течение долгого времени.

ДИЕТА КАК ФАКТОР ДОЛГОЛЕТИЯ

Теория диеты — это, вероятно, одна из наиболее популярных теорий, объясняющих долголетие. Ежедневный рацион абхазов включает выращенные собственными руками и приготовленные в домашних условиях продукты, множество свежих фруктов и овощей, немного мяса, еще меньше рыбы, мало жиров и других высококалорийных продуктов. Участники советско-американской программы исследований пришли к следующим предварительным выводам о роли пищи как фактора продления жизни:

— Несмотря на сравнительно ограниченный ассортимент продуктов питания и их преимущественно растительное происхождение (имеются в виду главным образом зерновые и бобовые), диета долгожителей сбалансирована по составу почти всех основных питательных веществ. Соотношение последних в рационе обследованных нами лиц старше 60 лет оставалось постоянным независимо от того, что их суммарное количество с возрастом сокращалось;

— Привычки в питании сформировались у долгожителей в раннем детстве и сохранились в течение всей последующей жизни, что и позволило им со временем влиять на продолжительность жизни;

— В диете абхазского населения, вероятно, сведены на нет факторы риска, главным образом порождающие сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. Это проявляется в низком потреблении соли и сахара; высоком содержании в пище растительных продуктов и, следовательно, клетчатки; умеренном потреблении алкоголя; низкой калорийности пищи; оптимальном потреблении жиров, высоком содержании витаминов и антиоксидантов, оказывающих антиатеросклеротическое воздействие.

Слабым местом теории диеты является тот факт, что как у обычных семей, так и у семей долгожителей диета вроде бы одинаковая, одинаковое количество и качество продуктов, одинаково и стремление избегать переедания. Однако эта разумно умеренная диета нередко нарушается

во время частых празднеств, для которых характерно обильное застолье с чрезмерным употреблением алкогольных напитков. Поэтому по теории В. И. Козлова следует учитывать не столько диету, сколько особенности организма, помогающие выдерживать подобные внезапные чередования умеренности и излишеств, возможно даже специфику процесса приспособления к ним организма долгожителей.

ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ

Этнографы, работающие в Абхазии, изучают также психологию народа, чтобы определить, насколько она может помочь науке в борьбе со стрессом. Ученые полагают, что широкие и тесные семейные связи абхазов и их традиции оказания взаимопомощи, возможно, снижают воздействие стресса. Они особенно подчеркивают, что авторитет старших и активное участие долгожителей в семейных и общественных делах, возможно, служат объяснением, почему в Абхазии сравнительно редки случаи проявления старческого маразма.

Галина Старовойтова, ведущий психолог среди советских участников упомянутой программы изучения проблем старения и долголетия, провела статистическое исследование отношений старших и младших поколений жителей абхазских сел. Она выяснила, что старшие, включая тех, кому за 90 лет, ежедневно беседуют с родственниками и ближайшими соседями и по крайней мере раз в неделю встречаются со своими друзьями. Цель более 80 процентов бесед молодежи и людей среднего возраста со стариками — получить совет по важным вопросам повседневной жизни.

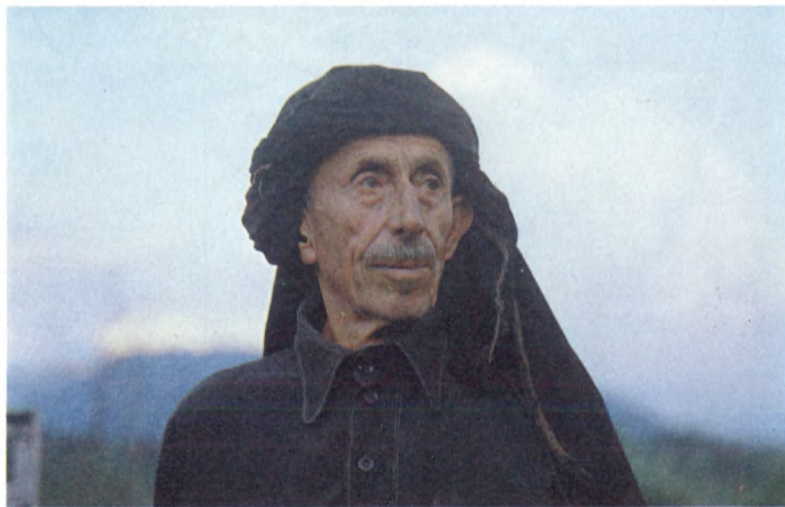
Сула Бенет еще в 1980 году говорила мне о своих наблюдениях: старики в Абхазии пользуются большим авторитетом, и это, по ее мнению, важный фактор, способствующий долголетию. Почетное место в жизни людей старшего возраста, по твердому убеждению Сулы Бенет, укрепляет в них столь ярко выраженное чувство собственного достоинства. «В Соединенных Штатах, — пояснила исследовательница, — старость — не очень приятная вещь, и поэтому люди стремятся по возможности оставаться как можно дольше молодыми. Я полагаю, что подобное можно сказать и в отношении многих других народов. Но положение всеми уважаемых абхазских долгожителей в семье и обществе помогает им осуществить их горячее желание жить долго и иметь хорошее здоровье».

106-летний Тарас Джоуа. Второй по старшинству танцор в самодеятельном ансамбле «Нартаа»: «Когда я слышу музыку, я не могу не танцевать».

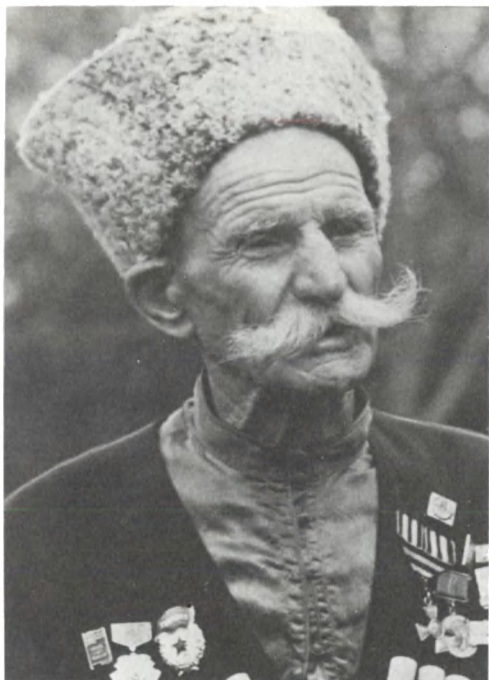
98-летний Пагуа Адлейба (в центре): «Я думаю, что мне просто посчастливилось прожить так долго».

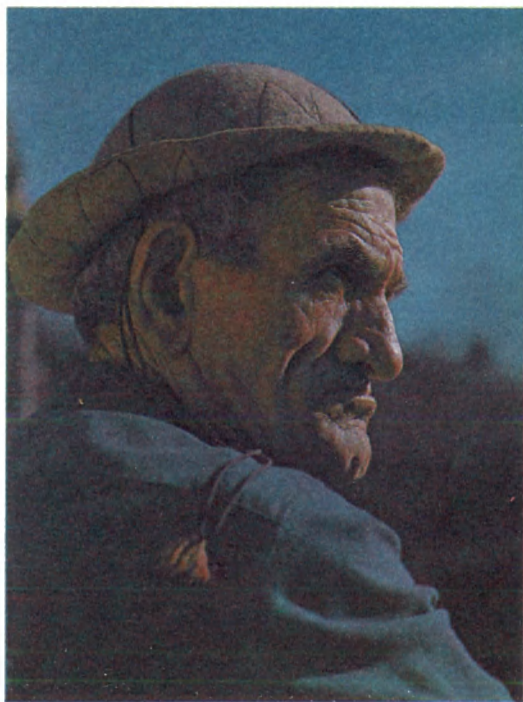
У абхазских долгожителей — живой ум и ясные глаза.

Любимый правнук.

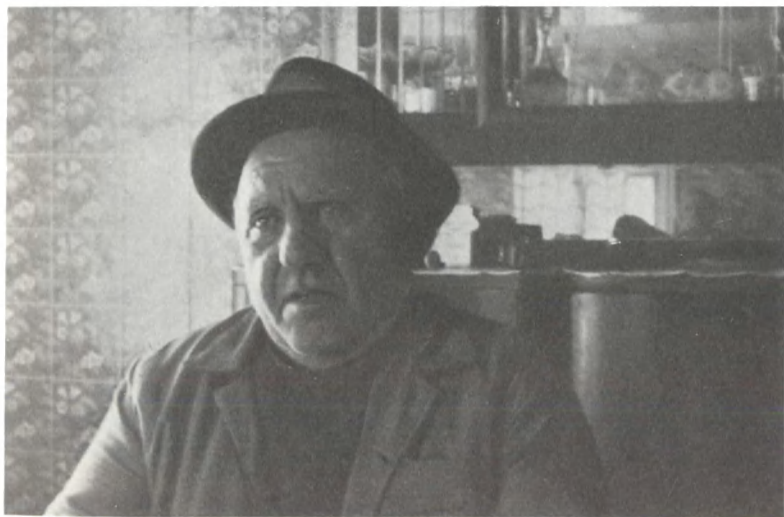
Тимур Ванача, 117 лет:
«Я надеюсь, что моим
правнукам никогда
не придется воевать».

Это же
замечательно: в
почтенном
возрасте быть
столь крепким!

Тимур Ванача
на кукурузной
плантации.

Мид Эник дома в Лыхны.

Молодым есть у кого учиться трудолюбию.

106-летняя Лидия Кецаба. За ее плечами вековой опыт.

Наташа Кварчелиа, 90 лет, в кругу родственников. Рядом с ней сидит «младшая жена».

Старинная песня.

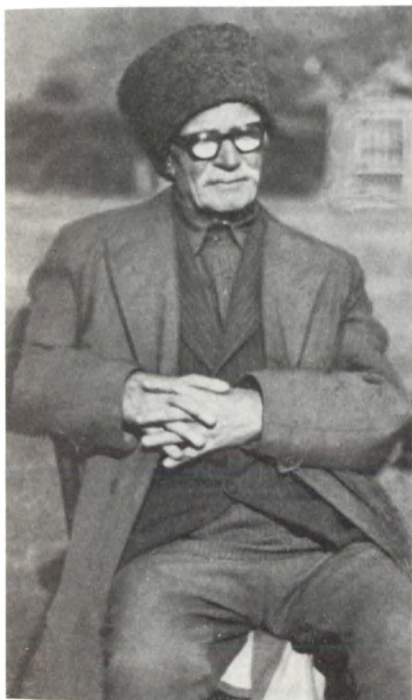
У каждого праздничного застолья — свой ритуал.

Скоро приедут гости.

Автор берет интервью у
86-летнего Элизбара Ашуба,
окруженного внуками.

Куча Тванба, 95 лет.

95-летняя Джгуг Чамагуа с сыном Михаилом.

Гостеприимство в Абхазии — многовековая традиция.

Каждый абхазский юноша должен вырасти джигитом.

Старики из Члоу в национальной одежде с жезлом, символизирующим их старшинство.

Эта охота популярна, как и столетия назад.

Что касается стремления быть здоровыми, то я заметила: большинство долгожителей, с которыми я беседовала, считали себя вполне здоровыми, говорили, что чувствуют боль то тут, то там, и в основном относились к категории людей, не привыкших жаловаться на свое здоровье. Более того, эта тема, как мне казалось, не вызывала у большинства из них никакого интереса.

Исследовательница Джана Моссей из Йельского университета в США считает, что оценка стариками своего собственного здоровья является точным указанием на возможность их близкой смерти. В статье, опубликованной в журнале, посвященном вопросам здравоохранения, она пишет, что тот из обследуемых лиц в возрасте 65 лет и старше, кто считал свое здоровье «отличным», хотя лечащий врач находил его «плохим», редко умирал в последующие семь лет наблюдения за ним. Джана Моссей полагает, что самооценка возможности собственной кончины является столь точной потому, что их предчувствия порождаются, возможно, в этот период состоянием депрессии или другими эмоциональными осложнениями¹.

Недостаточно жить долго и быть активным, нужно также, чтобы человек мог сохранять ясность мышления. Причины старческого маразма различны, но у многих дряхлых людей просто подавлена психика, считает Нэнси Миллер из американского Национального института психиатрии. «По некоторым данным, пишет Н. Миллер, депрессия действительно приводит к изменению умственных способностей и несколько ухудшает краткосрочную память». Д-р Лесли Лайбоу из Еврейского института гериатрии (Нью-Гайд-Парк, штат Нью-Йорк) говорит: «Мы ставим это (старческий маразм.— П. Г.) на четвертое место в списке причин смертности»². Так обстоит дело в Соединенных Штатах, однако среди абхазов этот недуг поражает людей, как мне кажется, редко. В США причиной депрессии, ведущей к старческому маразму, является одиночество, ибо многие престарелые люди предоставлены сами себе, долгое время они проводят наедине с собой или вообще живут в одиночестве.

В Абхазии нет стариков, которые бы ежедневно не чувствовали заботу со стороны родственников и соседей. И кроме того, здесь в домах для престарелых нет ни одного абхаза. И чем бы ни был болен человек, если у него нет близких

¹ Статья в «Сан-Франциско кроникл», август 1982 г.

² «Ньюсуик», 15 сентября 1980 г., с. 52.

родственников, о нем обязательно позаботится кто-либо из членов его рода. При необходимости врач или медсестра будут ежедневно навещать больного дома и оказывать нужную медицинскую помощь. Абхазская семья соглашается на госпитализацию своего престарелого родича только в том случае, если нужна операция или требуется круглосуточная медицинская помощь, например внутривенное питание. В других же случаях все убеждены, что лучшее лекарство — это любовь и забота окружающих.

Карл Эйсдорфер из Вашингтонского университета считает, что в Соединенных Штатах «медицина, при всей ее сверхсложной технической оснащенности, не учитывает важность проявления заботы, любви и сочувствия. А ведь сам факт, что кто-то о нем переживает, может иметь для пациента колоссальное значение»¹.

Я беседовала со многими советскими исследователями — членами абхазских экспедиций, в которых мне довелось участвовать. Они признают, что проблема долголетия сложна и включает несколько взаимосвязанных факторов. Вероятно, только после выполнения всей программы исследований можно будет дать всестороннее объяснение феномену долголетия. Однако показательны уже первые наблюдения, дающие возможность, правда пока еще не на уровне основательных научных выводов, получить представление о необычной культуре народа с поразительно здоровым социальным климатом.

К примеру, москвич Алексей Павленко, неоднократно возглавлявший этнографические экспедиции в Абхазии, отметил: «Я был особенно удивлен желанием этих глубоких стариков жить полной жизнью. Думаю, один из секретов их долголетия заключается в том, что эти люди никогда не прекращают трудиться. Это удивительное качество, и его нужно сохранить — я имею в виду многообразие интересов человека в старости...»

Альберт Шевченко, этнограф из Ленинграда, поделился со мной такими мыслями: «Раньше я только читал об этом в журналах, но впервые в жизни встретился с такими старыми людьми в Абхазии. И это действительно интересные личности с особым чувством юмора и стремлением всегда быть в окружении других людей. Я даже не думал, что они обладают такими человеческими качествами».

А вот мнение Натальи Пчелинцевой из Института этнографии имени Миклухо-Маклая АН СССР: «Мне кажется,

¹ «Ньюсуик», 15 сентября 1980 г., с. 52.

что огромную роль играют любовь и уважение, которыми окружены абхазские долгожители. Скажем, человека, который уже больше не работает в колхозе, никто не забывает — люди обращаются к нему за советом, проводят время в его компании. Старики нужны всем, и не только потому, что продолжают работать дома, стараются внести и свою лепту в выполнение домашних дел. Необходимость заботиться о стариках — часть философии этого народа. Должно быть, это очень хорошо — чувствовать в старости, что ты нужен людям».

Я спросила у этих этнографов, прибывших с экспедицией из других районов Советского Союза и не знавших абхазского языка, как отнеслись к ним здесь местные жители. Владимир Большаков, один из руководителей совместной программы исследований, сказал так: «Нам приходилось обращаться к местным жителям с просьбой помочь с переводом. И вообще, к кому бы мы ни обращались за помощью, нам помогали всегда, так как все понимали важность нашей работы: и официальные лица, и наши молодые переводчики...»

А. Павленко добавил, что в Абхазии у него не было ни одного неприятного случая. Среди людей любой национальности он всегда чувствует себя как дома, но в Абхазии, как он выразился, «люди были гостеприимными и всячески старались помочь нам в изучении их образа жизни. Они никогда не давали нам почувствовать, что мы были чрезмерно любопытны или навязчивы».

«Я проводил полевые исследования во многих районах страны,— продолжил свой рассказ А. Шевченко,— и я не могу сказать, что жители какой-либо национальности принимали меня плохо. Однако у абхазов есть одна черта, делающая этих людей особенно дружелюбными и гостеприимными: они всегда настаивают на угощении гостей и дружески общаются с теми, кто ведет здесь исследования».

«Много раз и самыми различными путями нам давали понять, что мы здесь желанные гости,— добавила Галина Аксенова, исследователь из Москвы.— Например, сидим мы, бывало, во время перерыва на берегу реки, к нам подходят дети и протягивают горсть орехов и фрукты. Или, скажем, проходим мы мимо какого-нибудь особняка, а его хозяева приглашают нас зайти и побеседовать. Причем они всегда чем-нибудь угощали нас в своем доме».

Вопросники, которыми пользовались этнографы, содержали множество вопросов личного характера. Поэтому

я спросила исследователей, как реагировали здесь на то, что какие-то совершенно незнакомые им люди, придя в абхазский дом, желали обсуждать темы, которых там обычно не касаются даже в разговоре с соседями, живущими рядом всю жизнь. Вот что рассказала Н. Пчелинцева:

«Я не могу сказать, что мы всегда получали такие откровенные ответы, какие ожидали, или что люди так же открывались нам, как это делали мы в беседах с ними. Но вместе с тем и никогда не сталкивались с враждебным отношением к нашим вопросам, которые могли бы показаться нескромными, поскольку касались их личной жизни. Некоторые абхазы не решались на полную откровенность, но мы всегда чувствовали, что они пытаются сделать все возможное, чтобы помочь нам. Были среди них, например, женщины старшего возраста, которым трудно обсуждать интимные вопросы с нами, молодыми женщинами. Это противоречит их глубоко укоренившимся обычаям. Но в целом люди, вероятно, понимали, что если уж мы приехали издалека — из Москвы и других городов, включая столицу их республики, — то это означает, что занимаемся мы важным делом. Многие абхазы выражали свою признательность за интерес к их малому народу и образу жизни».

Этнографов также интересовали вопросы поведения абхазов в стрессовых ситуациях. Психологу из исследовательской группы А. Петровой с трудом удавалось получить ясные ответы на такие вопросы. Я спросила ее, не является ли причиной этого, что стресс, как мы его понимаем, в абхазских селах явление редкое.

«Я считаю, что психологический стресс бывает в любом обществе, даже в сельской местности, — ответила А. Петрова. — Смерть члена семьи, например, вызывает огромное волнение. Или, скажем, свадьба, рождение ребенка. Эмоции положительные, но это тоже стресс. В Абхазии же никто, по крайней мере из престарелых абхазов, с которыми я беседовала, не задумывался об этом явлении. Поэтому они не всегда знали, как объяснить мне свое умение справляться с ним. Очевидно, это их природная способность».

Г. Старовойтова обнаружила один аспект психологии долгожителей, возможно имеющий некоторое отношение и к способности преодолевать стресс, и к долголетию. Проводя среди сельского населения Абхазии тесты по методу американского ученого И. Б. Фэреса, она установила, что долгожители склонны считать все, что происходит в их жизни, результатом своих собственных действий, а не ка-

ких-либо внешних сил. Г. Старовойтова также определила, что люди такого типа встречаются чаще всего среди физически и психически здоровых стариков. Поэтому вполне возможно, что кандидатами в долгожители скорее всего являются личности, берущие на себя ответственность за все, что с ними происходит в жизни, и чувствующие себя хозяевами своей судьбы.

Самые различные мнения высказываются в ходе сложного поиска разгадки секрета, зная который не отказался бы никто из нас,— секрета долгой жизни с сохранением физического и психического здоровья вплоть до того момента, когда «погаснет наконец свеча...» Наука еще только начинает проникать в тайны генетического механизма долголетия и влияния биологических факторов. Она еще не готова к активному воздействию на них ради продления человеческой жизни. Мы почти бессильны контролировать эти процессы.

Один из наиболее важных моментов — передача по наследству способности к долголетию. Говоря словами писателя Шолом-Алейхема, она «как деньги: или есть, или нет». Но наличие такого потенциала еще не является гарантией долгой жизни. Здесь на первый план выступают другие факторы, которые уже рассматривались в данной главе: климат, рацион питания, труд, половая жизнь, социальная среда, то есть факторы, которые мы в нашей жизни можем изменять в той или иной степени. Некоторые из нас могут поменять местожительство, чтобы поселиться достаточно близко к «районам долгожителей». Мы можем употреблять в пищу продукты, способствующие, по мнению ученых, продлению жизни. Но, как указывает В. И. Козлов, нет полной гарантии, что мы достигнем цели, потому что весь секрет может заключаться в унаследовании физиологических особенностей организма. Да, мы в состоянии компенсировать нашу сидячую работу регулярными физическими упражнениями, чтобы по степени физической активности сравняться с долгожителями. Половая жизнь? Ну, главное здесь здоровое отношение к ней, если верить тому, что говорят сами долгожители и Сула Бенет. Я же считаю: самое важное — почет и уважение, которыми окружены абхазские старики, именно это является причиной их активного желания жить дольше.

В США я убедилась, что для большинства людей типичное отношение к старости такое же, как у Маргерит Вудурт — бывшей эстрадной певицы из Калифорнии.

Осенью 1982 года ее высказывание цитировала газета «Сан-Франциско кроникл»: «Я ненавижу каждый миг старости. Впереди нет ничего, кроме еще большего старения, болезни и смерти. Мудрее не становишься: я уже не могу ничему учить. Физическое состояние, внешность — все ужасно!»

В той же рубрике были процитированы слова бывшего пожарного Клода Брэннона. Отвечая на вопрос корреспондента, он сказал: «Никому не нравится стареть, но с этим ничего нельзя поделать. В старости ничего не радует. Мне не нравится, что я на пенсии, быстро устаю и это мешает мне заниматься многими делами».

В Абхазии ни один старик не отзывался о старости столь отрицательно. Здесь, где так устойчивы традиции уважения к старости, никогда не мог бы произойти случай, о каком писала газета «Сан-Франциско экзаминар» 27 августа 1982 года: «101-летний Бэрри Ли Хоган был избит и ограблен, когда он остановил свой автомобиль, чтобы спросить дорогу. По сообщению полиции, Бэрри Ли Хогана доставили в больницу. Нападавших задержать не удалось».

В Соединенных Штатах старики не только могут быть объектом преступлений, но и они сами могут совершать преступления. Рошель Джоунс в книге «Другое поколение» писала в 1977 году о быстром росте в США числа преступлений, совершаемых лицами старше 65 лет. Она предполагает, что «если преступные действия возможно связывать с отсутствием социального статуса и с сомнительными возможностями получения помощи от общества, то следует ожидать и роста преступности среди пенсионеров. Не исключаются дальнейшие конфликты между еще не дряхлыми, энергичными стариками и обществом, которое отказывается предоставить им соответствующие место и роль в жизни»¹.

В конце своей книги Рошель Джоунс рассматривает положение людей старшего поколения в Абхазии как пример философии другого общества и делает следующее заключение: «Отношение к старости в Абхазии и в Соединенных Штатах диаметрально противоположны. Различия столь очевидны, что не требуют пояснений, ибо являются почти полным зеркальным отражением друг друга»².

Основы долголетия — уважение к старшим и их психическое здоровье — закладываются в детстве. Поэтому давайте взглянем на детство долгожителей Абхазии.

¹ Рошель Джоунс. Другое поколение. США, изд-во «Прентис-Холл, 1977 с. 248.

² Там же.

*«Горе и гибель народу, у которого
младшие перестанут почитать
старших»*

(Абхазская поговорка)

ГЛАВА III.

ДЕТСТВО ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

ЗИНАБ АШУБА РАССКАЗЫВАЕТ

Со 106-летней Зинаб Ашуба я познакомилась в селе Джгерда. Была первая половина дня, ярко светило июньское солнце. Село находится в Очамчирском районе в стороне от берега моря и в 80 километрах к югу от Сухуми. В течение двух недель перед моей поездкой в Джгерду не переставая лил дождь. Но в тот день дождя не было, и мы, участники исследований по советско-американской программе изучения проблем долголетия, вздохнули с облегчением. Дожди очень мешали нам ходить по домам и беседовать с местными жителями. Поэтому в то утро я помогла по хозяйству семье, в чьем доме поселилась наша московская экспедиция, и с удовольствием отправилась к Зинаб, жившей рядом с центральной площадью села.

К моему приходу Зинаб уже закончила домашние дела и сидела, беседуя с молодыми соседками. Обычно они приходят к ней помочь по хозяйству, когда ее сын и невестка на работе. Мне хотелось поговорить с Зинаб о методах воспитания детей в Абхазии прежде и теперь — такова была моя тема в рамках советско-американской исследовательской программы, вдохновившая меня на работу над этой книгой. Местные жители говорили мне, что Зинаб уважают за мудрость, обширные знания и с ней часто советуются, когда односельчанам нужно принять важное решение. Мне говорили также, что у нее отличная память и она лучше, чем кто-либо другой, может рассказать о старинных абхазских методах воспитания детей.

Зинаб Ашуба пригласила меня в свой небольшой дом, после того как я объяснила цель своего визита. Светлая улыбка на лице говорила о том, что ей приятен мой приход и желание поговорить на одну из ее любимейших тем.

Она воспитала семерых мальчиков и девочек, пятеро из которых были детьми ее второго мужа от его первого брака (их мать, как и первый муж Зинаб, умерли). Моя собеседница очень гордилась своей большой семьей: семью детьми, восемнадцатью внуками и семнадцатью правнуками.

Зинаб оказала мне неоценимую помощь. Она помнила события столетней давности, когда в Абхазии, типичной колониальной провинции царской России, полуфеодально-патриархальные отношения еще соседствовали с остатками родового строя и с зачатками класса капиталистов. Большинство народа в то время жило в бедности, крестьяне преимущественно были издольщиками, отдавали помещику часть урожая. Конечно, были и сравнительно зажиточные земледельцы, но даже и они, как и дворяне, жили на рубеже минувшего и нынешнего веков не намного лучше, чем бедные крестьяне. Промышленности почти не было, рабочий класс практически отсутствовал. Такой была Абхазия, где родились Зинаб и ее сверстники.

Зинаб Ашуба рассказывала мне о своем детстве во время нескольких бесед, неспешных и длительных. Хотя она в то время и не болела, долгие разговоры все же утомляли ее, поэтому мы делали перерывы, а в следующий раз начинали с того, на чем остановились в предыдущий раз. Таким образом я записала весь ее рассказ — типичную историю детства абхазской долгожительницы.

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ: «ДЕТИ XIX ВЕКА»

— В 1876 году,— начала свой рассказ Зинаб,— когда я родилась, моя мать не могла бы даже себе представить, что ее внучки будут рожать детей в родильных домах под наблюдением врачей и медсестер. И за все это — никакой платы! В те времена и исход родов, и жизнь ребенка зависели только от божьей воли, поскольку врачей у нас тогда не было. В некоторых районах Абхазии смертность была выше, чем рождаемость.

Чтобы обеспечить нормальные роды и здоровое детство, люди выполняли различные обряды, дабы ублажить духов-покровителей — особенно тех, которые «способствовали» увеличению рода. Например, перед самым рождением ребенка старая женщина, из тех, что уже не могли стать матерями, призывала духов быть добрыми к роженице и уменьшить ее страдания. Она предлагала им дары, например что-либо из медной домашней посуды.

Во время родов повивальная бабка и ее помощницы начинали уговаривать роженицу: «Рожай, милая, рожай. Чем больней тебе сейчас, тем лучше будет твоя жизнь».

Во время родов мужчин в доме не должно быть, поэтому муж роженицы обычно уходил куда-нибудь на несколько дней. Рожаящая женщина обычно стонет и кричит от боли, ее супруг держался подальше от дома, чтобы ничего не слышать и, как считалось, не оскорблять тем самым ее достоинства. Типичной абхазке всегда хотелось, чтобы муж думал, что она может стойко переносить боль. А типичному абхазцу хотелось думать, что его жена столь же сильна духом, как и он сам. И чтобы не разочароваться, муж прибегал к единственному средству — удалиться.

Помню, в молодости, когда уже сама имела детей, я думала, мол, мужчина уходит из дома во время родов потому, что он не хочет оскорбить старших. Его присутствие в доме в такой момент старшие могли бы рассматривать как демонстрацию гордости молодого отца, словно он говорил своим родителям: «Видите — я теперь тоже родитель!» Поэтому в старое время молодой отец обычно возвращался домой через несколько дней после рождения ребенка. К началу веселья по этому поводу он обязательно был уже дома.

Праздники по поводу рождения ребенка устраивались в каждой семье. У дворян или князей они продолжались дольше, чем это могли себе позволить мы — простые крестьяне. И все почтенные жители села шли с поздравлениями. Когда родилась я и две мои сестры, празднование продолжалось недолго. Я вспоминаю совершенно бесстрастное выражение на лице отца на празднике по случаю рождения моей младшей сестры. Полагаю, что не больше радости было у него на лице и при моем рождении, тем более что я была его первым ребенком. Зато когда родились три моих брата, отец был безумно рад, и празднества по этому поводу каждый раз были гораздо продолжительнее.

Я смотрела на свою собеседницу и удивлялась ясности ее мыслей. Помолчав некоторое время, она продолжала:

— Мальчик считался хранителем семейной фамилии, наследником, защитником чести сестер и всех остальных в доме. Девочка считалась «временным» членом семьи, поскольку рано или поздно она обычно выходила замуж и жила в доме мужа, приняв его фамилию. Если в семье уже был сын, последующим дочерям отводилась роль

помощниц в работе по дому, по крайней мере до их замужества, после чего жена сына принимала от его сестер заботу о хозяйстве.

Каждый раз, когда у моей матери рождались дети, она оставалась в постели или просто не выходила из дома в течение двух недель. Ей нельзя было показываться на глаза кому-либо, кроме членов семьи, особенно с ребенком на руках. И ей не положено было ухаживать за малышом в присутствии любого старшего члена семьи. Если бабушка или дедушка входили в комнату, о ребенке заботился кто-нибудь другой.

Когда новорожденному исполнялось три недели, совершался особый ритуал наречения ребенка. Одновременно он якобы получал также и благословение от духов-покровителей семьи. Тогда же бабушка разрешала моей матери нянчить новорожденного в ее присутствии.

Мне всегда нравилось, когда моих братьев и сестер впервые показывали односельчанам. Совершались молитвы, высказывались надежды. Самая старая женщина, имеющая право исполнять этот ритуал, произносила такие слова: «Точно исполнив все, что завещали нам наши предки, смиренно просим тебя, о великий Ажъяхара (покровитель семьи и домашнего очага.— *Прим. авт.*), быть милостивым к роженице и ее ребенку. Не оставляй их без твоего теплого внимания». Сейчас я уже достаточно стара, чтобы совершать такой ритуал. Да только молодежь больше не верит в божества и их всемогущество. Вместо этого они предпочитают современную медицинскую помощь...

Во время ритуала в бедных крестьянских домах угощали отварной курицей и хачапури. В более зажиточных семьях на стол подавали баранину или козлятину. Участвовали в ритуале главным образом женщины, включая мать ребенка. Мужчины старше 15 лет на этой церемонии не присутствовали, угощения не ели из-за страха утратить свою мужскую силу.

Моя семья исповедовала христианство. Я посещала приходскую школу в селе. Но это не мешало нам молиться и языческим богам, которым с древних времен поклонялись абхазы. В то время мы бы не отказались от помощи любых сверхъестественных сил.

На следующий день Зинаб продолжила свой рассказ:

— В первые две недели жизни новорожденного держали в примитивной дубовой люльке. Затем до двух с половиной лет он, как правило, лежал привязанным в другой люльке. Этот тип колыбели широко распространен среди мусульман Востока. Ее делают из дерева в форме продолговатого ящика на четырех длинных ножках. Ребенка клали на мягкий матерчатый матрац и не пеленали. В матраце и на середине днища колыбели вырезалось отверстие, куда вставляли отрезок бамбуковой трубки, чтобы моча стекала в сосуд под колыбелью. Мать кормила ребенка грудью, склонясь над люлькой.

Я не помню, чтобы мать когда-либо беспокоило время кормления. Просто мы в Абхазии всегда кормим детей, когда они голодны.

Первые месяцы мои младшие братья и сестры большую часть времени проводили в колыбели. На руки их брали редко, только для того, чтобы сменить подстилку. Ребенок спал на спине, надежно привязанным, чтобы выработать прямую осанку, которая у нас так высоко ценится. Примерно через шесть месяцев детей начинали брать из колыбели все чаще, чтобы приласкать, поиграть с ними.

Женщины в нашем доме, бывало, часами сидели у очага, качая люльку и напевая колыбельные песни.

Примерно до девяти месяцев ребенка кормили только грудным молоком, а затем уже давали ему и коровье молоко, и мамалыгу. Когда детям исполнялся год, моя мать начинала кормить их тем же, чем и взрослых, включая аджику, что вполне может привести в ужас кого угодно, только не абхаза.

Чтобы защитить дитя от злых духов и «дурного глаза», мать прикрепляла к колыбели амулет, а затем вешала его на шею ребенка. Это был мешочек, наполненный смесью пороха, чеснока и собачьей шерсти. В мусульманских семьях амулет представлял собой кусок материи треугольной формы с тщательно зашитой в ней цитатой из Корана. Когда малолетних детей оставляли дома одних, нас охранял кинжал под подушкой или метла около ножки люльки.

Мои родители избегали называть детей по именам, чтобы их не услышали злые духи. Когда мы заболели, родители называли нас другими именами. Неохотно брали малышей туда, где было много народа, чтобы тех «не

сглазили». Единственным источником лекарств была местная знахарка, которая молилась о нашем скорейшем выздоровлении и рекомендовала больным душистые настойки из лечебных трав.

Когда я заболела корью, никто в нашей семье не имел права шить. Нельзя было также зарезать курицу или какое-нибудь животное. Не допускалось, чтобы в доме пролилась кровь, неважно чья — человеческая или животного. Не разрешалось пить вино или чачу до тех пор, пока я не искупаюсь впервые после болезни, то есть примерно через 40 дней после ее начала. Около моей комнаты нельзя было кипятить воду, а родственникам не разрешалось спорить. Около моей кровати ставили букет живых цветов, и в целом мать делала все возможное, чтобы моя комната выглядела повеселее. Соседи приносили мне подарки. Самым эффективным средством от кашля считалось ослиное молоко. Современные антибиотики не чета нашим старинным лекарствам: мы знали, что к чему!..

В целом, насколько я помню, первый год жизни моих братьев и сестер, как, вероятно, и мой, проходил относительно спокойно. Удобное положение в колыбели, постоянное укачивание, свободный режим питания — в результате ребенок плакал очень редко.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ: «ПОЧТИ НИКАКИХ ШЛЕПКОВ»

Наша беседа продолжалась:

— Бабушка, бывало, — подчеркнула Зинаб, — говорила моей матери: «Заставляй детей слушаться, когда они еще не доросли до твоих колен. Позже делать это бесполезно». Я уже забыла, как наша мать добивалась от детей послушания. Не помню, чтобы меня наказывали физически, хотя, возможно, мне и доставалось — я видела, как мои братья и сестры получали шлепки пониже спины, когда были еще слишком малы, чтобы реагировать на словесные замечания.

Мать была строгой, но одновременно и ласковой. Когда мы хорошо вели себя, она всегда нас хвалила. Если мы переступали какую-то грань, она останавливала нас, но не ругала. Нам так нравились ее похвалы, что само их отсутствие было достаточно сильным наказанием.

В те годы для меня весь мир был ограничен нашим домом и семьей. Мать почти всегда была с нами — женщины

тогда редко отлучались из дома. Отца мы видели реже, и получить от него похвалу нам хотелось, пожалуй, даже больше, чем от матери. Он никогда не бил нас, и мы его не боялись, но всегда ждали его ласки. В присутствии своих родителей любой отец-абхаз должен был вести себя так, словно он совсем не замечает своих детей. Только когда он был наедине с нами в нашей комнате, мы могли надеяться, что он нас обнимет. Это были драгоценные мгновения, и я до сих пор ясно помню их так, словно это было вчера. Ни один абхазский мужчина не был достоин уважения, если он демонстрировал свою привязанность к детям в присутствии своих родителей или других, старших по возрасту людей. Мы инстинктивно сознавали, что нам не следует подходить к отцу, если поблизости были наши бабушка и дедушка. С матерью мы чувствовали себя свободнее, но, когда рядом был дедушка, мы не подходили к ней по той же причине, по какой не приближались к отцу в присутствии других людей.

В абхазском фольклоре есть много сказаний об отцах, которые видят, что их маленький ребенок в опасности, но, подчиняясь правилу «избегания», в присутствии старших не обращают на это внимания и ничего не предпринимают, чтобы спасти малыша. Единственный выход из положения в таких случаях, чтобы кто-то другой из находящихся поблизости заметил угрожающую ребенку опасность и пришел к нему на помощь.

Другое строгое абхазское правило — вставать, когда кто-нибудь входит в комнату или во двор, и не садиться до тех пор, пока гость или член семьи, особенно если это старший по возрасту, не сядет. Если старший вставал, то младший никогда не садился на его место. Этот стул всегда предназначался для старшего, даже если было ясно, что тот не скоро вернется в комнату. Между прочим, наша молодежь до сих пор придерживается этих правил, а также других обычаев застольного ритуала.

К примеру, взрослые ели отдельно от детей, и, когда принимали гостей, старшие дети обслуживали их за столом, не разговаривая и не мешая взрослым. Это не было унижительным занятием, а, напротив, почетным как для гостей и детей, так и для хозяйки. Гостям льстило проявляемое к ним уважение, а тем, кто их обслуживал, было приятно, что гости ценят их уважительное поведение, соответствующее обычаям. Эти же принципы сохраняются и сегодня.

Я продолжала внимательно слушать собеседницу,

мысленно анализируя абхазские обычаи, в которых много поучительного. Не случайно в Абхазии многие из них соблюдаются и в наши дни.

— Это были наши первые уроки уважения к старшим,— констатирует Зинаб.— Никто никогда не учил нас этим правилам. Я была старшим ребенком в семье, поэтому, возможно, кто-то однажды и сказал мне о них, однако я тогда была слишком мала, чтобы запомнить этот случай. Но я определенно знаю, что моим братьям и сестрам никто никогда не говорил, как себя вести. Они просто подражали мне. Если судить по древним легендам, абхазы следуют этим правилам, должно быть, уже несколько тысячелетий.

В раннем детстве мы большую часть времени проводили во дворе в беззаботных играх. Мальчики увлекались «войной» или «охотой». Девочки же обычно играли в «домашнее хозяйство», подражая матерям.

Я не очень хорошо помню себя до пяти или шести, когда мне стали поручать присматривать за младшими братом и сестрой, и, должно быть, именно тогда меня начали приучать к домашней работе. На младших детей возлагались несложные обязанности, с которыми они легко справлялись: подержать полотенце, когда старшие моют руки, или во время полевых работ выполнять небольшие поручения, например подать стакан воды кому-либо из родственников, как это делают абхазские дети и в наши дни. Ни один абхаз точно не скажет вам, когда он впервые вышел в поле. Я только помню, как каждый день делала то же, что и мои родители, особенно мать, а также бабушка и дедушка. Это была простая, естественная часть нашей жизни, нечто такое, к чему никто никогда нас не принуждал. Работать было также приятно, как и бегать во дворе. Возможно, все было так легко потому, что нас никогда не заставляли делать больше, чем позволяли наши физические силы, и к более трудной работе мы привыкали постепенно. И сейчас, сто лет спустя, детей в Абхазии приучают к работе по дому точно так же, как и в старину.

В раннем детстве мы постигали также сложный этикет абхазской свадьбы и традиционных съездов всех членов рода. Мы наблюдали, как каждый раз повторялись одни и те же ритуалы, и видели, что при этом мужчины и женщины разных возрастов и социального положения придерживаются определенных норм поведения. Младшие мальчики наблюдали, как ведут себя более старшие

мальчики в их социальной группе, то же самое делали и девочки. Таким образом, переходя в следующую возрастную группу, мы уже знали по личному опыту, а не с чьих-либо слов, как нужно вести себя в обществе.

Следует сказать, что малышей взрослые не брали с собой на похороны. Считалось, что их нужно беречь от горестных чувств. Если один из членов семьи был при смерти, детей держали подальше от больного, а затем и от гроба покойного, который перед погребением обычно стоял в доме несколько дней.

Когда умерли мои бабушка и дедушка, мы, дети, говорили тихо и старались не попадаться на глаза нашим родителям. Я очень любила дедушку и страшно жалела, что больше не услышу его рассказов о былых днях и сказок перед сном. Его друзья и родственники горько плакали на похоронах. Мы, дети, слышали это и надеялись, что рыдания помогут воскресить его. Конечно, мы были разочарованы... Мы держались подальше от взрослых, пока не опустел наш дом. В течение года наши родители носили траур по дедушке: одевались в черное, не могли ни петь, ни танцевать. После смерти родственника в доме надолго воцарялась печаль.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ: «ПРИВОЛЬНЫЕ ДНИ ПОЗАДИ»

Мне так нравились рассказы Зинаб, что я с нетерпением ждала их продолжения.

— Примерно с семи лет для детей начиналась настоящая работа,— сообщила Зинаб, когда мы опять встретились.— Девочек постепенно приучали готовить пищу, убирать в доме и стирать белье. Вместе с матерью мы носили воду, а затем делали это самостоятельно, когда мать считала, что нам это по силам. Собирали также хворост неподалеку от дома и выполняли другие несложные поручения взрослых. Наблюдая за работой матери, мы учились у нее готовить, шить, ткать. Постепенно нас приобщали к работе на винограднике, в огороде, а позже и в поле.

К 10—11 годам я выполняла тот же объем работы, что и любая взрослая женщина. Я умела играть на нашем двухструнном чомгури, могла танцевать и петь народные песни. Поскольку абхазам часто приходилось защищаться от набегов, угонов скота и захватов пленных, а также участвовать в междоусобицах, девушки также должны были

уметь защищаться. Нас учили ездить верхом, владеть оружием, включая огнестрельное. Некоторые абхазки были столь же хорошо подготовлены, как и мужчины, и иногда принимали участие в военных набегах. Не могу сказать, что я была такой же ловкой, но постоять за себя могла всегда.

Признаками женской красоты считались тонкая талия и маленькие груди. Веками абхазские девушки лет с 12 носили тесные корсеты, чтобы помешать росту грудей. Как в дворянских, так и в крестьянских семьях девушки носили корсеты до самой свадьбы. Об этом древнем обычае мне рассказывала бабушка, но когда росла я, корсет, по-моему, был уже редкостью. Очевидно, из-за этого векового обычая груди у абхазских женщин, как правило, маленькие.

Хотя девочки старше 10 лет не общались с мальчиками, они пользовались сравнительно большей свободой, чем девочки у других родственных абхамам кавказских народов. В то время как моя мать, подобно другим замужним женщинам, была перегружена домашней работой, у нас, молодых, было больше времени, чтобы ходить на свадьбы, встречаться с подругами и ездить к родственникам. Это были светлые минуты в жизни, полной тяжелого труда и в какой-то мере ограниченной рамками семьи.

Девочки также помогали отцам и другим мужчинам в семье слезть с лошади, отвести ее в стойло, снять сапоги. Современной женщине эти обязанности могут показаться унижительными, но мне действительно было очень приятно, когда мой отец, дед и дядюшки хвалили меня за проявление таким образом моего уважения к ним.

Дети из бедных семей, особенно девочки, рано познавали все тяготы работы на помещика или зажиточного соседа. К счастью, я работала только в нашем доме, но у меня были подруги, которым приходилось гнуть спину и на богатых. Примерно с 12 лет и до самой свадьбы бедная крестьянская девушка каждый день трудилась в хозяйстве более зажиточной семьи. Участь юной абхазки была особенно тяжелой, если ее родители были должниками богача. А в неурожайные годы это было обычным явлением, и кредитор мог взять дочь бедного крестьянина в уплату за долги и продать ее другому помещику или турецкому работоторговцу. Были случаи, когда отцы, не имея надежды когда-либо выплатить долги, сами предлагали кредитору свою дочь. Я видела, как мою подругу-соседку отец увозил из дому, чтобы продать в рабство. Сама она внешне была совершенно

спокойной, стойко переносила свое несчастье. Я думаю, что до ста лет она не дожила...

Конечно, подруга Зинаб вряд ли дожила до ста лет, думала я. Какое трудное детство было у детей абхазских бедняков!

— После крестьянской реформы 1870 года,— продолжала свой рассказ Зинаб,— в Абхазии помещику запрещалось заставлять людей бесплатно работать на него. Но бедность часто вынуждала самих крестьян нарушать этот закон. И тогда их дети работали в хозяйстве богатого крестьянина или дворянина за долги.

Лет до 15—16 девушки могли ходить с распущенными волосами. Но затем мы были обязаны заплетать их в две косы и покрывать голову косынкой. Как и юношам, нам разрешалось присутствовать на свадьбах и похоронах, но мы не могли участвовать в ежегодных семейных сборах, на которые съезжаются все члены рода, носящие одну фамилию.

Если девушка теряла невинность до замужества, семья могла продать ее в рабство за тот позор, который она навлекла на весь дом. Расплата была слишком жестокой, поэтому девушки обычно не разговаривали с юношами и не общались с ними наедине, чтобы никто не мог ее даже заподозрить в отсутствии целомудрия...

Помню, что росла я гордым ребенком и до сей поры осталась гордой. Меня воспитывали в духе почитания других людей, подчинения им, но также внушали мне, что и я сама заслуживаю всего этого со стороны других.

Мальчиков воспитывали примерно в таком же духе. Их приучали упорно трудиться, защищать честь семьи, почитать древние абхазские обычаи. Все мальчики были обязаны вырасти отличными джигитами и воинами. Обычно отец или другие взрослые мужчины в семье обучали мальчиков джигитовке, показывали приемы владения кинжалом, учили метко стрелять. С самого детства их учили быть смелыми, ловкими и стрелять так, чтобы поразить дикого голубя с расстояния в 100 шагов.

К 13—14 годам мальчик обычно умел не только охотиться, но иногда участвовал вместе со взрослыми мужчинами в вооруженных нападениях, вызванных кровной враждой.

Мои братья росли среди других мальчиков и мужчин, а мы, девочки, проводили время с нашими подругами и взрослыми женщинами. Считалось неприличным, если

молодой человек пристально смотрел на девушку. Также неприлично было заигрывать с девушкой, а с ее стороны — добиваться внимания юноши. Скромность всегда считалась и по сей день считается добродетелью.

Образование в прошлом в Абхазии могли получить очень немногие молодые люди. Мои родители не были бедными и исповедовали христианство, поэтому вместе с другими детьми я могла посещать местную церковно-приходскую школу, где мы учились читать, писать, знакомились со Священным писанием. Нам очень повезло с образованием. У меня до сих пор сохранилась Библия на абхазском языке, которую я перечитываю с удовольствием.

Зинаб замолчала, вероятно задумавшись о коротком периоде своего детства, в которое она вновь вернулась ради меня. При этом я не заметила в ней никаких признаков ностальгии по прошлому, наоборот, по ее лицу было видно, что ей просто приятно вспоминать все это. Зинаб сказала, что она все же не совсем поняла, зачем мне нужно было приезжать к ней за такой информацией. А поскольку она верила, что для меня все это, должно быть, очень важно, ей приятно было оказать эту услугу. «Если то, что я могу рассказать о моей жизни, будет полезно вам в вашей жизни,— сказала Зинаб с улыбкой,— приходите ко мне в любое время».

КАВКАЗСКИЕ ФРАНЦУЗЫ

Вначале я подумала, что Зинаб нарисовала мне идеализированную картину своего детства. Это склонны делать все старики, вспоминая молодость, как, возможно, и любой человек, когда он воскрешает в мыслях свое далекое детство. Однако рассказ Зинаб совпадал с воспоминаниями других долгожителей о воспитании детей, о прилежании и послушании подростков в старой Абхазии. Об этих чертах молодежи можно прочесть также и в высказываниях современников нынешних долгожителей, например в заметках, оставленных нам человеком, который в конце XIX столетия работал в одной из монастырских школ в Абхазии. Он писал: «Если судить о родителях по их детям, то у меня есть бесспорное основание утверждать, что абхазский народ необычайно способный и обладает чудесными личными качествами... Многих детей, которые прибыли из самых отдаленных уголков, не нужно было ругать — так хорошо они

вели себя и были так исключительно послушны»¹.

Подрастая, дети изучали сложный абхазский этикет, постепенно усваивая эти уроки как дома, так и в обществе других людей. Краеугольным камнем системы воспитания было уважение к старшим. С раннего детства детей приучали почитать всех, кто старше их по возрасту, независимо от национальной принадлежности человека, его пола, образования или социального положения. Этот принцип был отражен в абхазской поговорке: «Горе и гибель народу, у которого младшие перестанут почитать старших».

Уважительное отношение проявляется также в форме обращения к старейшему члену семьи, которого младшие величают дословно «наш череп» (т. е. «наш глава»). В этих словах — проявление величайшего почтения к старшему. Абхазы говорят также: «Старший — это защита» (дословно «тень, спасающая от жгучего солнца и другой беды»), «Кто не имеет старшего, тот и счастья не имеет», «Кто без старшего, у того и бога нет».

Абхазы всегда уделяли много внимания воспитанию молодежи. «Быть воспитателем человека — достойно человека», — гласит абхазская пословица.

Заботливое отношение в Абхазии к молодежи отмечено многими дореволюционными исследователями. Так, например, русский ученый Е. Марков, описывая абхазов, называл их «даровитыми», «тонкими изящными французами Кавказа». До сих пор грузины, желая сделать самый большой комплимент, похвалить чьи-либо манеры, говорят, что этот человек «воспитан, как абхаз».

Вполне возможно, что такая целенаправленная система воспитания и всегда одинаковое отношение к этому всех взрослых одновременно и отражают отличительные особенности абхазов, способствуют сохранению этим народом национальных черт в самых различных исторических условиях. На протяжении веков Абхазия испытала на себе политические влияния многих других наций — древних греков (Сухуми в прошлом назывался Диоскуриа и был греческой колонией в VI—V вв. до н. э.), византийцев, персов, грузин, турок и русских. Несмотря на широкие контакты абхазов с внешним миром и неоднократные попытки более сильных народов установить над Абхазией господство, абхазский язык содержит сравнительно мало слов и грамматических

¹ Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, «Алашара», 1976, с. 105.

правил иностранного происхождения. Абхазский этикет является в основе своей общим для ряда других народов Кавказа, имеет и свои специфические черты, но при этом почти не содержит иностранных заимствований.

Очевидно, к тому времени, когда дети становились взрослыми, они были довольны своей национальной культурой и преданны идее ее сохранения, что, возможно, делалось также и ради уважения к старшим.

МАТЕРИНСКОЕ МОЛОКО ИЗ ДРУГОГО РОДА

Из рассказов долгожителей об их детстве, включая Зинаб Ашуба, я узнала об обычае, который ученые называют «обычаем аталычества». Он был широко распространен на Кавказе еще в XIX веке. У скандинавов, в частности в Исландии, у кельтов в Ирландии и Уэльсе, у гойделов в Шотландии также существовал обычай, подобный аталычеству на Кавказе. Традиция отдавать ребенка на воспитание в другую семью у этих народов существовала еще в глубокой древности и сохранилась в течение всего периода феодализма. В Ирландии, особенно среди высших слоев общества, она существовала до середины, а в Шотландии — до конца XVIII столетия. В Абхазии — до начала XX века¹.

В ученом мире нет единого мнения о происхождении и развитии обычаев аталычества в различных странах. Анализ этого вопроса помогает более полно представить характер феодальных отношений, господствовавших в Абхазии вплоть до социалистической революции, а также систему воспитания детей абхазских дворян всего семь десятилетий назад.

В Абхазии, как и в Ирландии, система аталычества на последней стадии своего развития превратилась в одну из форм феодальной эксплуатации. Люди соперничали друг с другом за право воспитывать детей дворянина или влиятельного помещика, чтобы взамен пользоваться его защитой от других феодалов, но платить за это им приходилось дорогой ценой. Прежде всего, воспитатели принимали на себя все расходы на содержание ребенка, подносили его родителям дорогие подарки и были обязаны работать на этого дворянина и его семью до конца своей жизни. В Абхазии

¹ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа. М., изд-во Восточной литературы, 1961, с. 114—115.

родители и воспитатели ребенка считались кровными родственниками. Бедные семьи стремились к этому в надежде обеспечить себе защиту со стороны более сильной и влиятельной семьи. Однако последняя в большинстве случаев получала больше выгоды, так как всегда могла рассчитывать на труд всех членов семьи-воспитательницы. В то же время, отдавая сына на несколько лет в крестьянский дом, родители обеспечивали ему лучшее воспитание в военном искусстве, ведении сельского хозяйства и знании народных обычаев, которые у простых людей соблюдались более строго.

Подобная практика была широко распространена в Абхазии, и помещики даже величали своих крестьян «наставниками». Таким образом, основные заботы по воспитанию детей ложились на плечи крестьянина, который одновременно был также и основным производителем продуктов питания. Иногда помещик принуждал взять своего ребенка на воспитание, особенно если крестьянин не был заинтересован в защите. Обычно же простые люди выполняли эту обязанность с гордостью и соперничали друг с другом, чтобы удостоиться такой чести. Некоторые крестьянские семьи брали несколько детей, но в большинстве случаев ограничивались одним.

Когда ребенка впервые приносили в дом к его будущим воспитателям, происходила церемония его передачи. Женщинам — будущей кормилице и той, что ее сопровождала в дороге от дома дворянина, — преподносились подарки: кровать, детское белье, медный котел, ванночка для купания ребенка, молочная корова, одежда. Богатые семьи посылали своих слуг для ухода за ребенком на все время его пребывания в крестьянском доме.

Воспитатели давали малышу имя, выбирая его особенно тщательно и в соответствии с общественным положением его родителей. Чужому ребенку отдавали предпочтение перед своими во всем, включая питание, одежду и повседневное внимание. Если у кормилицы было мало молока, то она кормила грудью в первую очередь воспитанника даже в том случае, если ее собственному ребенку совсем ничего не оставалось. Так же относятся к приемным детям в Абхазии и сейчас. Я разговаривала с несколькими молодыми людьми, которые остались без родителей и поэтому воспитывались у родственников или соседей. И все они заявляли, что пользовались гораздо большими привилегиями, чем родные дети воспитателей. Оставшийся без отца абхаз, которого воспитал его дядя, рассказывал мне, что он в детстве

любил сидеть у него на коленях, в то время как его собственные дети были лишены такого удовольствия, если в комнате в тот момент были другие люди, старше дяди по возрасту.

В системе аталычества грудное молоко было одним из главных условий. Абхазы считали, что ребенок вырастал более сильным, если питался молоком женщины из другого рода. Под другим родом имелась в виду семья с иной фамилией. Это убеждение было порождено опасением даже самого отдаленного кровосмешения. Считалось, что «новая кровь» укрепляла семейную линию, хотя абхазы не могут вступать в брак с лицами, носящими такую же фамилию, или с родственниками по материнской линии. Молоко матери из другого рода, как и «новая кровь», считалось стимулятором развития рода. Так как дворяне были в меньшинстве, а шансы заключения браков между отдаленными родственниками у них были еще большими, чем у крестьян, то они стремились «очистить» или «усилить» линию своего рода за счет молока женщины из другого рода. В этом, возможно, и кроется причина возникновения обычая аталычества много веков назад или по крайней мере объяснение, почему он сохранялся в обществе, нуждавшемся в подчинении вассалов феодалам.

Воспитателям оказывалось уважение и почести в той мере, в какой они выполняли свои обязанности в отношении приемного ребенка. В этом царстве этикета воспитанник должен был обучаться всем самым различным и часто сложным правилам поведения в семье и обществе: в присутствии гостей, людей с различным общественным положением, сверстников, женщин, старших по возрасту, на чужой территории. Престиж человека в значительной степени зависел от знания и выполнения им правил этого этикета.

Важной частью воспитания в крестьянской семье являлось близкое знакомство с природой, общение с простыми людьми и понимание народной мудрости. В то же время ребенка приучали к труду, он постигал его цену. Это подтверждается заметками грузинского писателя из дворян А. Церетели, который в книге «Пережитое» описал годы своего пребывания в качестве «аталыка» в другой семье.

«Крестьянская семья,— рассказывал А. Церетели,— с утра до ночи в движении, всех дел не переделать, дети тоже всегда чем-нибудь заняты, их ум и чувства никогда не остаются праздными. Мужчины чуть свет уходят в поле или в лес; там же, на месте, обедают и полдничают и редко

когда возвращаются домой раньше поздних сумерек. А женщины не зная устали хлопочут дома... Ребенок видит, что все работают, принимает участие в заботах взрослых и приучается к труду». В пять или шесть лет, как пишет А. Церетели, он уже прекрасно знал, как ходить за скотиной и птицей, как приготовить обед и ужин, умел просеять муку, раскатать тесто, испечь лепешку; знал, как и чем заправляются разные кушанья, и еще всякую всячину. Он твердо усвоил, когда и как пашут, сеют, мотыжат и жнут, настолько твердо, что прекрасно бы со всем этим справился, если бы у него в руках оказались орудия соответствующих размеров...

А вот что писал К. Мачавариани в 1884 году в статье «Некоторые черты из жизни абхазцев» о воспитании девочки в чужой семье:

«Кормилица употребляет все меры к тому, чтобы княжна Е. имела крошечные ножки, тонкую талию, невысокую грудь, черные тоненькие брови, высокий выпуклый лоб, длинные косы, прямой нос, здоровый цвет лица, прямую осанку, длинные пальцы и грациозные манеры с примесью легкого кокетства. Кроме того, княжна должна обучаться выделке матраца, приготовлению сукна для черкески и башлыка, тканию материи для белья, умению шить чувяки из сафьяна, шить белье, верхнюю одежду и вышивать различные узоры для украшения одежды или обуви. Сведения по этим отраслям приобретаются сначала в доме кормилицы, потом в доме родителей, где вместе с княжной живет и дочь кормилицы...

...И только выход княжны замуж заставляет названую подругу возвратиться к своей матери. Ребенок кормится молоком кормилицы до трех, пяти и даже семи лет. Кормилица не получает никакой установленной платы за воспитание ребенка, за исключением добровольных подарков... Кормилица в конце срока воспитания ведет воспитанницу к ее родителям. По обычаю необходимо, чтобы родители воочию убедились в здоровье ребенка и хорошем за ним уходе»¹.

Воспитанница, будь она из дворян или из крестьян, должна была владеть как холодным, так и огнестрельным оружием и уметь ездить верхом. В танце и пении княжна также должна была быть неутомимой.

Когда ребенка отвозили в дом к воспитателям, родители

¹ Мачавариани К. «Некоторые черты из жизни абхазцев». СМОМПК., вып. IV, Тифлис, 1884, с. 53.

не навещали его по крайней мере в течение года, а иногда и дольше. Однако другие родственники могли время от времени проверять, как его воспитывают и здоров ли он. Затем уже отец и мать начинали навещать свое дитя. И чем моложе был отец, тем реже приезжал он к ребенку, чтобы не проявлять открыто свое беспокойство, а тем самым и родительскую гордость, чувства, наиболее тщательно скрываемые в абхазском обществе. Очевидно, в ранний период существования аталычества родители вообще не посещали детей в доме воспитателей.

В начале XIX века дети оставались в домах воспитателей до 13—16 лет. Но к концу столетия этот срок уже ограничивался периодом кормления ребенка грудью, после чего его возвращали в родительский дом. И если это была семья верующих христиан, то ребенка обычно привозили на пасху.

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ КРОВНОЙ МЕСТИ

Аталычество было лишь одним из способов породнения семьи из привилегированного класса с семьей из более низкого социального сословия. Другим путем было усыновление. Но последнее в Абхазии не всегда означало, что ребенок воспитывается в другой семье, как при аталычестве. Хотя ребятишек действительно усыновляли, когда супружеская пара не могла иметь собственных или если дети оставались сиротами (как и в современной Абхазии), однако усыновление в прошлом нередко отражало стремление поставить менее влиятельную семью в зависимость от более влиятельной (как при аталычестве) или же с целью положить конец кровной вражде. В этом случае усыновление взрослого было столь же сильным средством, как и усыновление ребенка.

Офицер царской армии барон Ф. Торнау много лет жил на Кавказе и со знанием дела описал многие старинные местные обычаи. В 1835 году его усыновил абхаз, что должно было обеспечить барону безопасность в поездках по землям недружественных царскому правительству народов. Ф. Торнау писал в своих опубликованных записках: «Если два человека согласились составить между собой союз на жизнь и на смерть, то жена или мать одного из них дает другу мужа или сына коснуться губами три раза своей груди, после чего он считается родственником семьи и поль-

зуется покровительством, какое принадлежит действительному питомцу. При этом делаются подарки аталыку и кормилице... Багри, вступив в обязанности аталыка, был предан мне вполне. Благодаря его суеверию и привязанности, которую он питал к своей жене (приемной матери Торнау.— *Прим. авт.*), я мог полагаться на него, как на самого себя»¹.

Усыновление по желанию обеих сторон могло положить конец кровной вражде. И даже если одна из сторон не соглашалась на это, положение не было безнадежным. Если женщине из семьи, предложившей примирение, удалось приблизиться к ребенку из семьи, не соглашающейся прекратить вражду, и приложить, пусть даже символически, его к своей груди, мир восстанавливался. Между этими двумя семьями уже никогда больше не должна была пролиться кровь. Если невозможно было заполучить ребенка, оставался еще один путь: те, кто искал примирения, посылали мужчину из своего рода, чтобы тайно проникнуть во враждующий дом и коснуться губами груди жены или матери своего кровника. Хотя в данном случае усыновление было насильственным, оно считалось законным и признавалось всеми.

В середине XIX века князья Маршан из селения Гуп напали на село Члоу. Члоуский князь Бата Ачба со своими людьми погнался за грабителями и настиг их. Завязалась перестрелка, в которой было убито несколько человек, в том числе оба предводителя. Члоуские князья считали себя обиженной стороной: на них напали первыми и они потеряли в схватке своего вожака. Все шло к тому, что вражда между ними будет долгой и кровавой. Чтобы избежать этого, гупские князья уговорили семью Ачба согласиться на усыновление или воспитание одного из их детей. Но чтобы никто не мог говорить, что члоуские князья согласились на недостойное примирение, гупцы похитили трехлетнего сына Баты Ачбы, убитого в сражении. Они воспитывали мальчика три года, а затем возвратили его в семью с большими подарками. Породнившись, обе семьи были вынуждены забыть свою вражду.

В 1915 году в селе Кутол крестьянин Нарик Ласурия, мстя за украденную у другого крестьянина лошадь, убил князя из деревни Кутол. Княжеская семья потребовала десять крестьянских жизней за убитого. Жители деревни

¹ Цит. по кн.: Инал-ипа Ш. Д. Социальная сущность аталычества в XIX веке. Сухуми, «Алашара», 1956, с. 78—79.

отвергли это требование, но они боялись гнева князей и потому решили во что бы то ни стало добиться примирения.

И вот двое крестьян отправились в дом князя. Пробравшись в комнату, где спали брат убитого с женой и ребенком, они похитили малыша вместе с люлькой и другими вещами и скрылись. Погоня была безрезультатной, ребенка село вернуть отказалось. Мальчика воспитывали с особым старанием в доме Нарика Ласурия, который и сделал тот роковой выстрел. Завершив воспитание, он вернул ребенка в семью с дорогими подарками. Крестьянские приношения семье князя продолжались и потом ко всем праздникам.

Были, однако, случаи, когда такое насильственное примирение оспаривалось. Например, в селе Тамыш возникла ссора между Базалой и Киамачем из-за участка земли. Желая положить конец вражде, Базала похитил малолетнего сына Киамача и усыновил его, чтобы две семьи могли породниться. Позже Киамач обвинил своего брата Чинчу в том, что тот не отомстил за него. В ответ Чинча сказал, что Базала оказал честь его семье, усыновив сына Киамача. «Взяли моего сына, а ты тут при чем!» — парировал с возмущением Киамач.

Задетый за живое Чинча в припадке гнева убил Базалу. Жители осудили это происшествие и решили, что Чинча должен навсегда покинуть село. Его родители согласились с этим решением, не желая видеть сына, «смешавшего молоко с кровью». Сын Киамача оставался в доме Базалы еще несколько лет. Чинча же умер в изгнании, вдали от дома. Абхазская мудрость гласит: «Кровь можно смыть материнским молоком, но кровь с молоком не смешивают ни при каких обстоятельствах». Как бы то ни было, но Базала считался родственником Киамача и Чинчи. Когда Чинча убил Базалу, это было равносильно убийству родного брата.

Усыновленный ребенок не только укреплял взаимоотношения между двумя семьями, но и занимал, как уже говорилось, привилегированное положение у новых родственников. Ему отдавалось предпочтение перед родными детьми, особенно если ребенок был похищен, чтобы остановить кровную вражду — тогда он представлял еще большую ценность для семьи. Когда кто-либо вел себя слишком свободно, ему обычно говорили: «Много себе позволяешь, будто тебя усыновили».

Усыновленный ребенок также имел обязательства по отношению к тем, кто его вырастил: должен был заботиться о них в старости, если они в этом нуждались, и нес боль-

шую часть расходов на их похороны. Некоторые впоследствии были весьма внимательны к приемным родителям, другие же больше заботились о выгоде, которую давало это родство, бывшее для них, в частности, надежным источником рабочей силы или продуктов питания. По праздникам усыновившая семья обязательно привозила часть своего урожая семье усыновленного ребенка, а также выполняла для нее какую-либо работу всякий раз, когда та просила об этом.

Мало кто из крестьян мог жить без таких связей. У некоторых крестьян было по трое или более приемных детей, что обеспечивало им покровительство более сильных семей. Но за эту «безопасность» им приходилось платить дорогой ценой.

Иногда этой ценой была собственная жизнь. Дмитрий Гулиа, основоположник абхазской литературы, в известном рассказе «Под чужим небом» писал о крестьянине, умершем в сибирской ссылке за преступление, совершенное его «молочным» братом — местным князем. Князя поймали вместе с украденной им лошадью. Но он заявил, что эту лошадь дал ему молочный брат Елкан. Княгиня уговорила Елкана подтвердить эти слова, а взамен обещала, что муж поможет ему отделаться легким наказанием. Елкан понял, что, отказавшись взять на себя вину своего молочного брата, вызовет гнев семьи князя, а это принесет ему не меньше горя, чем наказание по закону. Поэтому и заявил, что украл лошадь он. Но молочный брат так и не помог Елкану. В Сибири, сильно тоскуя по родине, он умер незадолго до Октябрьской революции, которая принесла бы ему свободу...

Я слышала и читала много трагических историй, случившихся в старой Абхазии, — о семейной вражде, эксплуатации, о древних традициях, которые способствовали сохранению этой системы. Но, пожалуй, самую душераздирающую историю об аталычестве и усыновлении узнал Ш. Д. Инал-Ипа в начале пятидесятых годов от долгожителя из села Члоу Тамшуга Джопуа. Утверждают, что эта история основана на действительных событиях, имевших место в первой половине XIX века.

Однажды к Ешсоу Маршану в село Дал приехали гости из Кабарды — воспитатели его сына. Уезжая, они пригласили его в свои края и обещали, что позволят разграбить семь хозяйств. Хищный Маршан не заставил себя долго ждать. Он прибыл в Кабарду во главе отряда в 300 человек, но к тому времени кто-то другой напал и захватил обещан-

ную им добычу. Маршан с отрядом бросился в погоню за опередившими его грабителями. Он догнал их и после ожесточенной схватки освободил пленников и скот. Маршан не знал, что среди убитых во время боя был и его сын, отданный на воспитание в Кабарду. Согласно обычаю аталычества, Маршан не видел своего сына с тех пор, как того увезли из дома в раннем детстве. Когда Маршан узнал, что он и его воины стали виновниками смерти родного сына, его горе было безутешным, он не мог ни с кем говорить, боясь, что может заплакать или как-то иначе показать людям свои страдания, что было бы нарушением абхазских обычаев. Отказывался Маршан и от пищи. Из солидарности окружавшие его также не могли есть, а все мясо выбрасывали собакам. На четвертый день какая-то женщина в глубоком трауре, с ребенком на руках подошла к Маршану и спросила:

— Это ты, Ешсоу, сын Дарыквы?

— Да,— с трудом ответил он, тяжело приподняв голову.

— Как бы не услышал худшее, чем то, что ты испытал! Что значит перестал есть, с удовольствием будешь кушать!

Озадачила эта женщина Ешсоу, и он ее спросил, что значат ее слова.

— Я была женой храброго мужчины,— начала она, мысленно углубляясь в прошлое.— По соседству с нами жил князь. Он и мой муж были соперники, ни один другому ни в чем не уступал. Однажды муж говорит мне: «Боюсь, что когда-нибудь мы столкнемся с князем». Муж хотел установить с ним приемное родство и попросил моего согласия на это. «Хорошо,— отвечала я,— как могу противоречить твоему желанию, разве откажу дать свою грудь мужчине, которого ты захотел сделать братом». И вот пригласили мы князя. С утра готовились к пиру. Вдруг неожиданно напали на нас (видимо, по наущению князя). Мужа убили на месте, а 13-летнего старшего сына забрали с собой. Я выбежала во двор. А в доме в это время средний мальчик, игравший с ножом, зарезал маленького в люльке, а сам, отскочив в испуге, упал в котел с кипящим молоком и погиб. Похоронила мужа и детей с помощью соседей. В ту же ночь — опять нападение, забрали меня со всеми пожитками...

Много лет скиталась я по разным местам, немало страданий перенесла, пока не попала к нынешнему моему господину. Полтора года служила ему, не жалея себя, как только могла. Сжалился он надо мной и выдал замуж за одного

из лучших своих слуг. От него родился у меня сын. Однажды, укачивая ребенка в люльке, я невольно глубоко вздохнула — до того ничем не выдавала своего горя.

— Что с тобой? — удивился муж. Как ни отпиралась, он заставил меня рассказать свою историю.

— Боже, похищенный сын твой это я, и неужели женою мне стала мать! — воскликнул он и тут же застрелился.

— Этот ребенок, — женщина показала на младенца, — сын моего сына: и он, и отец его вышли из одной утробы, из моей. Вот что было со мной. А тебе, Ешсоу, не стыдно так горевать за потерю сына и мучить других¹.

ПЕРЕД БУРЕЙ

Феодальная зависимость и эксплуатация оставались одной из главных черт повседневной жизни крестьян Абхазии вплоть до 1920-х годов. Кроме того, многие семьи оказались разрозненными, а целые районы заброшенными после того, как тысячи абхазов, часть — по принуждению, а другие — поддавшись уговорам турок и своих хозяев-феодалов, покинули родные села и отправились на чужбину в поисках новой жизни. Большинство из них турки вынудили покинуть свои края, чтобы заставить поселиться на пустующих землях Турции и чтобы лишить русских царей резерва военной силы на побережье Черного моря, которая могла бы помешать подданным султана вновь оккупировать земли, бывшие под их контролем в течение столетий. Среди уехавших добровольно были в основном помещики и дворяне, которым в Турции обещали больше земель и богатств. И они же уговорили своих родственников и зависимых от них крестьян последовать за ними в эту «райскую землю».

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов около 40 процентов коренного населения Абхазии под давлением турецких оккупационных войск перебралось в Турцию. Это было самое крупное массовое переселение абхазов с момента начала эмиграции в 1860-х годах. Теперешние старики вспоминают рассказы своих родителей и дедов о феодалах-мусульманах, обещавших своим крестьянам плодородные участки, а в действительности приведших тех, кто не

¹ См. Инал-ипа Ш. Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX в., с. 78—79.

умер в пути от голода и болезней, на заброшенные и бесплодные земли.

В книге Георгия Дзидзария, посвященной этому трагическому периоду в истории Абхазии, приводятся слова Тараса Анчабадзе, который видел, как абхазы одного из сел покидали родную землю: «Ужасно было видеть, с какой нежностью жители Псху прощались со своей родиной. С утра до вечера были слышны душераздирающий плач женщин и детей, их крик... Печальные обеды и поминки по умершим продолжались неделями в домах и на кладбищах. Со всех краев приходили гости и друзья, чтобы попрощаться с выселяемыми... Грустные седые старики с беспокойными лицами бродили среди могил предков, прощались с ними, навсегда оставляя землю отцов и дедов... Строгие всадники, которые не желали продавать своих любимых коней, неоднократно спасавших хозяев от смертельной опасности, уводили их к лесу и выстрелом под ухо убивали... Особенно крик и плач были сильны, когда группа махаджиров направлялась к Сухуму. Кричали и плакали как уходящие, так и провожавшие... И сегодня не могу без волнения вспоминать эти тяжкие дни прощания абхазов с родиной»¹.

Через несколько лет около половины махаджиров вернулись в Абхазию. Один из них вспоминал: «Погоревали-погоревали и решили вернуться на родину. Турки не пускали нас, приходилось бежать от них тайком. Но в России нас не принимали и, задерживая в Батуми, отправляли обратно в Турцию. Мы снова бежали оттуда. Наконец русская власть сжалилась над нами и стала беспрепятственно принимать нас и расселять по абхазским деревням»².

Однако и те, кто вернулся, и те, кто никогда не покидал родину, были одинаково наказаны царским правительством, не желавшим признавать, что абхазов к отъезду принудили турки. Поэтому оно смотрело на абхазов как на «виновных» и «ненадежных». Когда царское правительство наконец разрешило некоторым абхазам вернуться на родину, оно запретило им селиться на черноморском побережье и ближе чем в 20 километрах от Сухуми. Абхазский народ называли «временными поселенцами» в его

¹ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, «Алашара», 1975, с. 214.

² Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 86—87.

собственном крае и за малейшие антиправительственные действия грозили ему полным изгнанием с родной земли.

Территория, на которой абхазы жили до их переезда в Турцию, была отдана новым поселенцам, главным образом русским, грекам, армянам, немцам, эстонцам и болгарам. К 1897 году абхазы составляли немногим более половины всего населения Абхазии — 58 697 человек. Их численность продолжала снижаться. По переписи 1914 года, абхазов было только 51 281 человек, то есть менее 40 процентов населения.

Несмотря на гнет и колониальную политику царского правительства, на рубеже двух столетий Абхазия достигла некоторого экономического прогресса. Часть крестьян уже продавала продукты своего труда, а не только обеспечивала свои семьи и помещиков-феодалов. Большое распространение получила денежная аренда земли, вытеснявшая натуральную аренду или отработку.

В 1880-х годах в Абхазии стали разводить табак, и к концу столетия он стал второй по значению после кукурузы сельскохозяйственной культурой. Некоторым крестьянам везло больше, и они, сбывая свою продукцию на местных рынках, становились зажиточнее, нанимали на работу тех, кто вынужден был продавать свой труд.

Безземельные крестьяне становились частью нового рабочего класса Абхазии. К 1911 году там имелось 395 предприятий, на которых постоянно работало 1045 человек. В числе самых крупных из них было 8 лесопромышленных предприятий с 260 рабочими. Согласно переписи 1897 года, около 2000 человек занимались «коммерцией».

Таким образом, накануне первой мировой войны капитализм в Абхазии развивался полным ходом, несмотря на сохраняющиеся феодальные отношения. Уровень его развития был недостаточным для создания экономики, необходимой для перехода к буржуазным отношениям, но он был значительно выше, чем за два десятилетия до этого, и явился причиной образования социальных групп, характерных для буржуазного общества. В селах имелись богатые крестьяне, землевладельцы-капиталисты и наемные сельскохозяйственные рабочие различной национальности. Среди промышленных рабочих абхазы составляли 10 процентов, купцов и банкиров абхазского происхождения было мало.

Хотя в дореволюционной Абхазии были все признаки экономического, социального и культурного прогресса, ко-

лониальная политика царизма могла бы привести к вымиранию коренного населения, численность которого быстро уменьшалась из-за крайней бедности и отсутствия сносной медицинской помощи. В 1913 году на медицинское обслуживание абхазов было затрачено лишь 92 000 рублей, тогда как на нужды правительственных чиновников и полицию в этой части Российской империи было отпущено 165 000 рублей. В 1909 году жители деревни Квитаули направили правительству петицию, в которой говорилось: «Мы умираем из-за недостатка медицинской помощи. Для нас не доступны ни врачи, ни медицина... У нас нет другого выбора, как пустить наши болезни на самотек; поэтому неудивительно, что уровень смертности у нас выше, чем рождаемость».

Абхазы не были представлены в центральном правительстве России. Немного было их в частном секторе экономики — как среди хозяев, так и среди рабочих.

В такой обстановке нужны были радикальные перемены, и не только для спасения абхазов, но и других малых народов и народностей Российской империи, существование которых также находилось под угрозой.

К началу первой мировой войны долгожители, о которых говорилось в первой главе, были уже взрослыми людьми, а у некоторых уже имелись дети. Росли все они в период относительно быстрых перемен, но их по-прежнему учили всегда и во всем быть послушными, уважать старших, следовать их примеру, подчиняться их воле. Родовые связи преобладали над классовыми. Нельзя было пролить кровь близких или молочных родственников. Если патриархальные, феодальные обычаи аталычества и усыновления неразрывными узами связывали эксплуататоров и эксплуатируемых, то какие же перспективы демократических преобразований могли быть у этого общества? Воспитание этих долгожителей, казалось, способствовало сохранению статус-кво, незыблемости существующей власти.

И все же впереди были великие социальные перемены. Как же изменилась жизнь этих людей и как эти люди изменили ход своей истории?

*«Дружная работа жизнь удлиняет,
Труд из-под палки жизнь отравляет»*

(Абхазская пословица)

ГЛАВА IV.

АБХАЗСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ

РЕВОЛЮЦИЯ

Мид Эник, родившийся в 1900 году в Лыхны, неподалеку от бывшей резиденции правителей Абхазии князей Чачба, не относится к долгожителям и не является сколько-нибудь выдающейся личностью в своем селе. Но как и все старики в Абхазии, он пользуется уважением и в своей семье, и среди односельчан. И поэтому история его жизни стала частью этой книги наряду с рассказами других абхазских стариков, которых я просила вспомнить дни своей молодости.

Я приехала к Миду Энику в холодный осенний полдень, когда, одетый в рабочую одежду, он делал то, к чему привык с семилетнего возраста и чем ежедневно занимается каждый крестьянин. Я искала абхазскую семью среднего достатка, чтобы описать ее в главе, посвященной специально этой теме. Мне сказали, что семья Мида Эника относится как раз к этой категории. Кроме того, сам он мог бы рассказать об отношении простых крестьян к социалистической революции и созданию большевистского правительства в Абхазии.

Воспоминания Мида начинаются с того времени, когда ему было семь лет и он вместе с двумя братьями и двумя сестрами потерял родителей. Мать и отец умерли примерно в одно время, оставив семью на попечение старшего сына, которому в то время едва исполнилось девять лет. Дети жили в доме родителей, типичном для того времени абхазском доме, состоявшем из одной комнаты с очагом и спальными местами. Работали в этом маленьком хозяйстве все дети, однако они не смогли бы выжить без помощи родственников и соседей.

Я спросила Мида, помнит ли он случаи гибели людей в Абхазии от голода.

— Нет,— сказал он не задумываясь.— Крестьяне помогали друг другу. Все мы знали, что если будем помогать другим, когда дела у нас идут хорошо, то в другой раз, когда придет беда, кто-нибудь поможет и нам.

— Так почему же среди крестьян возникло недовольство, которое в конце концов привело к революции? — спросила я.

— Мне было лет 12—13, когда я впервые услышал, как люди выражали недовольство существующими порядками. Это было перед первой мировой войной. Были недовольны царизмом и местными феодалами. Недовольство высказывали и раньше — с середины XIX века, когда в Абхазии начались крупные народные волнения. Но лично я помню такие открытые протесты лет с 12—13.

Мид рассказал, что земля, на которой он сейчас живет, принадлежала правителям Абхазии князьям Чачба:

— Мы обычно отдавали им большую часть урожая, остатка нам не хватало, чтобы дожить до следующей осени. Царь был так далеко от нас, что мы даже не рассчитывали на его защиту. Мы хотели избавиться от нашего местного правителя. Люди говорили, что готовы перестрелять князей и покончить с дворянством. Особенно невыносимо было думать, что собирали-то мы урожай достаточно большой, чтобы прокормиться самим, но львиную долю отдавали князьям Чачба или другим землевладельцам. Нам оставалась лишь десятая часть того, что мы производили. Люди стали думать, как сделать так, чтобы земля, которую мы обрабатывали своими руками, полностью принадлежала нам.

— Мне было около 13 лет, когда революция докатилась и до наших мест,— рассказывает 78-летний Чичико Логуа из села Члоу, что в двухстах километрах к югу от Лыхны.— Земли всегда нам не хватало, так что склонить крестьян на сторону революции было нетрудно, пообещав им земельные наделы. Для крестьян это был главный вопрос. Мы пасли скот богачей, делали своими руками всю тяжелую работу. А князья заправляли всем в округе и эксплуатировали нас как могли...

В 1905 году народное недовольство достигло широких масштабов. Начальник Сухумского округа (так именовалась Абхазия в дореволюционное время) докладывал начальству в Петербург о сходе, который был созван в ноябре 1905 года, примерно в то же время, когда проходила первая русская революция: «...Был собран в Гудаутах большой сход аб-

хазцев всего Гудаутского участка, на котором я обратился к ним с речью о необходимости для абхазского населения держаться существующего правового порядка и не примыкать ни к какому из противоправительственных движений. Когда я закончил, то один... став на возвышение, со своей стороны обратился с речью к сходу на абхазском языке. Кроме того, на этом же сходе я увидел другого агитатора, тоже задержанного по настоящему делу, именно фельдшера Гудаутского приемного покоя Григория Орджоникидзе, который... как с абхазцами, так и лично со мной говорил и спорил на грузинском и русском языках... Именно он доказывал, что правового порядка уже не существует и что каждый волен действовать по своему усмотрению»¹.

Начальник Сухумского округа писал далее, что он со своими приближенными вынужден был покинуть сход, так как основная масса его участников выразила свое согласие с большевистскими ораторами.

Сиуарну Джопуа из Члоу сейчас 103 года. Ему было уже под сорок лет, когда пришло известие о свержении царя.

— Я помню это очень хорошо,— вспоминает он.— Когда большевики появились в Члоу и объяснили мне, что происходит, сказали, что нужна революция, и я тут же с ними согласился. И причина была очень простая: невыносимые условия жизни. Мы всегда работали на богатых. И знали, что при новой системе хуже не будет. В 1921 году, всего за несколько дней до установления Советской власти, я видел, как один из местных князей отнял у крестьянской семьи вола. Просто пришел и забрал. У него было 16 своих волов, но один из них подох. Он же слышал, что у крестьянина — нашего соседа был хороший вол. И князь решил его забрать себе. Перечить ему никто не осмелился.

При этом разговоре присутствовал и другой житель Члоу, 85-летний Григорий Ахуба. Он вмешался в беседу:

— Разные были князья. Были среди них и прогрессивные. Один из них построил школу на собственные деньги и сам платил учителям. Потом мы поняли, что он тратил деньги, которые мы же для него и заработали, обрабатывая его землю. Но в то же время мы уважали его «щедрость». Кроме того, князь не любил людей, которые уклонялись от работы, всегда выступал за справедливость. За это я его уважал...

¹ Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 108.

В соседнем селе Джгерда я познакомилась с 74-летним Чкуа Абухбой, который вырос в семье из девяти человек, ютившейся в тесном доме с двумя комнатами — обычном жилище крестьян-бедняков и середняков Абхазии тех дней. Чкуа Абухба оказался среди нескольких крестьянских детей, которым посчастливилось получить кое-какое образование, в основном религиозного характера, и он научился немного читать и писать.

— За учебу должны были платить наши родители, — сказал Чкуа Абухба. — Они нанимали учителя. Все было совсем не так, как теперь, правительство ни за что не платило.

95-летний Куча Тванба из села Дурипш рассказал мне, что в начале века к образованию стремились очень многие абхазы. «Это одна из главных причин, по которой крестьяне приветствовали социальные изменения, — пояснил он. — Они видели, что дворяне получали образование, становились чиновниками, образованными людьми. Другая причина в том, что мы понимали: у наших помещиков всего гораздо больше, чем у нас, хотя им не надо было для этого столько трудиться. Еды нам хватало, но это же несправедливо, что мы работали так много и упорно, а потом чуть не все отдавали помещикам. Новая власть обещала: все, что мы вырастим на земле, будет принадлежать нам. Вот две основные причины перехода крестьян на сторону революции», — заключил Куча Тванба, дочь и сын которого стали уважаемыми в округе преподавателями.

Мид Эник согласился с тем, что сказал Куча Тванба, и отметил, что он тоже очень хотел учиться в школе. «Но как мог я, такой бедный и без подходящей одежды, ходить в школу, учиться. Дети, которые посещали школу, были хорошо одеты. А потом, нам всем надо было много работать, чтобы прокормиться. Я научился читать и писать только в середине двадцатых годов, когда началась кампания по ликвидации неграмотности. Но тогда я был уже взрослым и мне было трудно учиться. И до сих пор я не очень хорошо могу читать и писать».

Некоторым абхазским крестьянам удавалось выучиться грамоте. Куча Тванба рассказал мне, как единственный грамотный крестьянин в их селе написал жалобу местным чиновникам, умоляя от имени всех крестьян пресечь действия помещика, самовольно захватившего большие участки крестьянской земли. Власти решили оставить помещику лишь шесть акров тех земель, на которые он претендовал. На сходе, созванном для оглашения этого решения, по-

мещик отругал крестьянина, написавшего жалобу, и напомнил ему, что читать и писать тот учился в его помещичьем доме. Крестьянин был одним из слуг помещика.

В те дни проходили сходы и другого рода, особенно после известия о социалистической революции в России.

— Помню, как однажды мой старший брат вернулся домой с большого схода,— сказал Мид Эник,— и поведал нам, что слышал он о «великом человеке, который живет в России», его звали Ленин, и он раздавал крестьянам земли помещиков. Народ на сходе обсуждал именно эти важные события. Такие новости сельчанам приносили люди вроде моего брата, они пользовались уважением и доверием. Мы верили их словам о том, что Ленин делает так много для народа России. Позднее я был на сходе в селе Лыхны, и там группа крестьян поклялась, что если перед Абхазией откроются такие же перспективы, то все поддержат Ленина.

В селе Ачандара, неподалеку от Лыхны, живет 90-летняя Наташа Кварчелиа. Она рассказала мне:

— Раньше мы видели только плохое. У нашей семьи не было земли. Родители работали на богатого помещика. Я помогала по дому. Трудились упорно от зари до зари. Мы не голодали, но вдоволь никогда не наедались. Я вышла замуж в 1921 году, когда в Абхазии было создано советское правительство. Я старею и уже плохо помню все те события. Но помню все, что я думала тогда: при новом правительстве жизнь станет лучше, потому что руководить будем мы сами — абхазы.

95-летний Иосиф Абгаджава из села Ачандара, как и Наташа Кварчелиа, революционной деятельностью не занимался. Однако и он сам, и большинство других крестьян, рассказывает Иосиф, одобряли революцию. «Мы слышали, что в России уже было Советское правительство, и с нетерпением ждали, когда такое же правительство будет образовано и в Абхазии». После падения царизма в России Грузия и Абхазия оказались под контролем меньшевиков. Ухудшилось экономическое положение.

— Меньшевиков я помню хорошо,— рассказывал Чкуа Абухба.— Они вели себя ничуть не лучше, чем наши бывшие помещики и князья: мы должны были их кормить! Если же мы отказывались, нас заставляли силой. Некоторых из них я даже знал лично. Моего старшего брата меньшевики заставили служить в их армии... Но в конце концов мы от них избавились.

Григорий Ахуба из Члоу сделал такой вывод:

— Меньшевики были хуже царского правительства. Они сожгли дом моего дяди за то, что он не пошел с ними. Тогда мой дядя взял и вступил в Красную Армию, которая шла к нам с севера. Я раздобыл оружие и с двумя друзьями ушел к партизанам сражаться против меньшевиков. Крестьяне особенно не любили меньшевиков, потому что те силой отбирали у нас зерно и хлеб.

Чичико Логуа вспоминает, что крестьяне так и не получили земли, которую им обещали меньшевики. «Мы, молодежь, вступали в партизанские отряды, воевавшие против меньшевиков. Мы дрались за землю, которую обрабатывали веками...»

Известным руководителем большевиков в Абхазии был Нестор Лакоба. Во время революции ему было около тридцати лет.

— Я очень хорошо знал Нестора,— сказал Мид Эник, назвав его по имени, как это делают и многие другие абхазы, как знавшие его лично, так и вовсе не бывшие с ним знакомы.— Он был нашим соседом. Нестор Лакоба отличался беспредельной добротой и храбростью — качествами, которые очень высоко ценятся среди нас. Нестор пользовался огромной популярностью. Мы все доверяли ему, верили всему, что он говорил, ибо это был человек, который никогда бы не обманул нас. Дворяне распустили слух, что Нестору вроде бы заплатили, чтобы он сбивал крестьян с правильного пути. Среди тех, кого я знал, никто этому не верил. В крестьянской среде были и осторожные люди, которые хотели выждать и посмотреть, что же будет, в какую сторону подует ветер. Но таких было не много. Большинство поддерживали Нестора.

Куча Тванба вспоминает:

— Наши чаяния совпадали с тем, что провозглашали революционные декреты в России. Мы хотели присоединиться к этой революции. Но здесь какое-то время хозяйничали меньшевики. Они перекрыли дороги в горах, никого не пропускали ни в Абхазию, ни из Абхазии. Мне в то время было уже за тридцать, и вместе с моими сверстниками я воевал на стороне большевиков. Возможно, среди помещиков кто-то поддерживал меньшевиков, но я не помню, чтобы сохранения меньшевистского правительства желал хоть один простой человек.

Историк З. В. Анчабадзе в книге «Очерк этнической истории абхазского народа» приводит воспоминания Н. Ко-

коскерия, воевавшего против большевиков в составе добровольческого отряда. Н. Кокоскерия описывает свою беседу с Нестором Лакобой в феврале 1918 года, которая в корне изменила весь ход его мыслей. Лакоба спросил, что общего у Кокоскерия с теми, кто воюет на стороне меньшевиков. Кому, по его мнению, он здесь помогает. Кокоскерия ответил, что он защищает от врагов свою родину — Абхазию. Лакоба усмехнулся, вспоминает Кокоскерия, а потом спросил:

— В пользу кого?

— В пользу абхазского народа,— ответил Кокоскерия.

На это Н. Лакоба возразил:

— Кто такие ваши начальствующие лица? Конечно, князья и дворяне. Кто такие правители города Сухуми? Опять-таки они. Назови хоть одного рабочего или крестьянина среди них! Не найдешь. Следовательно, вы охраняете не народ, а кучку господствующих людей...

«Я,— признался Кокоскерия,— целый день ходил как пораженный, и мне стало стыдно носить свои погоны... Для меня открылся новый мир и новые понятия. Я твердо решил сказать своим товарищам, что мы заблуждаемся...»¹

Среди ополченцев началось брожение, распространялось общее недовольство меньшевистским правительством. В 1919 году меньшевики вынуждены были восстановить собственное название страны — Абхазия (до этого она по-прежнему называлась Сухумским округом, как и при царе).

Некоторые из моих абхазских собеседников лично знали Нестора Лакобу. Он был неотделим от народа, работал в гуще его и для него. Житель села Ачандара, 71-летний Наиб Царгуш, был тогда еще мальчишкой, но и он оказывал революции посильную помощь.

— Когда Лакоба был в подполье, он часто приходил в наш дом, чтобы обсудить важные дела,— с гордостью рассказывал мне Наиб Царгуш.— Мне поручали разыскивать нужных людей и передавать им необходимые сведения. Когда большая группа местных большевиков собиралась вместе, мне поручали наружную охрану — я должен был предупреждать о приближении полиции. Я очень хорошо помню то время...

В феврале 1921 года по всей Грузии и Абхазии началось вооруженное восстание против правительства меньшевиков. 25 февраля 1921 года над древним Тбилиси взвился красный флаг социалистической революции. А 4 марта 1921 года

¹ Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 110.

завершилась массовая борьба большевиков Абхазии: знамя революции поднялось и над Сухуми.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

— Вскоре после образования здесь Советского правительства был создан комитет бедноты для распределения земли,— вспоминал Мид Эник.— Постепенно жизнь улучшалась: в Абхазии 40 тысяч земельных наделов были переданы крестьянам, причем размеры участков определялись по числу едоков в семье.

Зажиточные крестьяне и помещики, конечно же, противились этому. Князья всегда пользовались здесь довольно большим влиянием, но они начали постепенно исчезать: одни умирали, другие покидали эти земли, переселяясь в города или уезжая за границу. По-новому жить они не хотели...

Сестры и братья Мида получили от новой власти пять гектаров земли. Я спросила, достаточно ли это? «Мы не смогли бы обработать большую площадь,— ответил Эник,— так что этого нам было вполне достаточно».

Куча Тванба рассказал мне, что те, у кого до революции было мало земли или не было совсем, при новой власти выиграли больше всех. Правда, жизненный уровень поднялся не сразу. Но большинство тех, с кем я беседовала, заявили, что в тридцатых годах жить стало значительно лучше.

В селе Джгерда 86-летний Элизбар Ашуба рассказывал мне, что сельскохозяйственная техника и трактора появились у них только после организации колхоза в 1929 году. Для объединения в единое хозяйство было вполне достаточно десяти крестьянских дворов. Элизбара направили в Сухуми учиться на курсы специалистов сельского хозяйства. Он вспоминал, как несколько мелких кооперативов, постепенно объединив свои средства, создали в Джгерде крупный колхоз, в котором сегодня насчитывается уже несколько сот семей.

106-летняя жительница села Джгерда Лидия Кецба вспоминала:

— Сегодня все в Абхазии, включая женщин, живут лучше. Перед войной и во время войны меня трижды избирали в состав местного органа власти. А до революции разве могла бесправная женщина ходить на собрания и участвовать в принятии решений?! Кто спрашивал у нее совета?

Ничего подобного не было... Теперь мы полностью равноправны с мужчинами. Мы не только получаем образование, нас также избирают в органы государственной власти, мы занимаем важные посты. Если до революции женщина рожала 10 детей, никто на это не обращал внимания. Сейчас же таким многодетным матерям оказывают денежную помощь, их награждают орденами и медалями...

Я узнала, что, работая в местном Совете, Лидия Кецба участвовала в составлении планов развития села и сельскохозяйственного производства. «Если кто-либо работал плохо, мы его критиковали, а если это не помогало, то исключали из колхоза. Но это случалось редко. Настроение у нас было хорошее, и почти все мы работали с большим энтузиазмом».

Я спросила, повлияла ли общественная работа Лидии на ее жизнь со вторым мужем. Отличались ли отношения в этом браке от тех, что установились у нее с первым мужем, когда мир женщины полностью ограничивался лишь ее домом? Был ли ее второй муж все еще под влиянием прежних воззрений на положение женщины и поэтому неодобрительно относился к ее новому, «нетрадиционному» положению в обществе? Или же, наоборот, считал Лидию равной себе и соответственно относился к ней?

Лидия улыбнулась, и в этой улыбке отразилась мудрость опыта всех ста лет ее жизни. Она поняла мой вопрос так, как могла понять его только женщина. Немного подумав, она с достоинством сказала:

— Ни один из них не обращался со мною плохо. Мой второй муж был председателем сельсовета, когда мы решили объединиться в колхоз. Фактически это решение было принято в моем доме и с моим участием. Муж был полностью на стороне революции. Самое же главное — это любовь между мужчиной и женщиной. Если муж любит свою жену, то она будет счастлива в любом обществе, при любом правительстве. Мы с мужем жили хорошо.

Возможность кормить и одевать семью — это неотъемлемая часть понятия «хорошая жизнь». Когда крестьяне начали работать на своей земле, а не на земле хозяина, прокормить семью стало значительно легче. Поскольку основой экономики Абхазии оставалось сельское хозяйство, осуществление земельной политики приобрело здесь особую важность. Вскоре после образования Советского правительства началась организация кооперативов. Народ сразу же воспринял идею коллективного труда, так как народные

обычай взаимопомощи были по-прежнему сильны. Позже на этой основе были созданы колхозы.

Однако на пути коллективизации в Абхазии стояли и значительные препятствия, из-за которых этот процесс начался там чуть позднее — примерно в 1931 году, в то время как в более развитых районах страны коллективные хозяйства начали интенсивно создаваться уже в 1928 году. К середине 1931 года в колхозы вступали в основном бедняки и батраки. Затем к ним присоединились середняки. Этот процесс в Абхазии тормозился пережитками патриархальных и феодальных отношений. Мешали коллективизации также и такие факторы, как многонациональный состав населения, нехватка политического и организационного опыта, различия в культурном уровне людей, слабо-развитый транспорт, территориальная разбросанность сел, многочисленность культур, выращиваемых в каждом личном хозяйстве.

Но все эти препятствия были преодолены. Большинство населения увидело все преимущества коллективного труда. Дочь безземельного крестьянина из села Ачандара Наташа Кварчелиа рассказывала, что в ее деревне и молодежь, и старики охотно вступали в колхоз.

Житель села Ачандара Наиб Царгуш вспоминал: «Коллективизацию помню хорошо. В 1931—1935 годах я активно занимался организаторской работой. Жизнь стала лучше, когда землю национализировали, но особенно — когда мы объединились в колхозы, а потом укрупнили их. Жизненный уровень значительно повысился в конце тридцатых годов, накануне войны с фашистской Германией. Постепенно появлялось больше и больше машин, облегчающих труд земледельца. Но даже при нашем тяжелом ручном труде люди старались работать с удвоенной и утроенной энергией — просто потому, что видели, как наш труд улучшает нашу же жизнь! Раньше в Ачандаре было четыре колхоза, а после войны они слились в один крупный колхоз, объединивший 300—400 крестьянских дворов».

95-летняя Джгуг Чамагуа призналась мне, что поначалу она не очень понимала, зачем нужна коллективизация, но когда ей объяснили, что люди будут сообща обрабатывать землю и возделывать табак, ей понравилась идея работать вместе с другими. «Было тяжело и одиноко самой следить за своим хозяйством. Мой муж большую часть времени отсутствовал, уезжал по делам. В первый год я так и не поняла, что же происходит вокруг, а поскольку организация

была слабой, то у нас было множество проблем. Затем я увидела, что трудиться в коллективе гораздо интереснее и выгоднее. Я работала, получала за труд достаточно для содержания детей».

В этот момент в разговор вмешался сын Джуг Чамагуа Михаил, которому уже далеко за 50. «Помню, как мать будила меня и моего брата еще до рассвета и мы шли на ломку табака,— рассказывал Михаил.— Было здорово — там собирались все соседи: и взрослые, и дети. Еще светила луна, мы работали и играли до самого рассвета, а потом все вместе любовались потрясающим зрелищем — восходом солнца. Работать в коллективе было намного интереснее, на низке табака уже не приходилось сидеть в одиночку. Для этой работы мы собирались по 40—50 человек в одном большом сарае, и нам всем было интересно. Мы и разговаривали, и пели, и это совсем не было похоже на работу».

Куча Тванба рассказал мне о зарождении колхоза в селе Дурипш. Сегодня это один из передовых колхозов Абхазии. «Активисты местного Совета — примерно 6—7 семей — решили объединиться для совместной работы в экспериментальный кооператив. И они убедились, что, работая сообща, можно производить больше продукции на продажу государству, поэтому идея коллективного труда всем понравилась. Доходы колхозников возросли, появилась возможность приобретать в государственных магазинах промтовары и продукты питания по сниженным ценам. Я лично не решался стать членом кооператива до тех пор, пока не увидел, что дела в нем идут хорошо. Через пару лет вступил и я и с тех пор так и работаю в этом колхозе».

Из воспоминаний Мида Эника: «Я и моя семья вступили в колхоз здесь, в селе Лыхны, в 1931 году. Поначалу было трудно, и некоторые жалели, что вступили, потому что организация была слабой, отсутствовали машины для обработки больших полей. Так продолжалось года два, пока мы не научились управлять крупным хозяйством, слаженно работать, что на практике потребовало некоторого изменения нашего мышления. С приходом новой сельскохозяйственной техники, первых у нас тракторов мы все больше убеждались в преимуществах колхозов. Это был уже канун второй мировой войны. Конечно, если бы не война, жизнь улучшалась бы гораздо быстрее».

Прогрессивные изменения происходили по всей республике. В конце двадцатых и особенно в тридцатые годы в сельских магазинах появились промышленные товары —

одежда и обувь, до этого многие носили их только домашнего производства. Куча Тванба рассказал мне, что иногда во время танцев молодые девушки по очереди надевали одну пару туфель. 74-летний Чкуа Абухба так суммировал происшедшие изменения: «После установления Советской власти в деревне открылись магазины. Моя семья получила землю, и я помню, насколько был рад своей первой в жизни паре ботинок из магазина».

В таких отсталых районах бывшей царской России, как Абхазия, Советское правительство уделяло промышленному развитию особое внимание. Во время первой мировой войны и при меньшевистском правлении (до 1921 года) из 30 небольших мастерских Абхазии около половины не работало. Самыми крупными предприятиями были Сухумская типография (23 рабочих) и лесопильня (22 рабочих). В первые же годы Советской власти были реорганизованы старые и построены новые предприятия. В 1923—1924 годах на эти цели было израсходовано 400 тысяч рублей — огромная сумма для периода экономической разрухи, вызванной первой мировой, а затем и гражданской войнами.

Вначале строились предприятия пищевой и деревообрабатывающей промышленности. В 1925 году из Ленинграда в Сухуми было послано оборудование для табачной фабрики, которая с тех пор остается крупнейшим в республике предприятием по переработке сельскохозяйственной продукции. В следующем году из Смоленска было поставлено оборудование для винзавода в Гудаутах. В 1926 году в Ткварчели начались геологические изыскания, а к 1935 году была построена первая угольная шахта. Первые шахтеры прибыли из Донбасса, чтобы передать свой опыт местным рабочим. Абхазские шахтеры явились первым отрядом нового класса — промышленных рабочих республики. Индустриальное развитие Абхазии ускорилось в тридцатые годы, когда были построены первые в этом районе гидроэлектростанции.

Статистика зачастую утомляет, однако она может наглядно показать темпы индустриального развития Абхазии. Например, в 1940 году одна только пищевая промышленность произвела продукции на 37,6 миллиона рублей (против 191 тысячи рублей в 1928—1929 годах), что составило 56 процентов стоимости всего промышленного производства Абхазии. На первом месте стояло тогда табаководство, на втором — чаеводство. В легкой промышленности вперед вышли обувная, избавив девушек от необходимости переда-

вать на танцах туфли друг другу. В период 1932—1940 годов производство в этой отрасли выросло на 10,5 процента.

Промышленное развитие Абхазии планировалось с учетом имеющихся ресурсов, причем не только автономной республики, но и Грузии, частью которой она является, и всего Закавказья в целом. Если Абхазия не могла что-либо производить своими силами, она получала это из других районов страны и наоборот. И по сей день Абхазия вносит свой вклад в советскую экономику, поставляя в другие районы нужную там продукцию и в свою очередь получая оттуда то, чего нет здесь. Такая форма разделения труда явилась великим завоеванием ленинской национальной политики, направленной на создание одинакового уровня жизни по всей стране. В соответствии с ее принципами бывшие отсталые районы получали всю возможную помощь, чтобы приблизить их жизненный уровень к установившемуся в более развитых районах. Вот почему темпы роста промышленного производства в Абхазии в двадцатые и тридцатые годы были выше, чем в среднем по стране. То же самое происходило, как известно, и в других национальных республиках, где жили узбеки, таджики, казахи и т. д.

Индустриализация Абхазии не была закончена к моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз в 1941 году. Еще многое нужно было сделать для развития промышленности республики.

В то время как сельское хозяйство и промышленность Абхазии стремились достичь современных мировых стандартов, республика прилагала массу усилий и в таких областях, как медицина, образование, культура. Нужны были хорошие коммуникации, связывавшие отдаленные горные селения и прибрежные районы, чтобы более эффективно использовать капиталовложения, которые выделялись для развития абхазской экономики.

До социалистической революции почти 150-тысячное население Абхазии обслуживали всего восемь врачей и четыре больницы на 92 койки. К 1940 году число врачей возросло в 50 раз, больниц — в 10, а число больничных коек — в 15. В тот же период было построено множество курортов и домов отдыха. Абхазия превратилась в центр растущей курортной зоны общесоюзного значения. Благодаря росту жизненного и культурного уровня, а также широкому распространению здравоохранения значительно снизилась смертность: в 1940 году она составляла 9 смертей на 1000 человек населения, в то время как в 1898 году эта цифра рав-

нялась 17. В то же время темпы естественного прироста населения Абхазии почти удвоились, поднявшись с 10 до 17 процентов. Был достигнут значительный прогресс также и в области народного образования. За 1921—1940-е годы число школ в Абхазии возросло почти в два, а школьников в 5 раз: к 1940 году школ было 454, а учеников 58 800. Большинство новых школ построили в сельской местности. Это было время, когда получали свое образование нынешние абхазские специалисты, деятели культуры и политические руководители. Эти крестьянские дети могли бы так и не научиться читать и писать, если бы не решительный курс Советского правительства на всеобщую грамотность.

Помимо строительства школ важным шагом в развитии просвещения в Абхазии была также организация подготовки национальных кадров преподавателей. В первые годы Советской власти среди абхазов педагогов почти не было. В 1926 году были дополнительно организованы специальные курсы подготовки учителей для абхазских школ. Через пять лет, к 1931 году, педагогов-абхазов было уже достаточно для всех школ республики.

Вскоре были открыты Сухумский педагогический институт и Институт субтропических культур. Исследовательские центры начали пополняться квалифицированными специалистами.

К моменту нападения гитлеровских войск на СССР в 1941 году в Абхазии уровень неграмотности населения составлял всего 3 процента, а каких-нибудь двадцать лет назад он равнялся 92 процентам. Среднее и высшее образование стало доступным для всего населения. Это был твердый фундамент, крепкая основа для дальнейшего социального и экономического развития автономной республики.

В БОРЬБЕ С АГРЕССОРОМ

Мирный 20-летний период строительства социализма в стране и успешный процесс преодоления вековой отсталости на ее окраинах были прерваны летом 1941 года нападением фашистской Германии. Все государство было мобилизовано для отпора врагу. На фронтах Великой Отечественной войны сражались представители всех народов и национальных групп, населяющих СССР, и среди них — абхазы. Погибло 20 миллионов советских людей. 10 тысяч абхазов — около одной шестой всего населения автоном-

ной республики — не вернулись с фронта домой.

Все рассказы о войне, которые я слышала в Абхазии, были очень похожи один на другой. Каждая семья потеряла кого-нибудь на фронте или в тылу врага. И никто мысли не допускает о том, что снова придется испытать подобные тяготы и отказаться от новой жизни, начавшейся в этой республике в 1921 году.

Абхазия не была оккупирована немецко-фашистскими войсками, которые многие месяцы пытались захватить Кавказ. Советские войска героически сражались на подступах к Кавказскому хребту, чтобы не пустить фашистов в этот стратегически важный район страны — Закавказье, куда еще в XIX веке стремились проникнуть Турция и Англия. Особенно привлекал гитлеровцев богатый нефтью район Баку, захват которого дал бы столь необходимое для гитлеровской армии топливо.

Пока мужчины помоложе воевали на фронте, а старики служили в горах проводниками и разведчиками регулярных частей Советской Армии, абхазские женщины и дети оставались дома, взяв в свои руки практически все народное хозяйство республики. Многие тысячи беженцев из временно оккупированных районов Белоруссии, Украины и юга России прибыли в Абхазию, где местные жители помогли им жильем, пищей, одеждой. Работа в поле была тяжелой, продуктов питания не хватало, но абхазы делились всем, что имели. По старинным законам гостеприимства, подкрепленным узами крепнущей дружбы между народами Советского Союза, гостям в Абхазии отдавалось все самое лучшее.

Гудж Чхинджерия, 78-летний житель села Джгерда, рассказывал мне, что никогда не ходил в школу, но читать и писать научился в тридцатые годы на курсах ликбеза. Он вспоминал о том, что только-только жизнь начала улучшаться, когда ему в 38 лет пришлось оставить жену и детей и идти воевать. В 1942 году на Украине в боях на реке Донец он был тяжело ранен и по состоянию здоровья демобилизован из армии.

Ивану Зухбе было уже 85 лет, когда я встретила с ним в Джгерде в 1982 году. Он воевал добровольцем в одном из разведотрядов, активно действовавших во время битвы за Кавказ. Отряд был сформирован из тех, кто по возрасту уже не подходил для службы в действующей армии. Максимальный возраст этих добровольцев был 70 лет, минимальный — 40. Все они были местными жителями, хорошо знали горы

и потому стали незаменимыми помощниками регулярной армии.

Иван Зухба рассказал мне, как он удочерил девочку из числа беженцев. В его родной деревне было много женщин и детей, эвакуировавшихся в Абхазию. Однажды в их дом зашла молодая русская женщина, осталась жить, а через несколько дней спросила, не могли бы они некоторое время присмотреть за ее шестилетней дочерью. Единственное, что знала о ней семья Ивана Зухбы,— она прибыла из Краснодара. После этого Иван никогда больше не встречал ее и по сей день не знает, что с ней случилось. Вместе с женой они воспитывали девочку, как родную. Она закончила среднюю школу, потом вышла замуж за абхаза и теперь считает супругов Зухба своими родителями, хотя и знает, что ее настоящая мать была русской. Она считает себя абхазкой, говорит по-абхазски намного лучше, чем по-русски. Несколько лет назад она разыскала в Краснодаре двух родных братьев. Время от времени гостит у них, однако ее абхазские корни довольно прочные. Она решила, что останется абхазкой до конца жизни.

Профессор философии Сухумского университета Григорий Смыр рассказал мне аналогичную историю. Во время войны ему было пять лет и он жил в абхазском селе. Его дед и другие старики, хорошо знавшие местность, во время обороны Кавказа были в армии разведчиками. «Все, кто оставался в тылу,— рассказывал Григорий Смыр,— упорно трудились. Женщины обрабатывали землю, вязали из шерсти одежду и носки для солдат, а мы, дети, собирали лечебные травы. Мы также заботились об эвакуированных жителях оккупированных районов. Наш дом был открыт для них. У нас всегда жило не менее пяти беженцев, и мы делились с ними едой, одеждой и вообще всем. Одно время у нас жила молодая женщина Валя. У нее был грудной ребенок — девочка месяцев пяти. Мы знали только, что муж Вали погиб на фронте. Затем, я полагаю, она решила, что ее дочери будет хорошо у нас, и сама попросилась на фронт. Мы даже не знали ее фамилии, поэтому дали девочке нашу и относились к ней как к сестре. И сегодня она член нашей большой семьи. Наверное, ее мать погибла, иначе бы она вернулась за дочкой... Я думаю, что мой опыт повседневного общения с людьми многих национальностей разбудил во мне интерес к национальным культурам других народов и в то же время укрепил чувство гордости за культурное наследие моего собственного».

Сделано с «дедушкиным секретом»...

Знаменитый ансамбль «Нартаа».

Танцует ансамбль народной песни и пляски Абхазии.

Старинные традиции
живы и сегодня.

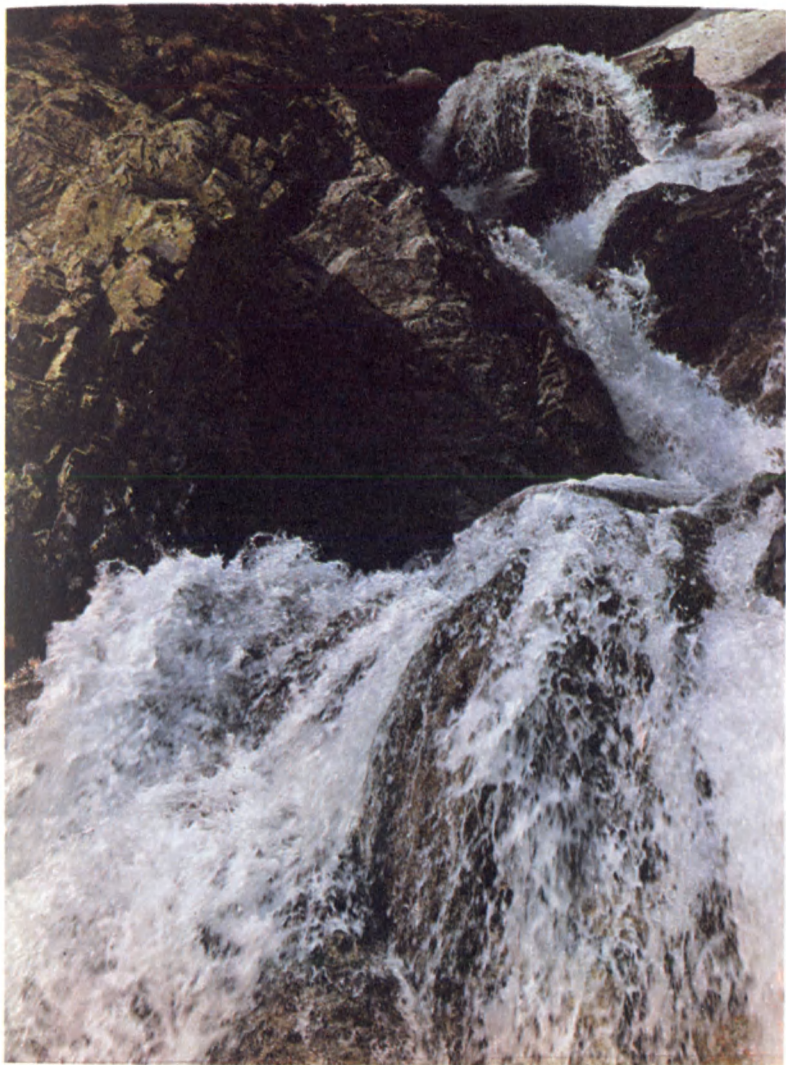

Старейшины деревни Джгерда на свадьбе.

Члены советско-американской экспедиции по изучению проблем старения и долголетия (слева направо): Алексей Павленко, Анна Петрова, Наталия Пчелинцева, Григорий Смыр и «информаторы».

Величественна и прекрасна природа Абхазии.

Знаменитое озеро Рица.

Пляжи Пицунды.

Шашлык по-абхазски в национальном ресторане «Апацха» по дороге в Гагру каждый может приготовить себе сам.

Горные вершины.

Дети в знаменитой реликтовой роще.

Весна.

Курортное побережье.

Древний храм на Пицунде.

Плантация цитрусовых.

Члены советско-американской экспедиции беседуют с Тарасом Джопуа (в центре). Справа от него — автор, слева — Григорий Смыр.

Григорий Смыр (справа), профессор Сухумского университета с женой и старшим сыном.

Профессор Смыр рассказывал, что в его селе, где насчитывалось 35 дворов, домой не вернулось с войны почти 50 человек. Это были самые крепкие мужчины. Жителям села потребовалось несколько послевоенных лет, чтобы привести в порядок свои хозяйства — ведь всю работу выполняли в основном женщины и дети...

Нури Шларба работает в Джгерде милиционером, при нашей встрече ему было 57 лет. Когда закончилась война, Нури исполнилось всего 20, но у него уже было девять боевых ранений. Как ветеран войны и инвалид, он имеет право не работать, но Нури считает, что должен что-то делать для других. Из-за войны он вынужден был после седьмого класса прервать учебу в школе. Как и некоторым другим абхазам, с которыми я встречалась, Нури удалось уйти на фронт на несколько лет раньше призывного возраста. После войны он не стал продолжать учебу — слишком много надо было сделать для подъема хозяйства, а Нури всегда хотел быть в первых рядах. Подобные рассказы о своей жизни позволили мне понять общие устремления абхазов после войны: они стремились продолжать строительство новой жизни, развитие своей республики и радоваться тем улучшениям, вкус которых они только-только начали ощущать перед войной, так жестоко вторгшейся в их мирную жизнь и ставшей бедой, повторения которой не желает никто.

Как и большинству женщин в Абхазии, Наташе Кварчелиа во время войны пришлось взвалить на себя все заботы о хозяйстве. Муж был на фронте, надо было одной заботиться о двух маленьких сыновьях. «Раньше у нас всегда было достаточно еды,— вспоминала Наташа Кварчелиа,— а в войну приходилось и голодать. Мы, женщины, пасли скот, работали в поле, шили и ткали, чтобы как-то помочь фронту. Время от времени безвозмездно отдавали часть урожая и кое-что из одежды в фонд помощи жителям других районов страны, где положение было еще хуже». Наташа Кварчелиа оказалась счастливой — муж вернулся с фронта, но два ее брата так больше никогда и не увидели родного дома. «Не дай бог, чтобы была еще одна война!» — восклицала она во время нашей беседы.

Мид Еник ушел на фронт сразу же в начале войны. Он служил в пехоте вплоть до 1943 года, а потом — тяжелое ранение. После лечения в госпитале его демобилизовали. «В тылу было труднее, чем на фронте,— рассказывал Еник.— Нам, крестьянам, нужно было помогать армии.

В колхозе не осталось никаких машин. В поле работали только женщины и дети да несколько стариков. От таких, как я, наполовину искалеченных, проку было мало. Бывало холодно и голодно. Даже на фронте было лучше, потому что там нас по крайней мере регулярно кормили. Несмотря на все трудности, мы работали от зари и до зари, потому что врага надо было победить. Мы знали, что в противном случае сделают фашисты с нашей республикой: то же самое, что с Белоруссией, Украиной и частью России,— тюрьмы, концлагеря и газовые камеры. Фашистская оккупация означала смерть и даже кое-что похуже. Те из нас, кто уже воевал, рассказывали людям о войне, а из печати мы узнавали о событиях на фронтах и о последствиях фашистской оккупации. Это были трудные годы...»

Мид рассказал мне о том, что в Абхазии было множество военных госпиталей. Часто колхозникам самим было нечего есть, но они всегда старались обеспечить продуктами раненых солдат.

Я встречалась с Наибом Царгушем — жителем села Ачандара, который воевал и вернулся домой с пятью боевыми медалями и среди них — «За оборону Кавказа». Начал сапером в полку, где служило много кавказцев, но мало кто из них остался в живых. Самыми тяжелыми, как он рассказывал, были бои за Ростов-на-Дону и Керчь. Например, в битве за Керчь уцелела лишь четверть личного состава того подразделения, где служил Наиб. День Победы Наиб Царгуш встретил в Вене.

Иосиф Абгаджава на 20 лет старше своего односельчанина Наиба Царгуша. Всю войну он был добровольцем-разведчиком в горах. Его сын погиб на фронте в один из дней этой долгой и тяжелой войны. Абгаджава закончил свой рассказ о войне той же фразой, что и все другие мои абхазские собеседники-ветераны: «Война кончилась нашей победой. Все мы вернулись к мирному труду на полях. Пусть же это не повторится больше никогда!»

К ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

Народ Абхазии вынес все тяготы войны и пережил все ее последствия. К 1950 году экономика Абхазии пришла в движение — это время, когда благодаря техническим усилиям народа было восстановлено народное хозяйство всей страны. В начале пятидесятых годов колхозы Абхазии получили много техники, что ускорило хозяйственное развитие

республики. «Мы были сыты и вновь стали хорошо одеваться», — вспоминал Мид Еник. До 1959 года он с женой и двумя детьми жил в деревянном доме из трех комнат, который был намного лучше того ветхого однокомнатного, где он провел детство со своими братьями и сестрами. В 1959 году Мид переехал в новый дом, где он живет и сейчас, — просторный, из шлакоблоков, с шестью комнатами. Рядом во дворе двухкомнатная летняя пристройка.

Уровень достатка в семье Мида Еника в послевоенные годы типичен и для Абхазии, и для других районов страны, даже тех, что подверглись гитлеровской оккупации.

Валовой национальный продукт республики, как мне сообщили в Абхазии, вырос в 3,3 раза за период с 1940 по 1960 год и почти в восемь раз с 1940 по 1980 год. Многие миллионы рублей были вложены в экономику Абхазии в послевоенное время. В результате в 1982 году промышленной продукции здесь было произведено в 12 раз больше, чем в 1940 году.

Начиная с 1960 года развитие республики идет ускоренными темпами. Например, за последние 20 лет производство электроэнергии возросло в 6 раз, химических продуктов — в 5, станков — в 33 и строительных материалов — в 7 раз.

В семидесятые годы производство промышленной продукции увеличилось на 90 процентов. В 1981 году было выработано 3312 миллионов киловатт-часов электроэнергии, добыто 598 тысяч тонн каменного угля, изготовлено 2,2 миллиона пар обуви, произведено 24 тысячи тонн сухого чая и 5,5 тысячи тонн табака, выпущено 26,3 миллиона банок консервов. Все эти показатели планировалось увеличить в одиннадцатой пятилетке.

У работников сельского хозяйства также есть все основания для оптимизма. С 1940 года ежегодные урожаи чайного листа выросли с 6,5 тысячи тонн до 100 тысяч тонн и более; урожай цитрусовых — с 5,6 тысячи до 60 тысяч тонн; винограда — с 16,7 тысячи до 36,5 тысячи тонн. И все это за какие-нибудь сорок лет.

После войны в республике были построены сотни новых школ и дошкольных учреждений, во много раз выросло и число студентов в институтах и техникумах. В крае, где до революции лишь немногие девушки могли посещать школу, сегодня 44 процента от общего числа дипломированных специалистов составляют женщины. Причем в Аб-

хазии удельный вес таких кадров растет постоянно, однако процент женщин среди них увеличивается еще быстрее.

В столице республики есть два высших учебных заведения (Абхазский государственный университет и Институт субтропического хозяйства) с общим числом 15 тысяч студентов. В Абхазии насчитывается также 16 научных центров, техникумы, медицинское, музыкальное и другие училища. В драматических театрах Сухуми ставятся пьесы на абхазском, грузинском и русском языках.

Благодаря росту жизненного уровня, быстрому развитию культуры и улучшению медицинского обслуживания в Советской Абхазии наблюдается постоянный рост населения. В 1939 году там насчитывалось 58 тысяч абхазов, в 1959 году — 64 тысячи (и это несмотря на гибель 10 тысяч человек на войне), а в 1980 году — 91 тысяча.

Все эти цифры подтверждают рассказы моих собеседников о своей жизни и ее значительном улучшении начиная с 1921 года. Взяв судьбу в собственные руки, они лишили знать ее дворянских привилегий, добровольно вошли в состав Союза ССР и, вступив на путь строительства социализма, добились успехов в экономическом и социальном развитии. По словам долгожителей, стремление установить Советскую власть в Абхазии было массовым и встречало сопротивление только со стороны привилегированных классов. Но даже и среди абхазской знати не все выступали против, ибо многие сами страдали от произвола царского режима.

Веками абхазов учили подчиняться старшим по возрасту и тем, кто принадлежал к более высокому классовому сословию. Но идеи социализма, распространяемые в их обществе людьми, пользующимися всеобщим уважением, были для народа полны смысла. Крестьянам нужна была земля, результатом развития капиталистических отношений стало растущее число безземельных крестьян, вынужденных продавать свой труд или превращаться в издольщиков. Этот класс боролся за Советскую власть и в то же время оставался наиболее преданным идее сохранения старинных народных традиций. Ирония заключается в том, что верные старым традициям крестьяне раньше вполне устраивали дворянство, которое на протяжении многих веков отдавало на воспитание в крестьянские дома своих детей как раз для того, чтобы те смогли приобщаться к абхазским обычаям.

Какие из этих обычаев были наиболее важными? Уважение к старшим, взаимопомощь, справедливость, скромность,

мужество, гостеприимство. Ни один из них не противоречил коммунистическим принципам, за которые выступали абхазские большевики. Поэтому у абхазского народа не было трудностей в принятии решения, следовать ли за лидерами нового общества, которые обещали землю и справедливость для всех.

Как мы могли уже убедиться, люди в Абхазии считают, что они получили все обещанное им в новом обществе. Никто из стариков не говорил мне о ностальгии по поре детства и юности. 114-летняя Елизавета Шакрыл, бывшая дворянка, считала, что сегодня простые колхозники обеспечены лучше, чем раньше дворяне: жилье и условия жизни в современных колхозах не сравнить с теми, что были раньше даже у привилегированного сословия. Куча Тванба говорил мне, насколько сильно было до революции стремление людей к образованию. А сегодня двое детей его работают преподавателями. Даже мулла Арутан Гицба, собственная семья которого совершенно не интересуется ни исламом, ни какой-либо другой религией, говорил, что жизнь в Абхазии стала лучше во всех отношениях по сравнению с годами его юности.

Итак, как же влияет социализм, который несет с собой индустриализацию и урбанизацию, на старинные абхазские обычаи? До 1921 года в Абхазии было всего несколько мелких предприятий, а сейчас 130 заводов и фабрик, производящих более 1300 видов продукции. Среди них Сухумский инструментальный завод, изделия которого расходятся по всей стране; завод, производящий оборудование для газодобывающей промышленности, и химический завод.

Примечательны темпы урбанизации в Абхазии. В 1926 году в городах жило всего 3,7 процента населения республики, а сейчас около 40 процентов. В сельской местности абхазы составляют подавляющее большинство, а в городах они все еще в меньшинстве среди граждан других национальностей, имеющих собственную историю и традиции,— грузин, армян, греков, русских, эстонцев, евреев и других.

Чтобы проследить изменения в образе жизни абхазов за шесть десятилетий жизни при социализме, в условиях индустриализации и урбанизации, я как можно подробнее, в деталях расспрашивала Джгуг Чамагуа и Мида Еника, живущих в разных селах. Они рассказали мне о своих доходах, бюджете, каждодневных заботах и взаимоотношениях между членами семьи. Перемены в их жизни показывают, как в лучшую сторону изменилась жизнь абхазского народа в целом.

*У кого родители живы,
тот всегда молод*

(Абхазская пословица)

ГЛАВА V.

СЕМЬИ

ЧАМАГУА И ЕНИК

«Если бы только мать сейчас была молода, чтобы радоваться жизни в доме, который мы строим!» — говорил Михаил Чамагуа, сын самой старой женщины в селе Ачандара, 95-летней Джгуг Чамагуа. Джгуг и ее брата воспитывала одна мать (отец умер, когда дети были еще маленькими), причем до революции они жили в старой сакле, стены которой были из прутьев, обмазанных глиной. В начале века Джгуг Чамагуа вышла замуж и жила с мужем в такой же лачуге вплоть до 1940 года, когда колхоз построил для их семьи большой дом и к нему сарай для скота и курятник. В 1959 году ее сын воздвиг большой двухэтажный дом, в котором теперь жил вместе с матерью и своей семьей. Когда я была в Ачандаре, они строили на том же участке дом еще больших размеров, как раз такой, какой Михаил Чамагуа желал своей матери иметь в молодости.

Подобные изменения типичны для любой семьи в Абхазии в послевоенные годы. Плановое колхозное хозяйство способствует росту урожаев, а в результате доходы колхозников за предыдущие 15 лет выросли почти вдвое (как и у городских жителей). Если же доходы неуклонно растут, а цены на промышленные товары и продукты питания остаются почти неизменными, то не может не повышаться и уровень жизни. Не лучшим хозяйством, даже скорее чуть ниже среднего, считается по своим доходам колхоз в Ачандаре. Колхоз далеко не показательный (хотя от красоты его окрестностей просто дух захватывает!). И доходы семьи Чамагуа выглядят весьма скромными в сравнении с аналогичными показателями в соседних селах Лыхны и Дурипш, а также во многих других районах республики.

Однако и их сравнительно скромные доходы довольно значительны.

Сын Джгуг Родион считается старшим в семье. Всю жизнь он проработал рядовым колхозником, кроме 1949—1963 годов, когда его избирали председателем колхоза. Жена его Лариса — портниха, работает в колхозном ателье. У них четверо детей в возрасте от восьми до четырнадцати лет.

Родион рассказал мне, что в месяц он зарабатывает в среднем 160—170 рублей. В урожайные годы заработки выше, в плохие — ниже. Ежегодно Родион получает дополнительно три-четыре тысячи рублей за перевыполнение плана. Кроме того, каждый год семья получает от колхоза от полутора до двух с половиной тонн винограда из той части урожая, что была выращена сверх плана. Если Родион продаст этот виноград государственным закупочным организациям, это принесет ему как минимум две тысячи рублей, а если на колхозном рынке, то и того больше. Виноград он не продает, а пускает на вино, оставляя часть его для семейного стола. Кроме того, семьи колхозников получают также 2—3 тонны различных фруктов, например сливы, яблоки, мандарины.

Долгосрочная Продовольственная программа СССР была принята лишь незадолго до того, как я беседовала с Родионом о его доходах, поэтому было слишком рано ожидать каких-либо ощутимых результатов ее воплощения в жизнь. Однако Родион к тому времени изучил Программу и подсчитал, что уже к концу 1982 года она позволит повысить на 10—15 процентов доход его семьи и в денежном выражении, и натурой, что, как он считал, выразится в значительной сумме.

Семья Чамагуа имеет свой домашний скот и птицу — несколько коров и сотню кур, что полностью удовлетворяет потребности всех семерых в мясе и молочных продуктах.

Лариса работает в ателье сдельно, в среднем в год получает около двух тысяч рублей. Пенсия ее свекрови — 72 рубля в месяц, дополнительно Джгуг ежегодно зарабатывает в колхозе еще 400—500 рублей.

Ни Чамагуа, ни Еник не ведут точного учета своих доходов и расходов. По их словам, абхазы, как правило, этого не делают. Но, подсчитав свои расходы, Родион и Лариса составили следующий список расходов:

- на покупку продуктов в магазине уходит 20—30 рублей в месяц;

- на приобретение одежды 200 рублей в год (пока дети маленькие, этого вполне хватает);

— на подарки и помощь родственникам и друзьям в организации свадеб и похорон — от 400 до 500 рублей в год;

— несколько рублей в месяц на оплату коммунальных услуг;

— оплата содержания (круглосуточно, кроме выходных дней) четырех детей в абхазской школе-интернате в Сухуми — 16 рублей в месяц.

Всего постоянные расходы семьи составляют в год примерно 1300 рублей. Но есть еще непредвиденные и прочие расходы. Говоря об этом, Родион вынул из кармана бумажник:

— Вот это — мои карманные деньги, о которых моя жена знает. — Достав затем пачку денег из заднего кармана брюк, он, смеясь, добавил: — А это — деньги, о которых моя жена не знает.

Я взглянула на Ларису — она улыбалась, ничуть не удивившись этому признанию мужа. И пояснила, что тот отдает ей большую часть заработка, оставляя при этом небольшую сумму на карманные расходы.

«Каким же я буду женщиной, если не смогу угостить своих друзей вечером в ресторане, когда мне этого захочется, — вмешался Родион. — И потом, Лариса знает, что, если ей нужны деньги на семейные нужды, достаточно сказать мне об этом. На себя трачу только те деньги, которые, я уверен, семье не понадобятся».

Не желая углубляться в их отношения, я тактично поинтересовалась, не знает ли Родион семьи, где между супругами есть разногласия относительно затрат на семейные нужды и личные потребности мужа и жены. «Это вечная проблема, — ответил Родион. — Таких семей сколько угодно. Но, думаю, можно сказать наверняка: у абхазов семья всегда на первом месте. Я не помню никого, кто потратил бы деньги на себя, зная, что его семья в чем-то нуждается. А потом, у всех у нас заработки приличные, особенно здесь, в колхозах, и нет нужды считать копейки...»

Однако кто же в семье все-таки имеет решающее слово в вопросе о том, как распорядиться столь значительными средствами? Родион и Лариса сказали, что они обычно сначала сами принимают решение, а потом спрашивают мнение Джгуг. Если Джгуг не соглашается с ними, то они меняют первоначальные намерения. Но обычно та не возражает.

У Джгуг своя забота — внуки и правнуки. Как и всех

престарелых людей в Абхазии, ее полностью содержит семья. Свекровь не отдает Ларисе свою пенсию и деньги, заработанные в колхозе, а покупает на них угощения и кое-что из необходимых вещей для самых маленьких членов семьи, вместе с которыми она живет. Родион рассказывал, что по понедельникам, когда его дети уезжают в школу-интернат, Джгуг выдает им карманные деньги. «Мы не вмешиваемся во взаимоотношения моей матери с нашими детьми. Когда внукам нужны деньги, они всегда обращаются к бабушке».

В день моей встречи с семьей Чамагуа дети находились в Сухуми. Я поинтересовалась, почему родители не отдали их в местную школу, расположенную в большом современном здании, преподаватели которой пользуются хорошей репутацией. Родион и Лариса ответили, что сухумская школа-интернат лучше и что они вообще хотят предоставить своим детям все самое хорошее. По советским законам дети в школе-интернате получают бесплатную форму, обувь, пальто, учебники и школьные принадлежности. Родители обычно платят 25 рублей в месяц на содержание одного ребенка в школе-интернате, но Родион, как ветеран войны, платит всего 16 рублей в месяц за всех четверых. Проезд от дома до школы и обратно тоже бесплатный.

Родион рассказал мне, что ежегодно семья может экономить какую-то сумму денег и вносить на свой счет в сберкассе. «Сейчас мы расходуем наши накопления на строительство нового дома. К концу года сбережения снова пополнятся, и тогда мы потратим эти деньги на что-либо еще».

Другой признак улучшения условий жизни семьи за последние двадцать лет (помимо купленных коров, постройки нового дома и недавно купленных телевизора и радиоприемника) — это семь костюмов Родиона, хотя лет двадцать назад у него был всего один. Брат Михаил, который живет в городе, подшучивал над Родионом: «И зачем тебе столько костюмов, если ты живешь в деревне? Даже у меня их меньше!..»

Когда я расспрашивала семью Мида Еника о их финансовых делах, то там ситуация оказалась еще лучше, так как здесь работают пятеро — трое в колхозе и двое в райцентре Гудаута.

В сельской местности немало семей, подобных Чамагуа и Еник, в которых вместе живут представители трех поколений, но все же не они — их всего 22 процента — составляют большинство. Примерно 62 процента от общего числа — семьи, в которых живут представители двух поколений. На семьи, состоящие из одного поколения, приходится 15 процентов. Три поколения в одной семье чаще встречаются в горных селениях, где старинные обычаи соблюдаются более строго. Число домов, в которых вместе живут абхазы одного или двух поколений, растет по мере приближения к морскому побережью, где современный стиль жизни влияет на людей в большей степени. Я чаще встречала семьи, в которых старики, их дети и внуки живут в одном дворе, хотя и не обязательно в одном доме. Такие семьи были типичны для Абхазии XIX века. Этнографы называют это классической «расширенной семьей». В условиях раннего феодализма число членов в ней доходило до 100.

Сегодня большинство многодетных абхазских семей живет в отдаленных от морского побережья районах. Наиболее же распространенная тенденция — иметь небольшое число детей. Одно из объяснений этого явления в изменении роли женщины в обществе. Женщины имеют равные с мужчинами возможности для получения образования и участия в общественном производстве, поэтому они все меньше стремятся проводить свои зрелые годы в воспитании детей. Как правило, чем выше образовательный уровень женщины и чем она активнее на работе вне дома, тем меньше у нее детей.

Еще один подмеченный мною фактор: по мнению родителей, нужно предоставлять своим детям больше благ, чем получали предшествующие поколения. Это стремление я наблюдала повсюду в СССР. Несмотря на бесплатное образование и даже при том, что учащимся вузов и техникумов выплачивается стипендия, родители все равно в определенной степени помогают детям-студентам материально. И по мере того, как ребенок подрастает, обычной одежды ему становится недостаточно. Она должна быть более модной, а это значит, что денег из семейного бюджета на нее пойдет больше. Определенные суммы тратятся на покупку детям радиоприемников, магнитофонов, фотоаппаратов, велосипедов и т. д. Наличие меньшего числа де-

тей в семье позволяет родителям полнее удовлетворить эти добровольно взятые на себя дополнительные обязанности.

Главой семьи традиционно является старший по возрасту мужчина, хотя бывают случаи, когда после смерти мужа ею становится старейшая женщина, как это было с Ольгой Лагвилава, о которой я писала в 1-ой главе. Старший мужчина регулирует отношения между близкими в своем доме, а также между другими членами рода, даже если те живут в различных районах Абхазии или за ее пределами.

Эти патриархальные обычаи соседствуют с элементами новых взаимоотношений внутри семьи. Сегодня старший по возрасту мужчина больше уже не обладает неограниченной властью в семье, даже если на него смотрят как на человека с большим авторитетом, учителя, участника всей хозяйственной деятельности семьи. Но он уже не может, как раньше, быть неограниченным хозяином — деспотом. Подобные авторитарные замашки не пользуются уважением, навсегда уходят в прошлое.

Обстановка в абхазской семье всегда спокойная. Каждое поколение знает свои права и обязанности по дому, что, видимо, и позволяет избегать возможных конфликтов между родителями и детьми. Такая атмосфера — результат соблюдения старинных обычаев, свободных от подавления воли младших старшими. Поскольку традиции соблюдаются всеми окружающими, молодежь почти не склонна подвергать сомнению обычай почитать старших. Кроме того, родители в Абхазии не стремятся навязывать свою волю молодым. Они, конечно, пытаются как-то направлять детей при выборе профессии и даже при вступлении в брак, но обычно это делается не «в приказном порядке».

А как обстоят дела в области супружеских отношений? Сегодня в Абхазии, как и в прежние времена, браки обычно заключаются по любви и не планируются родственниками заранее. В прошлом родители имели, безусловно, больше влияния на выбор детьми будущих супругов. Старинный кавказский обычай похищения невест был когда-то распространен и в Абхазии. Зачастую молодые договаривались о похищении заранее, и это было равносильно побегу с возлюбленным. Однако, даже если невеста была похищена против воли, она могла отказаться вступить в брак, особенно если отец или другой близкий родственник находил ее по истечении суток после похищения. По обычаю муж-

чины из семьи похищенной невесты имели право вернуть ее в родительский дом. Но если они делали это слишком поздно, бедная женщина была вынуждена соглашаться на брак, ибо в противном случае ее испорченная репутация не позволила бы ей выйти замуж за другого.

Сейчас в Абхазии случаи похищения невест довольно редки. Общественное мнение выступает против этого обычая, противоречит он и советским законам. Большинство «похищений» ныне являются на самом деле «побегом с возлюбленным». Его устраивают сами молодые, чтобы избавить родителей девушки от забот и затрат, связанных с традиционными проводами невесты, зачастую столь же дорогостоящими, как и сама свадьба. За четыре года моих поездок в Абхазию я встретила только три семьи, где дочери были похищены, причем в одном случае это был «побег с возлюбленным». В целом же «увоз невесты» совершенно не типичен для современной Абхазии. Более того, эти редкие рецидивы лишь напоминают о том, что унижительный обычай похищения действительно когда-то существовал.

Впервые о таком случае я узнала из рассказа сестры одной молодой женщины, похищенной в Сухуми. Это сделал молодой человек, безуспешно пытавшийся добиться взаимности с ее стороны. Он уговорил своих друзей предложить девушке подвезти ее в автомобиле от места работы до дома. Она согласилась, и ее увезли туда, где ждал нетерпеливый поклонник. Поскольку никто не пришел ее спасать (отец умер, а братьев или близких родственников-мужчин у нее не было), девушка согласилась на брак. Она считала, что ее репутация уже подорвана, а когда все знают, что она более суток провела в компании со своим похитителем, ее брак с кем-либо другим был бы весьма затруднен. Ее сестра рассказала мне, что впоследствии молодому человеку все же удалось завоевать сердце своей жены, и сейчас они живут счастливо, воспитывают детей. Второй из рассказанных мне случаев настоящего похищения закончился более трагично. Его мотивы были примерно такие же, как в первом случае, — молодой человек желал, чтобы его полюбила девушка-студентка, не испытывавшая к нему никаких чувств. Отцу удалось найти свою дочь в пределах традиционного срока — 24 часов после похищения, но было уже поздно. Все случившееся не только нанесло девушке физическую и психическую травму, но и значительно уменьшило ее возможности выйти замуж в пределах Абхазии с таким «пят-

ном» на репутации. Ее похититель предстал перед судом и был осужден за попытку изнасилования.

О третьем случае рассказал мне в селе Лыхны молодой человек, сестра которого была «похищена» за год до нашей встречи. В тот вечер он сидел у телевизора, затем уснул, а проснувшись среди ночи, обнаружил, что в соседней комнате нет ни сестры, ни ее вещей. Брат сразу понял, что произошло: сестру увезли с ее согласия, чтобы семье не надо было устраивать проводы невесты. Тем не менее за честь девушки и ее семьи нужно было вступить, продемонстрировать свою озабоченность всем происходящим. Будучи самым старшим братом, он тут же оделся, сел в машину. (В старые времена он бы вскочил на своего верного коня.) Брат понятия не имел, где искать сестру, поэтому он просто ездил всю ночь по селам побережья, надеясь узнать, где идет свадьба — событие, которое в Абхазии трудно не заметить. И он нашел тот дом, в котором справляли эту свадьбу. Там он узнал, что жених и невеста уже отправились в свадебное путешествие¹. Брат «опоздал», но, придерживаясь традиции, он выполнил свой долг.

Как я уже отмечала, в Абхазии отношение к супружеству в подавляющем большинстве случаев точно такое же, как и на Западе. Встречаются двое молодых людей — юноша и девушка, и между ними возникают определенные чувства. Взвесив все «за» и «против», они обсуждают возможности вступления в брак, и если взаимоприемлемое соглашение достигнуто, то тогда собираются вместе родители жениха и невесты и договариваются о свадьбе. Любовь в таких случаях — вечный побудительный мотив...

Как и у всех других народов, супружеские пары здесь не застрахованы от конфликтов. В старой Абхазии несовместимость характеров не служила основанием для развода. Однако по советским законам это — довольно веское основание. Вместе с тем в сельской местности (и в меньшей степени в городах) многие и до сих пор продолжают считать, что несовместимость характеров не причина для развода. В результате (как правило, среди женщин) существует тенденция к сохранению неудачного брачного

¹ В Абхазии жених и невеста не присутствуют на свадебном вечере, а находятся в изолированной части дома. В это время родители жениха отмечают это событие вместе с односельчанами. Через год родители молодой жены приглашают к себе родителей ее мужа и других гостей на последующий праздник по этому поводу. — *Прим. авт.*

союза, особенно в сельской местности, даже в тех случаях, когда женщина могла бы обеспечить себя материально. Причина этого прежде всего в том, что мужчины в селе выполняют ряд обязанностей, не обязательно свойственных городским жителям, например делают тяжелую сельскохозяйственную работу. Да и бывшей жене в селе труднее вновь выйти замуж просто потому, что она, как говорят, «уже была замужем». И всегда сложно найти замену отцу семейства. В старые времена одинокая мать редко приводила в дом мужчину до тех пор, пока не вырастали ее дети. Взрослые дети в таком случае обязаны были относиться к новому мужу их матери с полным уважением, достойным старших по возрасту.

Вот почему конфликт, который в городе мог бы привести к разводу, в сельской местности часто сглаживается и разрешается в самой семье, обычно по инициативе женщины и благодаря уступкам с ее стороны.

В абхазских селах женщины иногда считают такие ситуации унижительными. Например, в селе Дурипш две жительницы в возрасте 40—50 лет говорили мне, что их возмущают традиционные обычаи, по которым женщинам нельзя начинать разговор в присутствии старших, мужчины вне дома пользуются относительной свободой, а жены должны делать больше уступок при улаживании семейных конфликтов. Интересно, что за время моих пяти поездок в Абхазию эти две женщины были единственными, кто выражал подобное недовольство мужчинами и своим собственным положением.

У меня сложилось впечатление, что большинство абхазок не хотят изменять «статус-кво», отказаться от старинных традиций. И в особенности женщины среднего и старшего возраста. Очевидно, они сами не чувствуют такой необходимости. Это объясняется тем, что в Абхазии все ревниво соблюдают обычаи и традиции, отличающие их от других народов. Они гордятся, что сохранили свою национальную самобытность. Избавившись от жестоких, бесчеловечных обычаев, абхазы тщательно сохраняют все остальные. Четкое распределение роли мужчины и женщины в семье — одна из самых незыблемых традиций.

Есть и другая причина, по которой абхазские женщины согласны со своим нынешним положением в семье, многие аспекты которого были бы неприемлемыми, скажем, для американской или русской женщины. Абхазки говорили мне, что мужчины всегда внимательны к ним. Если мужчина

плохо относится к женщине — на словах или действием оскорбляет свою жену или других женщин, — то жители села такого мужчину презирают. В 1893 году русский ученый Н. М. Альбов в этой связи писал: «Хотя абхазская женщина занимает подчиненное положение, с ней никогда плохо не обращаются. Оскорбить женщину считается позорным»¹. Совершенно очевидно, что в прошлом веке подобным отношением к женщине не могли бы похвалиться многие народы мира.

Сегодня традиционно абхазское уважение к женщине получило новое развитие в связи с ее активным участием в общественно полезной деятельности и повышением ее роли — и как кормилица — в семье. И поскольку число женщин с высшим образованием в республике растет, все больше их работает на руководящих постах.

А так как мужчина в семье не позволяет себе грубо обращаться с женщиной, они, как мне кажется, довольны своей традиционной ролью в домашнем хозяйстве, и, поскольку все согласны придерживаться абхазских традиций, дети, как правило, вырастают в здоровом семейном климате.

Мягкое, отеческое отношение старших к младшим также благотворно сказывается на семейной обстановке. Абхазский исследователь Т. Н. Бжания писал в 1960-х годах, что в наше время, воспитывая в детях чувство уважения к старшим, уже никто больше не полагается, как это было в прошлом, на элемент унижения. Значительно также возросла роль матерей в процессе воспитания, и это оказывает на детей положительное эмоциональное воздействие¹.

В семьях, где муж и жена полный день трудятся на производстве, их родители берут на себя заботу о внуках. В городах бабушек и дедушек могут заменить детские сады или школьные группы продленного дня. Если в колхозной семье некому присматривать за маленькими детьми, матери приходится оставаться дома, особенно в тех местах, где нет дошкольных детских учреждений. Но даже в тех случаях, когда мать не работает, а в доме есть старики, они играют исключительно важную роль в воспитании детей, как это всегда было в прошлом. Именно старики, как правило,

¹ Альбов Н. М. Этнографические наблюдения Абхазии. «Живая старина», 1983 г., вып. 3, с. 317.

² См.: Бжания Т. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов, Сухуми, «Алашара», 1973, с. 238—239.

приобщают молодежь к абхазским традициям. Они рассказывают внукам об истории Абхазии, о нескольких поколениях своих предков, разъясняют народные обычаи. Таким образом, старшие играют, пожалуй, главную роль в формировании у молодых поколений понятия о моральных ценностях.

Основные абхазские традиции, о которых мне рассказали долгожители и другие представители старшего поколения, сохраняются в неприкосновенности, что могло бы навести на мысль о консервативности этого народа. Но социалистическую Абхазию можно назвать какой угодно, только не консервативной. Все в ее социальном и экономическом развитии за последние 60 лет является прогрессивным и глубоко радикальным. Естественно, это отразилось и на воспитании подрастающего поколения. Итак, давайте более внимательно посмотрим на мир абхазского ребенка в сегодняшней Абхазии, ибо это мир будущего долгожителя.

*Хороший наследник принадлежит
всему народу, плохой — только своим
родителям*

(Абхазская пословица)

ГЛАВА VI.

ДЕТСТВО БУДУЩИХ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

СТАРШИЙ РЕБЕНОК

«Наше стремление сохранить национальные традиции, возможно, объясняются тем, что до Октябрьской революции абхазский народ находился на грани угасания. И мы, возможно, более бережно относимся к национальному наследию именно из-за этого прошлого... И не важно, что могут подумать о наших традициях люди других национальностей...» Эти слова 23-летней Сусанны Джинджолия из села Джгерда помогли мне понять, почему абхазы не склонны предавать забвению многие обычаи, кажущиеся неприемлемыми человеку, выросшему, скажем, в Соединенных Штатах.

В городских и сельских семьях я беседовала с детьми и молодыми людьми в возрасте от 7 до 30 лет. А поскольку и сами семьи, и социальное окружение были схожими, детство моих собеседников также во многом было одинаковым. И если даже по характеру они были различны — одни общительны, другие застенчивы, — в одном сходились все: каждый знал родословную нескольких поколений своей семьи. Традиции и историю Абхазии и абхазского народа все они познавали и дома, и в школе. Сусанна Джинджолия — обычная для ее поколения девушка, выросшая в сельской местности в 1950-е годы, когда трудности военных лет и их последствия были в основном уже позади. В жизни Сусанны как в зеркале отразились все изменения и все незыблемые черты абхазской системы воспитания детей. И лучше всех об этом рассказывает она сама:

— Родилась я семимесячной. Как мне потом рассказали, женщина-доктор, которая выхаживала меня в местном роддоме, была армянкой по национальности. Она получила у моих родителей разрешение выбрать для меня имя и назва-

ла Сусанной. Когда меня привезли домой, этот доктор в течение нескольких месяцев навещала нас каждый день, а после этого минимум один раз в неделю приходила к нам справляться о моем здоровье. Она очень любила меня.

Через несколько лет родился мой средний брат, и я очень хорошо помню, как ликовала вся наша семья, когда его привезли из роддома. В Абхазии рождение мальчика всегда приносило великую радость, так как в старые времена очень много мужчин погибало в вооруженных конфликтах. И сейчас сохранился обычай отмечать рождение мальчика большим весельем, чем рождение девочки. Посмотреть на моего брата пришли все соседи. Когда же ребенка вынесли в сад, мой отец — заядлый охотник взял ружье и по обычаю дважды выстрелил в воздух в честь рождения мальчика. А как я взволновалась!.. Думаю, это не было ревностью. Своему новому брату я преподнесла куклу, приветствуя его в доме. Бабушка трижды обошла вокруг колыбели, приговаривая: «Пусть все твои болезни перейдут на меня». Она добрая женщина, очень любит детей. Конечно, любая бабушка обожает своих внучат, но наша бабушка нас любит по-особенному.

Когда брата привезли из роддома, мать не подходила к нему, если в это время в комнате был ее свекор — мой дедушка. Как только дедушка входил в комнату, где в тот момент моя мать занималась братом, она тотчас же уходила. Это старинный обычай, знак глубокого уважения невестки к главе семейства, свекру. Невестка, не соблюдающая эти старинные правила, как бы заявляет своему свекру: «Смотри, твой сын и я были близки, и это — наш ребенок».

Некоторые абхазки сейчас не обращают внимания на этот обычай, но я думаю, что тем самым они только демонстрируют неуважение к самим себе, если им уже нет дела до наших абхазских традиций.

Я смотрю на эту девушку и сравниваю ее с долгожителями. Как они похожи по манере говорить и непохожи по уровню развития.

— Недели через три после рождения, — продолжала Сусанна, — совершается ритуал присвоения ребенку имени, и его мать тогда уже может ухаживать за ним в присутствии родственников мужа и других старших членов семьи, хотя она по-прежнему не должна целовать или обнимать своего дитя при старших.

В прежние времена эта церемония носила религиозный характер: совершалась молитва богам, дабы они охраняли дитя, чтобы оно росло здоровым и счастливым. Присутствовать при этом могли только женщины, и угощением для них служило мясо жертвенной курицы и хачапури. В наше время на этот праздник в честь новорожденного приходят и мужчины. Старики, естественно, в нем не участвуют: они по-прежнему строго придерживаются старинных правил. Однако другие жители села приходят на праздник, ибо это также и хороший предлог собраться вместе родственникам и соседям, чтобы и пообщаться, и отметить рождение нового члена общества.

В прежние времена мать не принимала участия в выборе имени своему ребенку, которое провозглашалось именно на этой церемонии. Это право сохранял за собой глава дома. При чем ребенка никогда не называли в честь кого-либо из предков, поскольку мать не имела права произносить вслух такие имена. Сегодня уже никто, по крайней мере среди моих абхазских знакомых, не обращает никакого внимания на эти правила. Однако имя человека по-прежнему имеет для абхаза большое значение. В абхазском языке слово «имя» имеет и другое значение — «слава».

На церемонии имянаречения гости преподносят подарки, а женщины благословляют ребенка. Старейшая из них, обладающая ораторскими способностями, руководит торжеством и произносит самые главные благословения.

Думаю, что эта традиция не отомрет. Почти все в наше время после рождения ребенка устраивают такие праздники. Я уверена, что когда я состарюсь, то и мои дети, и дети моих детей будут поступать так же ради стариков, стремящихся поддерживать старинные традиции. То же самое можно сказать и о свадьбах, которые так красивы и так важны в начале жизни молодой пары! Семью, которая не придерживается этих обычаев, посчитали бы в селе весьма странной.

До одного года мой брат спал в традиционной абхазской колыбели, какими наш народ пользовался веками. Младенец лежит в ней привязанным, а опирается через отверстие в ее основании. Помню, когда была еще совсем маленькой, я просила мать разрешить мне поспать в этой люльке. Конечно, она не позволяла, так как это была колыбель моего брата. Спала я в маленькой кроватке в комнате родителей. Позднее я стала спать в одной комнате с бабушкой.

Когда же брат немного подрос, мне была выделена отдельная комната, а он перебрался в комнату бабушки. С бабушкой спать было очень тепло, и она была счастлива чувствовать, что кто-то из нас находится так близко рядом.

Мой младший брат родился через несколько лет после рождения старшего. В его честь был устроен такой же ритуал имянаречения. Он был всегда любимцем бабушки, и, даже когда уже больше не спал с ней в одной комнате, она обычно вставала среди ночи и заходила в его комнату, чтобы проверить, как он там... Младший сын обычно самый любимый в семье, хотя все мы также чувствовали себя желанными и любимыми детьми и в своем доме, и среди других родственников.

Например, мой дядя по отцовской линии живет по соседству. До того как жениться и обзавестись собственными детьми, он был очень привязан ко мне и моим братьям. До сих пор, когда дядя увидит какую-либо вещь, которая может нам понравиться, он тут же покупает ее для нас, будь то одежда или что-либо еще, и обращается с нами, как со своими собственными детьми. Даже лучше, потому что свою любовь к нам он может проявлять более открыто. Дядя не станет демонстрировать свое отношение к собственным детям в присутствии других людей.

Человеку всегда интересно рассказывать о своем детстве. И Сусанна это делает с удовольствием. Глаза ее светились, когда она говорила:

— В детстве я играла во дворе со своими родными или двоюродными братьями, которые жили по соседству. До самой школы они были моими единственными друзьями. Наш двор я покидала, только когда шла к соседям, или с дедушкой в больницу, где он работал, или в магазин в центре села. Так что окружающий нас мир был невелик, а люди, которых мы знали лучше всего, были нашими же родственниками.

У меня было много кукол. Одна из кукол могла говорить «мама», «папа». Мы с братьями никак не могли понять, что у нее там внутри, почему она говорит, поэтому мы вскрыли куклу и нашли там какую-то коробку... Мы играли с мячами и другими игрушками. Мой младший брат почти каждый день ломал какую-нибудь из них. В таких случаях дедушка покупал ему новую взамен сломанной, а иногда специально копил несколько игрушек, чтобы иметь их наготове, если брат снова что-либо ломает. Дедушка нам

ни в чем не отказывал, но я не помню, чтобы мы злоупотребляли его добротой.

Я проводила дни с бабушкой, которая из-за болезней в колхозе не работала. Мать, отец и дедушка уходили на работу. По вечерам нами занималась мама.

Она всегда относилась к нам с нежностью, часто обнимала или говорила нам хвалебные слова. Папа целовал редко, но мы знали, что он нас очень любит. По обычаю отец в присутствии своих родителей никогда не проявляет нежности к своим детям. Ни отец, ни мать не имели высшего образования, но нас они воспитали хорошо. Мне кажется, мы были хорошими детьми, но иногда и у нас случались неприятности. Поскольку я была старшим ребенком и к тому же девочкой, меня редко наказывали. Я должна была присматривать за братьями, а они в свою очередь должны были слушаться меня как старшую. Если бы родители меня наказывали, то братья не уважали меня и не слушались бы.

Никто никогда нас не бил. Самым суровым наказанием у родителей было поставить моих братьев в угол. Но такое случилось, насколько я помню, всего несколько раз. Однажды мальчики, несмотря на запрет, полезли на дерево, чтобы нарвать вишен. Бабушка боялась, что они могут упасть, и очень расстроилась. Когда домой пришел отец, бабушка рассказала ему об этом, и он поставил мальчиков в угол примерно на полчаса.

Мы боялись отца, хотя он нас никогда не бил и ни разу не повысил голоса. А когда мать говорила, что вот придет с работы отец и «строго» нас накажет, мы просили ничего ему не говорить и обещали хорошо вести себя. Не знаю, почему мы верили маме, что отец может нас сурово наказать! Он никогда этого не делал. Возможно, нам было достаточно, чтобы однажды он поставил мальчиков в угол, после чего мы всегда считали, что он может наказать нас еще более строго.

Но в целом мы были хорошими детьми и больших хлопот родителям не доставляли. Они были добры к нам, но нас это не испортило.

Некоторые родители обещают купить конфеты или что-либо сделать, когда хотят, чтобы дети выполнили их поручение. Но моей матери так поступать не приходилось. Мы всегда были готовы помочь ей. Когда же она хотела, чтобы мы сделали для нее что-то особенное, то единственное, что она обещала нам,— это прочесть или рассказать

сказку. Нам это всегда очень нравилось, особенно любили мы абхазскую сказку про маленького мальчика, который вырос вместе с оленем. Нам также нравилось, как она рассказывала нам болгарские сказки. (У нас эта книжка была на абхазском языке в переводе с русского, на который она первоначально была переведена с болгарского.) Мама рассказывала нам и про обычаи других народов, и про жизнь людей в других странах.

Я знала больше сказок, чем мои братья и многие из моих друзей. Обычно я приходила к двоюродным братьям и сестрам и рассказывала им сказки, которые знала сама, или поправляла младших, когда они пересказывали мне услышанные ими истории и ошибались. Мама также учила нас танцевать и петь абхазские народные песни и танцы. Она хорошо играет на абхазских народных инструментах. А сейчас мои братья аккомпанируют на гитаре и поют, когда мы собираемся вместе всей семьей.

Мы научились работать по дому и на огороде еще до того, как пошли в школу, хотя все это казалось нам лишь своеобразной игрой. Нам никогда не приходилось делать то, что было бы не по силам. Я обычно участвовала в мытье посуды, а братья помогали отцу в его делах. В школе, начиная с пятого класса, мы стали — в меру своих сил — вместе с колхозниками убирать урожай и только тогда по-настоящему познакомились с работой в сельском хозяйстве. Но она никогда не была тяжелой и нам нравилась. Бабушка всегда учила нас, что работа — это хорошая физическая закалка. Во время войны восьми-девятилетним детям приходилось трудиться в поле, чтобы помочь в производстве продуктов питания и для Абхазии, и для людей в других районах страны. В наше время детям, конечно, нет необходимости выполнять такую тяжелую работу, — для этого достаточно взрослых. В абхазских семьях и в школах считают, что полезно приучать детей к работе и чем раньше они приобщаются к труду, тем проще им будет потом работать по-настоящему. Труд — это неотделимая часть жизни, а не что-то такое, чего надо бояться, когда вырастешь.

— А как вы учились? — спросила я Сусанну.

— Я училась в местной школе в центре села Джгерда. Моей учительницей в первых трех классах была замечательная женщина, носившая почетное звание «Заслуженный учитель Грузинской ССР». Она действительно была достойна этого звания, и к каждому ученику у нее был индиви-

дуальный подход. Среди учителей она была моей самой любимой. Сейчас она на пенсии. Самой плохой я считала учительницу немецкого языка: предмет свой она знала хорошо, а преподавательским талантом не обладала. Я училась у нее шесть лет, но не могу сказать, что знаю этот язык. В отличие от нее преподавательница математики была прекрасным педагогом. Она учила нас не только сложным вычислениям, но и делилась с нами своими мыслями и философскими воззрениями. Преподаватель литературы в старших классах был тоже исключительно талантливым человеком. На его уроках мы буквально не замечали, как проходит время...

Конечно, не все школы одинаковы, бывают и лучше, и хуже. Наша школа, я бы сказала, была чуть выше средней. И ученики были неплохие: я не помню никого из них, с кем преподавателям было бы трудно. Если кто-либо отставал в учебе или плохо вел себя, то преподаватели или директор вызывали в школу родителей ученика и просили их поговорить с ним. К таким мерам прибегали в исключительных случаях, но это всегда помогало, поскольку самое сильное влияние на ребенка оказывает семья.

В школе я читала гораздо больше, чем требовалось по программе. Дома у нас была хорошая библиотека с книгами советских и зарубежных авторов и, конечно же, абхазских писателей. Я читала больше, чем обычно читают в моем возрасте, и больше, чем мои братья. Мой дядя постоянно подписывался на ежемесячник абхазской литературы. Он хранил все выпуски вплоть до 1960 года, после чего этой коллекцией занялась я. По сей день я регулярно читаю этот журнал и делаю подшивку. Читаю я и другие журналы, и если попадается интересная статья, вырезаю ее и храню.

Мне всегда хотелось стать археологом или юристом. Сейчас право меня уже не интересует, а из-за плохого здоровья пришлось отказаться от мысли стать археологом. Несколько лет назад я упала и повредила позвоночник и теперь часто страдаю от этой травмы. Чувствую себя сейчас лучше и на следующий год надеюсь поступить на исторический факультет Абхазского государственного университета.

Многие мои друзья учатся в институтах, а некоторые уже их окончили. Другие остались в селе и трудятся в колхозе. Из-за травмы я не могу выполнять такую работу,

поэтому хлопочу по дому, читаю и готовлюсь к вступительным экзаменам.

Я дружила со всеми девочками из нашего класса. Если уважаешь абхазские обычаи, то у тебя будет много друзей. Тех, кто не придерживается общепринятых традиций, уважают меньше. Это означает, что девушкам одеваться надо скромнее и не пользоваться косметикой. Абхазские мальчишки не любят, когда девочки стараются как-то выделиться. Одна ученица в нашем классе по примеру своей старшей сестры подкрашивалась, причем она и не представляла себе, как смешно она при этом выглядела. Наконец вмешались ее родители и запретили ей пользоваться косметикой в таком возрасте.

Было у меня человек пять близких друзей и среди мальчиков. Они делились со мной своими секретами, проблемами, обращались за помощью или советом. Когда у них были хорошие новости, они непременно рассказывали мне о них. Я очень надежная — называю себя «секретный архив». Любой доверенный мне секрет дальше меня не идет — даже под страхом смерти не выдам я чужой тайны. Возможно, мальчишки доверяли мне потому, что видели, какой я была скромной и как хорошо относилась к братьям.

— Не смогли бы вы высказать свое отношение к абхазским традициям? — спросила я.

— Я высоко ценю большинство абхазских традиций, то, что у нас уважают скромность, щедрость, гостеприимство и проявление уважения к старшим. Большинство наших «плохих» обычаев постепенно исчезло, как, например, вражда, кровная месть и ограничения в свободе передвижения женщин. Но вместе с тем остается еще много сложных ритуалов, которые следовало бы упростить. Это, к примеру, «обычай избегания», когда невестка не имеет права говорить в присутствии свекра, или правило, по которому сын не может брать на руки собственного ребенка при своем отце. Конечно, в присутствии старших надо вести себя сдержанно и уважительно, однако в современном мире совсем не обязательно слепо следовать букве старинных обычаев. Мы видим, как постепенно изменяются наши традиции, особенно в городах. Но я не знаю ни одной абхазской семьи, которая была бы готова отказаться от всего традиционного, составляющего саму суть психологии абхазов, от всего, что делает нашу национальную культуру уникальной.

Мы всегда заботливо относились к судьбе нашего на-

рода и его обычаев. За абхазским столом первый тост всегда поднимают «за народ». Наше стремление сохранить национальные традиции, возможно, объясняется тем, что до социалистической революции абхазский народ, как я уже говорила, находился на грани вымирания. Если кто-то ведет себя особенно плохо, родственники его упрекают: «Ты позоришь свой народ». На первом же празднике в честь рождения ребенка приглашенные гости обычно говорят: «Желаю тебе стать достойным сыном (или дочерью) своего народа». Это означает, что человек никогда не должен совершать поступки, позорящие абхазский народ.

Хотя такое поведение у нас всегда считалось идеальным, в старой Абхазии тем не менее еще лет сто назад люди иногда убивали друг друга из-за клочка земли. Когда человек не мог досыта накормить свою семью, а кто-то более сильный пытался отнять у него единственный источник пропитания — землю, то, защищая ее, крестьянин готов был убить другого человека. В то же время более богатые и сильные были алчными и не останавливались ни перед чем, чтобы иметь еще больше...

Я прожила уже почти четверть века и никогда не слышала о подобной алчности ни в Джгерде, ни в Абхазии, ни где-либо еще в нашей стране. Работа есть для всех, земли хватает всем, кто хочет ее обрабатывать. Кто-то живет лучше, кто-то хуже, но в основном все мы в Джгерде земледельцы с равными правами и обязанностями. Никто не чувствует себя изолированным от общества, и, наверное, поэтому в нашем селе жизнь такая спокойная. Если бы все народы относились друг к другу, как к равным себе, то тогда на земле определенно был бы мир.

ВОСПИТАНИЕ ИДЕАЛЬНОГО РЕБЕНКА

Во время посещения различных семей в селах Абхазии крайне интересным мне показалось то, что маленькие дети, малыши, так мало походили на испорченных или, что называется, трудных детей. Порой они еще не могли говорить или были слишком малы, чтобы внимать голосу рассудка, понимать, за что их ругают, однако они всегда слушались родителей, бабушку и дедушку и старших по возрасту детей. Если ребенка просят выйти из комнаты или что-либо принести, он сразу исполняет просьбу и не жалуется. Я знаю, что абхазские дети, как и все другие

дети где бы то ни было, не совершенны, и поэтому их родителям и другим старшим так или иначе приходится их наказывать. Родители сами говорили мне об этом. Однако в те несколько часов, что я проводила в каждом из более чем ста домов, в большинстве которых были маленькие дети, они в моем присутствии всегда вели себя хорошо, и мне даже не верилось, что они могли вести себя иначе.

Я решила выяснить, почему никогда не встречала «непослушных» детей, почему здесь так много юношей и девушек, подобных Сусанне, «сверхвежливых» по западным стандартам, и почему они сами говорят, что в детстве у них не было конфликтов ни дома, ни в школе, ни в отношениях с односельчанами.

Для начала я хотела убедиться, что мои первые впечатления не были поверхностными. Занялась исследованием, пыталась найти детей, подростков и молодых людей, которые были бы духовно оторваны от своих семей и односельчан. Во время первых двух экспедиций в Абхазию (как раз тогда и беседовала с Сусанной Джинджолия) я была членом московской группы этнографов. Когда кто-либо из абхазов спрашивал, почему у меня нерусский акцент, обычно говорила, что я из Эстонии, и затем быстро меняла тему разговора. Хотелось быть уверенной, что собеседники ничего от меня не утаивают из чувства патриотизма и в силу естественного нежелания делиться с иностранкой своими внутренними проблемами. К моему удовлетворению, меня принимали за советскую гражданку и были со мной всегда откровенны. Именно тогда я узнала о низком уровне преступности среди малолетних в Абхазии, которая в большинстве случаев выражалась в мелком воровстве и была довольно редким явлением. Конечно, среди молодежи есть и горячие головы, способные затеять драку, но мало кто из них совершает серьезные преступления или же систематически нарушает общественный порядок.

Подавляющее число молодых людей с детства, с момента, когда они только начинают ходить, ведут себя примерно, проявляют уважение к старшим и, по-видимому, вообще не в состоянии обидеть или оскорбить кого-либо из взрослых. Другими словами, это молодые люди, которые уверены в себе, имеют здоровую нервную систему, испытали сравнительно мало стрессов в детстве, сохраняют хорошие отношения со старшими.

Сделав это общее заключение, я решила искать возможные «секреты» воспитания, при котором у детей не только

счастливым детством, но и потребность в зрелом возрасте в уважении к старшим, заботе о них, причем потребность достаточно сильная, чтобы у стариков была действительно счастливая старость.

Жизнь в сельской местности повсюду в мире благоприятствует образованию здоровой среды общения. Но я заметила, что, хотя в городских семьях правила поведения уже более простые, чем в сельских, тем не менее семейный климат в городе такой же, как и на селе, с той же степенью уважения к старшим, ставшего в Абхазии краеугольным камнем традиционной системы воспитания.

После бесед с молодежью, их родителями, людьми среднего и старшего поколений в городе и в колхозах я узнала, что люлька, какой столетиями пользовались абхазы, по-прежнему остается, особенно в селах, излюбленной первой кроваткой для ребенка. Все, кто ею пользовались, считают, что если малыш по многу часов в день в течение нескольких месяцев лежит привязанным на спине, то в результате у него вырабатывается прямая осанка. В Абхазии это по-прежнему считается признаком красоты. Правда, двадцатилетний юноша из села Лыхны сказал мне, что когда он учился в техникуме в РСФСР, то не заметил, чтобы русские в целом были менее стройными, чем абхазы, хотя они и не держат младенцев туго спеленутыми в кроватках так долго. Но при этом он заметил, что его будущий ребенок будет расти в абхазской колыбели, как того требует уважаемый им народный обычай.

Когда я задумалась, в чем же преимущество такой колыбели, если не считать, что малыш в ней дольше остается сухим, то поняла: само положение ребенка способствует формированию его спокойного нрава. Младенец меньше плачет, так как реже бывает мокрым, и чувствует себя более уверенно, когда лежит плотно спеленутым. Правда, сами матери считают, что каждый крошечный человечек по-разному воспринимает это ощущение безопасности. Одни ведут себя в колыбели спокойно в течение нескольких месяцев, а другие, более активные по натуре, начинают со временем плакать и ворочаться, требуют, чтобы их почаще брали на руки. Только тогда, в зависимости от настроения ребенка, матери начинают иногда пользоваться детской коляской как заменителем люльки.

Когда ребенку исполняется восемь-девять месяцев, ему в дополнение к материнскому молоку дают уже кефир и манную или кукурузную кашу. Годовалый ребенок ест ту же

пищу, что и взрослый, включая аджику с творогом. Матери стараются кормить детей своим молоком как можно дольше, вплоть до года, а иногда и позже. Точно таким же был рацион младенца и сотню лет назад, когда родилась Зинаб Ашуба.

Если раньше в Абхазии в ходу была народная медицина, вера в «черный глаз» и силу амулетов, то сейчас родители при первых же признаках детской болезни и на каждой новой стадии физического развития ребенка сразу же обращаются к местному врачу. Мало кто из стариков передает молодежи свои знания народной медицины. И все же в беседах со многими молодыми людьми я убедилась, что они высокого мнения о лечебных травах Кавказа, и, возможно, им удастся сохранить эти ценные знания, не допустить, чтобы они были безвозвратно утрачены.

Первый год жизни ребенка в целом проходит сравнительно мирно: он крайне редко плачет, будучи надежно привязанным к колыбели; его постоянно укачивают; распорядок кормления у него свободный. Если даже допустить, что у спеленутого ребенка и несколько задерживается моторное развитие, то это, вероятно, компенсируется формированием относительно более спокойной нервной системы и, возможно, лучшей осанки.

Очень важно для ребенка и его будущего, что к моменту, когда он становится на ноги, у него уже здоровая нервная система, а вокруг — семья, в которой все члены строго соблюдают установленные правила. Для самого ребенка это — замечательное время жизни, но одновременно и период познания окружающего мира и формирования характера. В Соединенных Штатах я была лично знакома с матерями, для которых эти месяцы в жизни их ребенка были крайне мучительными... Итак, каковы же нормы поведения в абхазской семье?

Когда ребенок начинает ходить, родители стараются сдерживать свои нежные чувства к нему не только в присутствии старших по возрасту, но даже и оставшись наедине с малышом.

Лидия Кецба из села Джгерда рассказывала мне, что она приберегала ласку для тех случаев, когда хотела похвалить ребенка за хорошее поведение. «Я никогда не ласкала детей без причины, — сказала она. — Дети должны стремиться порадовать родителей, поэтому ласку нужно приберегать как награду».

Когда я слышала подобные высказывания от других

родителей, даже совсем молодых, мне казалось, что такое отношение огорчает детей, что между ними и родителями теряется близость. Я никогда не сдерживалась и обнимала своих сыновей по поводу или без повода. Большинство тех, кто окружал меня в жизни, считали, что эта дает детям чувство покоя и уверенность в родительской любви. Однако в Абхазии сдержанность родителей, как я убедилась, не мешает детям ощущать их любовь и платить родителям тем же — любовью и уважением.

Когда и как идет развитие этих чувств? Судя по всему, они зарождаются, когда ребенок уже начал ходить. В основе общения ребят со взрослыми, которое я наблюдала, не было детского страха перед побоями или другим физическим наказанием, хотя родители и говорили мне, что иногда приходится дать ребенку шлепка, чтобы заставить его слушаться. Правда, это скорее исключение, чем правило.

Но не подавляют ли родители волю детей прежде, чем она получит возможность развиваться? Не являются ли абхазы народом со сломленным характером? Ни в коей мере. Многие в Абхазии говорили мне, что идеальным ребенком они считают не того, кто хорошо ведет себя в ста случаях из ста. Такой ребенок, по их мнению, когда вырастет, вообще не будет иметь никакого характера. Поэтому родители не стремятся сдерживать волевое развитие детей, напротив, они стараются воспитать в них благоразумие и стремление к взаимопомощи, вырастить человека, на которого могут положиться и семья, и общество.

Такой вид послушания, я думаю, в какой-то степени результат действия глубоко укоренившихся единых принципов воспитания детей. Они знают, чего ждут от них все взрослые и что реакция каждого человека на их поведение в каждом отдельном случае будет практически одинаковой. Перед глазами у детей — постоянные примеры для подражания: общепринятые нормы поведения взрослых и старших по возрасту ребят.

В селе Дурипш я встретила русскую женщину, которая живет там с мужем-абхазом и четырьмя сыновьями. Моя собеседница считала, что ее супруг и другие односельчане меньше, чем она сама, полагаются в воспитании детей на многословные нравоучения. Абхазы больше стараются отвлечь капризного ребенка от причины того, что его раздражает, и не давать детям прямых приказаний.

Важной частью системы воспитания являются трудовые навыки, прививаемые детям, как уже говорилось, с раннего

возраста. Малышей учат подавать гостям воду для мытья рук перед едой (это обычно происходит на открытом воздухе и является старинным обычаем), а также выполнять различные мелкие поручения.

Родители в один голос повторяли, что их дети с желанием осваивают все эти домашние дела. Вероятно, вначале дети делают все с большим интересом потому, что их обязанности по дому или в поле всегда им по силам и никогда не в тягость. Однако можно предположить, что со временем эта рутина начинает их утомлять и они отказываются выполнять порученное. Мне же абхазские друзья заявляют, что ничего подобного не происходит, подростка редко приходится заставлять делать что-то по дому. Дети сами видят, что никто в семье не уваливает от работы, и им даже в голову не приходит отказаться выполнить то, о чем их просят родители. Работа больше напоминает им игру, и это также помогает формировать в детях положительное отношение к труду. Никто не заставляет их выполнять тяжелые работы в поле или дома, а поручают только то, что им по силам.

В дошкольном возрасте ребенок начинает постигать обычаи и традиции абхазского народа, не нуждаясь в специальных наставлениях. Дома и во время семейных сборов (кроме похорон, куда детей не допускают) дети усваивают традиционные нормы поведения, глядя на окружающих, которые ведут себя согласно обычаям. Иногда родители разъясняют ребенку тот или иной обычай, но делают это только однажды. Большинство взрослых собеседников сразу же задумывались над моим вопросом, как же они передают детям народные обычаи, потому что раньше им и в голову не приходило проанализировать этот процесс. Немного подумав, они обычно пожимали плечами и говорили, что дети просто смотрят, как ведут себя старшие ребята и взрослые в той или иной ситуации.

ДЕТСКИЙ САД В СУХУМИ

До этого момента я описывала типичный мир дошкольника, получающего все свое воспитание исключительно в домашних условиях. Однако в крупных колхозах многие дети ходят в детские сады, особенно в период уборки урожая, когда их матери каждый день работают в поле. В городе детские дошкольные учреждения, как известно, еще более популярны. Воспитание детей вне дома развилось

в Абхазии сравнительно недавно, главным образом в послевоенное время.

Чтобы познакомиться с системой детского дошкольного воспитания, я посетила один из детсадов в Сухуми. Его здание находится в нескольких кварталах от моря, на тихом перекрестке. До революции это был особняк богатого владельца, а сегодня в нем круглосуточно находятся 80 детей от трех до шести лет. Родители могут в течение недели в любое время брать детей домой или же оставлять их там круглосуточно. Это специализированный детсад для ребят со слабыми органами дыхания или тех, чьи родители больны туберкулезом, чтобы избежать возможности контакта детей с родителями, пока те проходят курс лечения.

Директором этого показательного в масштабах Абхазии детсада уже семь лет работала абхазка, которая во время моего визита была в отпуске. Беседовать мне довелось с ее заместительницей Русудан Накопия. По национальности она грузинка, и, по ее словам, среди ее коллег есть абхазки, грузинки, русские, гречанки и армянки, поскольку в этот сад ходят дети именно перечисленных национальностей. Язык общения для всех — русский, а между собой все они говорят на родном языке, поэтому и дети, и сотрудники легко усваивают отдельные слова и выражения из других языков.

А каково трехлетнему ребенку, который попадает в сад, едва зная только свой родной язык и почти не умея говорить по-русски? Русудан рассказала мне, что таким новичкам требуется не более двух месяцев, чтобы научиться бегло говорить по-русски. Если это ребенок — грузин, то воспитательница-грузинка вначале поможет ему переводить ключевые фразы, пока русские слова не станут привычными. Дети, давно посещающие детсад, также помогают новеньким.

Кроме воспитательниц (все они с высшим образованием), в этом детском саду, как и в любом дошкольном учреждении страны, работают врач и две медсестры. Медицинский персонал каждое утро меряет у детей температуру с тем, чтобы заболевшего ребенка можно было сразу изолировать и начать лечить. Врач постоянно наблюдает детей, следит за их правильным развитием.

Дети проводят в саду больше времени, чем в кругу семьи, поэтому я заинтересовалась, не испытывают ли они острой потребности в нежности со стороны взрослых. Русудан ответила однозначно — нет. «В каждой группе,—

сказала она,— не более 25 детей и при них по два воспитателя, которые работают вместе по шесть часов в смену. Все наши сотрудники очень любят детей, даже водитель автобуса, который непосредственно в процессе воспитания не участвует. Подобными душевными качествами должны обладать и нянечки, и медицинские работники, поступающие к нам на работу. Мы относимся к малышам как к своим собственным, поэтому они чувствуют себя здесь как дома. Когда кончаются часы работы, воспитательницы обнимают и целуют своих подопечных, а затем дети с удовольствием встречают новую смену педагогов».

Единственное наказание в саду — угроза воспитательниц рассказать родителям о плохом поведении их ребенка. Но, по словам Русудан, в этом едва ли есть необходимость, поскольку с раннего возраста дети знают, как поддерживать порядок и каковы правила поведения. Они берут пример друг с друга и редко выходят за рамки дозволенного.

В саду малыши учатся рисованию, музыке, занимаются физкультурой, а на последнем году, готовясь к школе, изучают основы арифметики и правописания. В перерывах между занятиями дети играют в просторном дворе, где растут большие деревья, кустарники, цветы. Здесь они учатся сажать растения и ухаживать за ними. Для смены обстановки их водят в расположенный неподалеку ботанический сад, где знакомят с названиями редких растений, собранных там со всего мира.

Таково осенне-зимне-весеннее расписание жизни детского сада.

На лето его питомцев вывозят в собственный летний лагерь, расположенный на берегу моря, рядом с курортом Пицунда. Там они играют на пляже и в воде, гуляют по реликтовой сосновой роще — одной из красивейших достопримечательностей этого легендарного полуострова. После трехмесячного пребывания под летним солнцем и на свежем воздухе дети возвращаются домой загорелыми и жизнерадостными.

Детсад находится в ведении городского отдела народного образования и работает по программе, разработанной Министерством просвещения. Содержание в нем одного дошкольника обходится государству в 685 рублей в год. Родители же платят небольшую сумму, покрывающую лишь малую часть затрат на питание ребенка.

Программа, рекомендованная Министерством просвещения, предлагает воспитательницам проводить с детьми

познавательные игры. Больше всего ребятам нравится играть в профессии, когда они представляют, например, работу магазина или библиотеки, строительство дома. Каждый ребенок выбирает свою собственную роль в этой «деятельности». Взрослым остается только следить, чтобы в игре участвовали все дети без исключения. Если малыш растеряется и не будет знать, что делать дальше, воспитательница тут же ему подскажет выход из положения.

Перед едой дети сами накрывают на стол, а после сна заправляют кровати. Они самостоятельно наводят порядок среди игрушек. Воспитательницы постоянно следят за тем, чтобы дети всегда были чем-нибудь заняты.

Я обошла помещения и территорию детсада, наблюдая за малышами. Было приятно видеть множество детей и воспитательниц самой различной национальности. Ребятишки выглядели здоровыми и счастливыми. А потом они пели и танцевали, и я убедилась, что они прекрасно выучили русские, абхазские, грузинские и греческие танцы и поют на разных языках.

И все же мне хотелось знать, не испытывают ли дети чувства одиночества, когда нет рядом их родителей. Русудан рассказала мне, что двое ее детей тоже ходили в этот сад. Она хотела, чтобы они больше времени проводили с ней. «Я очень жалею, что приводила их сюда,— сказала Русудан.— Я думаю, что нет необходимости матери все время самой воспитывать ребенка. Наоборот, моим детям было бы лучше, если бы я не проводила с ними все дни и ночи. До сих пор они слишком сильно привязаны ко мне. Остальные дети в саду вырастут более самостоятельными, чем мои собственные. Некоторые из моих друзей не согласны со мной, но опыт показывает, что если дети знают, что их мать работает и не может все время смотреть за ними, то они сами будут лучше заботиться о себе. И впоследствии определенно будут лучше приспособлены к работе в больших коллективах».

Думаю, что правы и Русудан, и ее друзья, ибо важнее всего, по-моему, чтобы за ребенком был хороший уход и чтобы, учась самостоятельности, он получал достаточно ласки. Оба эти элемента воспитания в изобилии присутствовали и в семьях, которые я посещала, и в сухумском детсаде.

В современных сельских семьях дети сейчас приобретают те же самые трудовые навыки, что и их родители десятилетия назад. Девочка 10—12 лет должна уметь готовить пищу, накрывать на стол и подавать еду так же умело, как это делает любая взрослая женщина. Если неожиданно приходят гости, а никого из взрослых женщин нет дома, девочка-подросток бросит все, чем бы она ни занималась, чтобы приветствовать гостей, устроить их поудобнее и накормить, как того требует народный обычай. Редко случалось так, чтобы я попадала в дом, где одновременно отсутствовали и родители, и бабушка с дедушкой. Но если такое случалось, то дети всегда были не менее гостеприимны, чем их родители. Я специально говорю «дети», потому что в моей практике были случаи, когда малышей оставляли дома на попечение старшего брата, который при моем появлении делал все так, как любая старшая сестра в семье.

В селе Лыхны мне сказали, что я должна побывать в одной большой семье, если хочу иметь более полную картину воспитания детей в Абхазии. Мать восьмерых малышей осталась с ними одна — ее муж уже несколько лет находился в тюрьме. Она работала на местном винзаводе, а дети в рабочие дни оставались дома одни. Тем не менее все они хорошо учились и заботились друг о друге.

Я зашла к ним в надежде поговорить с матерью о ее методах воспитания, получивших столь высокую оценку односельчан. Но дома ее не оказалось, меня пригласили в дом дети. Мой визит их крайне смутил, но достаточно было старшему брату сказать несколько слов, как младшие тут же разбежались в разные стороны, чтобы подготовиться к приему гостей в лучших абхазских традициях. Я сказала, что у меня мало времени, и попросила детей не затруднять себя приготовлением угощения. Они послушались, видимо потому, что я была старше и им не оставалось ничего другого, как выполнить мою просьбу. Если бы на их месте оказались взрослые, моя просьба наверняка осталась бы без внимания.

Их отец отбывал в тюрьме наказание за непреднамеренное убийство. Во время работы в поле кто-то случайно попал под его трактор. Я удивилась, узнав, что двое младших детей родились в последние четыре года, когда отца в семье уже не было. Мне рассказали, что их отец дважды приезжал домой — получал отпуск в награду за хорошее поведение.

Еще через год его должны были отпустить домой окончательно. Интересно, что никто в селе не относился к детям с презрением за то, что их отец сидел в тюрьме, и, более того, они пользовались уважением за их собственные человеческие качества.

Дети в Абхазии не только умеют принимать гостей в отсутствие родителей, они выполняют различные домашние обязанности, работают в саду и на огороде. Наблюдается определенная тенденция к забвению прежних традиционно жестких рамок разделения труда на мужской и женский. Чем моложе родители, тем вероятнее, что они будут прививать своим мальчикам и девочкам одинаковые трудовые навыки.

После образования в Абхазии Советского правительства у детей, кроме работы по дому, появились новые обязанности — ходить в школу и выполнять домашние задания. В нескольких десятках дореволюционных школ учились почти исключительно дети из дворянских или зажиточных крестьянских семей, причем подавляющее большинство их составляли мальчики. Потребовалось много времени, чтобы преодолеть многовековые предрассудки, мнения о том, что девочкам учиться не обязательно и что образование для них даже вредно. Даже в 1957/58 учебном году отсев в большинстве случаев шел за счет девочек, покинувших школу после четвертого класса.

В настоящее время в Абхазии, как и повсюду в стране, обязательно десятилетнее образование. Если в отдельных случаях девушки все же бросают школу, чтобы помочь семье в работе по хозяйству или выйти замуж, то в будущем такое явление полностью исчезнет благодаря новому общесоюзному закону, вступившему в силу в середине семидесятых годов. Этот закон и общественное мнение уже сейчас не позволяют девушкам бросать школу.

Для самых многочисленных в Абхазии групп населения — абхазов, грузин, армян и русских — открыты национальные школы. В абхазской школе с первого по третий класс все предметы, за исключением русской грамматики и литературы, ведутся на абхазском языке. Хотя первоклассники не всегда бегло говорили со мной по-русски, они по крайней мере хорошо знали язык и могли поддерживать любую простую беседу. Благодаря интенсивному изучению русского языка в начальной школе к четвертому классу ребята уже готовы к занятиям по всем предметам на этом языке. Абхазскую грамматику и литературу они продол-

жают изучать вплоть до окончания школы.

Эта школьная система была разработана руководством республики при участии широкой общественности, которая хотела, чтобы у детей были твердые знания русского языка, чтобы, учась в любом вузе страны, они не чувствовали языкового барьера, так как на том уровне русский — наиболее распространенный язык преподавания.

Впервые получив всю эту информацию, я подумала об уровне знаний родного абхазского языка, особенно у тех студентов-абхазов, которые учатся в других республиках и чаще всего образование получают исключительно на русском языке. Я поинтересовалась мнением на этот счет родителей и преподавателей. Поскольку в городах и селах дети всегда говорят по-абхазски и дома, и с друзьями в школе и к тому же изучают абхазскую грамматику и литературу, то развитие родного языка, по общему мнению, нисколько не страдает. Некоторые абхазы-студенты из институтов других республик говорили, что на родном языке им труднее обсуждать сложные темы, но в целом их разговорные навыки не ухудшаются.

Опросив многих людей, я согласилась с мнением директора школы в селе Лыхны, который наилучшим образом сформулировал вывод, к которому пришла и я. «Наши выпускники по-русски говорят не лучше, чем на родном абхазском языке,— сказал директор Лев Алания.— Иногда школьник очень увлекается русской литературой и читает больше по-русски. Возможно, он предпочтет и писать по-русски. С другой стороны, есть ученики, увлекающиеся абхазской прозой и поэзией, и они на своем родном языке пишут гораздо лучше. Некоторые даже пишут стихи, неплохие стихи на родном языке. Так что это все очень индивидуально и зависит от личных мотивов и наклонностей».

Во время исследовательской работы в селе Лыхны значительную часть времени я провела в школе, наблюдая за учениками, учителями и учебным процессом. Это одна из сельских школ, обслуживающих район с населением примерно в 6500 человек, работающих в колхозе или на местном винном заводе. Помимо завода, производящего один из лучших сортов абхазского красного вина, в Лыхны есть еще туристская достопримечательность — остатки древнего дворца правителей Абхазии. Эти развалины и построенная в средние века церковь стоят рядом со школой, резко контрастируя с ее новым четырехэтажным зданием и постоянно напоминая детям о древней истории села Лыхны.

Лев Алания — бывший ученик этой школы. С 1960 года работал в ней преподавателем, а в 1975 году был назначен директором. В 1980 году, когда я познакомилась со школой и ее директором, Л. Алания исполнилось 45 лет. Беседовать с ним было легко, и я не могла представить себе, что он способен проявлять нетерпение по какому-либо поводу. Его кредо — все должно идти своим чередом. Директор показался мне человеком наиболее подходящим для работы с детьми. Вот рассказ Л. Алания о том, как он стал учителем:

— Я всегда чувствовал, что могу найти общий язык с детьми. Если ребенок плохо ведет себя, я так или иначе сумею найти к нему подход. Я стараюсь определить настроенное и мотивы поступков ученика и тогда решаю, как нужно вести себя с ним. Если бы в самый первый день работы в школе в 1960 году я почувствовал, что ученики в классе не обращают на меня никакого внимания, то на следующий день я бы в школу не пришел и навсегда бросил бы преподавательскую работу. Когда я вхожу в класс, то не начинаю урока, пока не почувствую всеобщего внимания. Даже выражением своего лица я могу заставить учеников слушать меня, будь то на уроке или в личной беседе. Мой метод я отработывал годами. Рассказываю о нем всем новым учителям, и большинство из них успешно его применяют. Правда, есть учителя, которые хорошо знают свой предмет, но не могут найти подхода к ученикам. Я считаю, что нельзя научить быть учителем, с этим талантом надо родиться. Я почти никогда не повышаю голос, чтобы привлечь внимание ученика, и это в моей профессии мне нравится.

В школе-десятилетке в Лыхны учатся 700 детей в возрасте от семи до восемнадцати лет. Из ежегодного выпуска в 55 учеников около 20, как правило, поступают в вузы — сельскохозяйственные, строительные или гуманитарные. Я спросила Льва Алания, готовит ли школа учеников к работе в колхозе, чтобы им хотелось не уезжать на учебу, а оставаться в селе, ведь это помогло бы решать проблему рабочей силы в сельском хозяйстве, хронически страдающем от нехватки рабочих рук. «Совсем наоборот, — ответил Лев Алания, — мы советуем им продолжать учебу в вузах. Семьи выпускников, как правило, тоже хотят, чтобы молодые получали высшее образование. Мы, абхазы, всегда хотели, чтобы наши дети были как можно более образованными, но мы никогда не принуждали их учиться. В любом случае

большинство молодежи возвращается в село, поэтому мы не считаем их потерянными для сельского хозяйства. Нам нужно больше людей с высшим образованием во всех областях. Конечно, очень нужны специалисты сельского хозяйства, но нужны также инженеры и преподаватели. Большинство учителей этой школы, как и я, когда-то сами здесь учились. И все нынешние молодые работники в ней — это мои бывшие ученики».

Прошло уже несколько десятилетий после организации всеохватывающей системы школьного образования в Абхазии, и теперь уже во многих семьях учеба детей считается более важным делом, чем их участие в домашнем труде. По мере усложнения учебных программ родители все реже привлекают детей для работы по хозяйству. Нередко они говорят: «Моему ребенку важнее получить хорошие оценки в школе. У детей много домашних заданий, и они важнее, чем работа по хозяйству». Другие родители считают: такое отношение приводит к тому, что дети, подрастая, физическим трудом занимаются с меньшим желанием, чем молодежь одно-два поколения назад.

Школы стремятся помочь решить проблему трудовых ресурсов в сельской местности, организуют занятия по полеводству, а осенью посылают школьников помогать в уборке урожая. Летом дети в колхозах помогают выращивать чай, табак и кукурузу. За свой труд они получают столько же, сколько и взрослые. Хотя дети сейчас работают в поле меньше, чем в свое время работали их родители или деды, тем не менее необходимые трудовые навыки они приобретают уже годам к двенадцати. Весной сыновья помогают отцам готовить землю для высадки табака, проводить прополку, взрыхлять землю, и все это продолжается вплоть до конца апреля. Этот тяжелый труд — сугубо мужская работа. Летом и осенью матери и дочери работают на сборе чайного листа и ломке табака. Мальчики тоже могут собирать чай и ломать табак, но по традиции здесь всегда главенствовали женщины. Каждая семья за сезон сдает в колхоз около 50 килограммов табака, и в этом есть доля труда школьников. К восьмому классу дети выполняют лишь минимальный объем сельскохозяйственных работ, а в выпускном, десятом классе их полностью от них освобождают. Хотя школьников никто трудиться не заставляет, кроме, возможно, горячей летней страды, да и то по их желанию, от них ожидают столь же высокого качества работы, как и от взрослых.

В городах школьники и студенты редко совмещают работу с учебой во время учебного года или летних каникул. Такая картина типична для всего Советского Союза. Однако в летнее время школьники старших классов недели две проводят, как они говорят, «на практике», работая в почтовых отделениях, магазинах или на промышленных предприятиях. Таким образом они приобщаются к будущей профессии или просто получают возможность почувствовать вкус работы вообще. Создаются также летние лагеря труда и отдыха, где городские дети часть времени работают в колхозе. Это способствует их физическому развитию и позволяет знакомиться с жизнью на селе. Студенты вузов летом иногда работают на стройках, где они могут хорошо заработать вдобавок к своей стипендии, а также получать удовольствие от общения со своими сверстниками со всех концов Советского Союза. Они работают на известных стройках, как это было, например, на БАМе.

Я никогда не встречала и даже не слышала ни в Абхазии, ни в Москве о подростках или студентах, которые бы работали, чтобы выжить или помочь своей бедствующей семье. Таких семей в Абхазии просто не существует.

При возникновении финансовых затруднений семья может обратиться за помощью по месту работы. Заявления рассматриваются в течение нескольких дней, семье выдается материальная помощь. Родители не посылают детей на заработки и не поощряют это даже ради карманных денег, так как считают, что любая работа во время учебного года отвлекает от занятий.

В то же время в Великобритании вынуждена подрабатывать четвертая часть детей 13—16 лет. Журнал «Ньюсуик» 24 января 1983 года привел высказывание о детском труде бывшего сотрудника британской системы соцобеспечения: «Я знаю многие семьи, впервые столкнувшиеся с безработицей, где единственным работающим членом является сын или дочь. В этих условиях родителям ничего не остается делать, как закрывать глаза на факт нарушения закона о найме несовершеннолетних». Далее журнал «Ньюсуик» пишет: «В Западной Германии только в одной Баварии в ходе недавнего расследования было вскрыто 344 000 случаев нарушения законов о детском труде. В Италии 21 процент детей 10—15 лет работает по меньшей мере неполный рабочий день. «Знаменитый культ детей — это миф», — говорит работник итальянской службы социальной помощи Клаудио Бетти. — С распространением нище-

ты в городах рушатся традиционные семейные связи, остается же одна эксплуатация».

По словам сотрудника Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), высказывания которого также приводит «Ньюсуик», в США среди работающей молодежи примерно 60 процентов составляют подростки и юноши 12—19 лет. Работают они, по его мнению, чтобы иметь карманные деньги или собрать на автомобиль, в то время как в развивающихся странах дети работают исключительно, чтобы прокормиться. Я же не могу согласиться со столь широким обобщением, что все подростки в Соединенных Штатах трудятся только лишь потому, что хотят иметь побольше лакомств, и что у них уже есть все, кроме автомобиля. Я знаю, что многие из них, как и их сверстники в Англии, работают, чтобы помочь своим семьям в условиях глубокой экономической депрессии, и особенно в тех семьях, где главой являются женщины. А число таких семей в США растет.

Однако, какими бы ни были причины, побуждающие подростков работать, исследования западных ученых свидетельствуют о том, что образовательный уровень этих учащихся ниже, чем у их неработающих сверстников. Исследования, проведенные недавно в США в отделении Калифорнийского университета в Ирвине, как пишет об этом «Ньюсуик», свидетельствуют о понижении успеваемости среди работающих студентов. В докладе, написанном для британского министерства здравоохранения и социального обеспечения, делается такой вывод: ученики, проводящие большую часть свободного от занятий времени в труде ради заработка, оказываются менее способными, менее усердными и менее дисциплинированными. В докладе также говорится, что работающие ученики нерегулярно посещают занятия, чаще других прогуливают, менее пунктуальны и стремятся бросить учебу раньше, чем те, кто работает меньше или не работает совсем.

Таких проблем нет ни в Абхазии, ни в других районах Советского Союза по той простой причине, что и временная, и постоянная работа является прерогативой взрослых.

ПОСТИГАЯ ЖИЗНЬ

Один из советских исследователей абхазских традиций еще много лет назад сказал, что правилам поведения абхазов могли бы позавидовать дипломаты из Лиги Наций.

Как же изменился этот этикет в наше время? Какова система ценностей сегодняшней абхазской молодежи? Какие изменения произошли под влиянием образования, коммунистической морали, процесса урбанизации, индустриализации, сближения с людьми многочисленных других национальностей в СССР и за его пределами? Какие люди растут сейчас в Абхазии, будущие долгожители, о ком, возможно, будут писать книги в 2086 году?

Если труд — это действительно один из основных факторов, способствующих долгой жизни и хорошему здоровью, то есть все признаки, что сегодняшнее поколение юных будет ценить физический труд столь же высоко, как и их деды. Возможно, нынешняя молодежь будет меньше занята физическим трудом из-за растущей даже в сельской местности армии специалистов с высшим образованием, а также благодаря возрастающей механизации труда. Но пока существует сельское хозяйство, будут существовать и его работники, а также множество людей, проводящих большую часть жизни на воздухе, в работе на лоне природы.

Но есть еще один фактор если и не способствующий продлению жизни, то во всяком случае приносящий радость в старости. Это — проявление уважения к старшим в семье и в обществе. Эта традиция, безусловно, является ключевой в правилах абхазского этикета и в их системе духовного воспитания. Будут ли и завтрашние абхазские долгожители чувствовать всю прелесть семейного тепла и общественного внимания, какие выпадают на долю стариков сегодня?

Не могу дать полной гарантии, что и через 100 лет сохранятся все те традиции, которые сегодня способствуют сохранению в преклонном возрасте ощущения счастья жизни. Но я убедилась, что сегодня в Абхазии молодые люди придерживаются этих традиций столь же неукоснительно, как и их родители. 23-летняя Сусанна Джинджолия говорила, что своих детей она будет воспитывать так же, как воспитывали и ее — в духе уважения к традициям гостеприимства, взаимопомощи, скромности, щедрости, уважения к старшим, но она никогда не позволит им вернуться к жестким традициям кровной мести, классовых привилегий, классового угнетения и дискриминации по признакам пола. Точка зрения Сусанны мне кажется типичной для ее поколения.

Что же в сегодняшней Абхазии дает жизненную силу этим традициям? Процесс сохранения национальной культуры начинается с изучения народных преданий и историй.

К семи годам абхазский ребенок уже многое знает о героях абхазских народных сказок. Обычно сказки детям рассказывает старший мужчина в семье, хотя иногда рассказчиком бывает и старейшая женщина и (намного реже) родители. Поскольку старики не всегда умеют хорошо читать и писать, фольклор и историю народа они передают устно.

Самое главное сказание — эпос, посвященный подвигам великанов-нартов. В его основе вымысел, отражающий абхазскую концепцию героизма. Один из нартов, Сасрыква, — безупречный герой, хотя он и не всемогущ. Все сто нартов — непобедимые воины, творцы и искатели. Необычайная физическая сила и совершенство сочетаются в них с высоко развитым интеллектом. Отец нартов упоминается только в одном сказании, это очень старый, но все еще могучий гигант-земледелец. Мать их тоже очень старая по годам, но при этом вечно молодая телом и душой. В каждом сказании о нартах она предстает как источник силы семьи, как трудолюбивая созидательница, не имеющая равных в творчестве и владеющая любым ремеслом, всемогущая и мудрая. Она дала жизнь 99 сыновьям, среди которых младший Сасрыква — самый любимый.

Ее единственную дочь зовут Гунда Прекрасная.

Другой герой народных сказок Абрскил — это абхазский Прометей, который вступил в единоборство с богами, был пленен, посажен в пещеру и прикован цепями к скале.

Абхазские дети знают также мифы о божестве — покровителе охотников и пернатых, сказки о Солнце, Луне, о боге грома и молнии. Каждый из этих сказочных героев наделен человеческими чертами. Знают дети и легенды о происхождении различных удивительных по красоте мест в Абхазии, как, например, озеро Рица.

Во всех этих сказаниях герои предстают перед нами благородными и великодушными. Воинская доблесть, способность переносить огромные страдания, сдержанность, храбрость, взаимное уважение между друзьями и врагами, уважение к старшим и к женщинам — все это описывается в них как идеалы, к которым должны стремиться все люди.

Дети усваивают эти качества не только через фольклор, но также и наблюдая за поведением старших членов семьи. Этот элемент традиционной системы воспитания абхазских детей не принес бы хороших результатов в обществе, где люди не придерживаются единых норм поведения, где существует их иногда взаимоисключающее многообразие,

как, например, в многонациональных и многоклассовых городах других стран.

Но сам по себе хороший пример поведения всех членов семьи не является достаточно сильным средством воспитания молодого поколения. И родители успешно пользуются методом, который, по-моему, можно применять повсюду в мире. Он состоит в том, что взрослые ведут между собой поучительный разговор в присутствии подростков, которые, возможно, и не принимают участия в этих беседах, но хорошо все слышат. Темой разговора может быть чье-то примерное поведение, какой-то поучительный случай или чей-то плохой поступок, каких в жизни нужно избегать. Подросток при этом не должен даже догадываться, что весь этот разговор взрослые ведут специально для него.

Мулла Арутан Гицба, о котором шла речь в главе 1, пояснил, что этот прием действовал на него в детстве наиболее эффективно, теперь и он сам часто пользуется им в воспитании своих внуков. Один из уроков, усвоенных в детстве и затем переданных детям и внукам, Арутан Гицба получил, слушая однажды разговор старших в доме своего отца. Старики вспоминали рассказ о молодом человеке, которого отец послал на заработки. Работы тот не нашел, а уговорил мать дать ему рубль, чтобы показать его отцу. Тот бросил рубль в огонь, заявив при этом, что сыну следует найти работу, а не пытаться обмануть своего отца. То же самое повторилось еще дважды. Наконец юноша действительно нашел работу, заработал немного денег и принес их отцу. Взяв деньги, отец, как и раньше, уже начал бросать их в огонь. «Остановись! — закричал юноша в панике. — Пожалуйста, не жги эти деньги. Я так трудился, чтобы их заработать!»

Очевидно, эту притчу знают одинаково хорошо и на Востоке, и в России. Но Арутан Гицба запомнил ее в детстве как действительный случай из жизни, рассказанный одним из сельских стариков, случай, стоящий того, чтобы о нем узнали и другие.

Один из моих городских знакомых, который провел детство в селе, рассказывает, что он тоже пользуется методом, описанным Арутаном Гицбой. За день до моего приезда у него в гостях был племянник, который за столом и в беседах произвел на хозяина и его жену хорошее впечатление своими традиционно абхазскими манерами. После ухода племянника мой знакомый завел с женой разговор специально, чтобы его слышал сын-подросток, который всю жизнь провел в городе. Отец хвалил племянника за его

прекрасные манеры, восхищался тем, что хотя тот тоже родился и вырос в городе, но тем не менее ведет себя исключительно в рамках традиционных абхазских правил. Сыну никто не давал таких, к примеру, наставлений: «Вот видишь, твой двоюродный брат тоже вырос в городе, но его манеры намного лучше, чем твои!» Сын, возможно, и не подозревал, что весь этот разговор был затеян специально ради него. Мой знакомый рассказал мне, что на следующее утро сын стал более внимательным к нему и пытался подражать абхазским манерам своего двоюродного брата.

Правда, иногда у родителей нет иного выхода, как прямо поговорить с ребенком о хорошем или плохом поведении, особенно после его дурного поступка. Прежде всего родители апеллируют к совести ребенка: «Ты абхаз, и то, что ты сделал, позорит нас всех». Или же ребенку говорят, что своим поведением он позорит весь свой род. При этом родители стараются не повышать голоса и никак не выражать свой гнев.

К физическому наказанию детей в Абхазии прибегают только как к самому крайнему средству. Так считают старики, вспоминая свое детство, так думают и сами дети сегодня. Отвращение к физическому наказанию ребенка, по-видимому, глубоко укоренилось в самой абхазской культуре. Русский исследователь Н. М. Альбов писал в конце XIX века: «Абхазы стараются по мере возможности не загружать детей, в том числе и дочерей. Телесных наказаний, не только розог, но и более невинных, вроде щелчков, дранья за волосы и т. п., при воспитании совершенно не практикуется, так как они вообще гнушаются телесных наказаний и тем более позорным считается применение их к существам беззащитным и притом столь дорогим для них, как дети... В свою очередь дети платят родителям почтительностью и послушанием»¹.

Когда ребенок совершает что-то очень позорное, физическое наказание может быть применено к нему вплоть до 12—13-летнего возраста. В селе Лыхны 35-летний школьный учитель рассказывал мне, что отец побил его лишь однажды, когда ему было лет 12, хотя мать не била его никогда. А поскольку до этого случая его никто никогда не наказывал физически, этот урок он запомнил на всю жизнь. Мальчика наказали за «непристойное слово», произнесенное в присутствии соседки. Поскольку же в Абхазии взрос-

¹ Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии, с. 239.

лые стараются не делать замечаний чужим детям, соседка рассказала отцу мальчика о его проступке. Отец считал, что своим поведением сын опозорил всю семью, и наказал его ремнем. Сын и тогда считал, и сейчас считает, что отец был полностью прав, наказав его таким образом.

В Члоу я беседовала с 13-летним мальчиком. Однажды отец побил сына ремнем (и как раз в тот период я проводила исследования в этом селе). Мальчик признался мне, что его действительно наказали, но не говорил, за что именно. Он просто сказал, что «заслужил». Мальчик настаивал, что отец не мог поступить с ним несправедливо. Я хорошо знала этого мальчика и чувствовала, что он искренне верил, что отец все делает исключительно из благих намерений. Сын не выражал особого недовольства.

В своде правил традиционного поведения абхазов очень важно то, что дети рано начинают понимать: уважение к старшим неоспоримо и необходимо в любом возрасте, даже в зрелом. Поэтому все с детства знают, что те, кто моложе, должны проявлять уважение и быть послушными. Наверное, это одно из объяснений отсутствия в моей практике случаев, когда бы молодые люди выражали возмущение поведением старших. Возможно также, что именно благодаря этому сознанию в полной мере сохраняется в народе в наши дни и сама традиция глубочайшего уважения к старшим: молодежь относится к ним так, зная, что в будущем они сами непременно удостоятся такой же высокой чести.

Конечно, бывают случаи, когда взрослый абхаз не пользуется уважением окружающих. В селе Ачандара мне рассказали о человеке, который в 60-е годы воровал скот в соседних селах. Его жена обращалась к родственникам, чтобы те помогли остановить его и особенно потому, что он стал приучать к воровству и своих сыновей. Однако все попытки родственников ни к чему не привели. Тогда жена обратилась за помощью в местный Совет старейшин. Совет принял решение выслать этого человека за пределы Абхазии, то есть, согласно старинным обычаям, объявить его изгоем, а его взрослым сыновьям запретить проживание в селе Ачандара. В течение нескольких лет члены его опозоренного рода не имели права участвовать в свадьбах и других праздниках в селе. Хотя сыновья и должны уважать старших в семье, они не должны участвовать в совершении ими незаконных действий или поступков, нарушающих общепринятые нормы жизни абхазов. В дальнейшем я рас-

скажу, как работает Совет старейшин, как он принимает решения, не нарушая соответствующее советское законодательство и одновременно придерживаясь неписаных абхазских законов, поддержанных конституцией республики.

Кроме традиционного уважения старших, есть еще и другие правила, например уважение младших. Очень старые абхазы считают, что современная молодежь, начиная с первых школьных лет, не всегда придерживается этого обычая. Старики полагают, что этому аспекту в школе не уделяют достаточно внимания, не требуют, чтобы старшие дети проявляли уважение к младшим. Ребята затевают ссоры друг с другом, а более старшие ученики не всегда деликатны по отношению к младшим. Родителям кажется, что преподаватели не принимают должных мер, чтобы не допускать подобных нарушений правил народного этикета. Дома такое поведение детей недопустимо, но в школе они, по мнению взрослых, ведут себя не столь сдержанно.

Я обсуждала эту проблему с директорами и преподавателями школ в Лыхны и Ачандаре. Они согласились, что в школе дети в меньшей степени соблюдают абхазские традиции, проявляют деликатность по отношению друг к другу меньше, чем предписывает народный обычай. Лев Алания считает, что в программу абхазских школ нужно ввести дополнительный курс по правилам народного этикета. «Когда мы видим, что поведение ученика идет вразрез с нашими традициями, учитель беседует с ним об этом в индивидуальном порядке. Самый же верный путь передачи традиций — это хороший личный пример. Дети учатся у нас каждую минуту, даже когда мы не обращаемся к ним непосредственно».

Дети в школе, где за ними не наблюдают взрослые родственники и из-за напряжения, вызываемого учебным процессом, очевидно, в меньшей степени способны к самоконтролю — качеству, весьма важному в системе традиционного абхазского воспитания. Кроме того, те представители старшего поколения абхазов, кто жалуется на недостаточное уважение как к младшим, так и к старшим, возможно, просто идеализируют свое собственное поведение в детстве.

В Абхазии нет резко обозначенных границ между детством и юностью, равно как нет и четкого разграничения между возрастными группами: переход из одной в другую совершается постепенно. Период юности у абхазов наступает позднее, чем у детей других национальностей, — физиологически абхазы созревают позднее. Период мутации у подростков обоих полов наступает на два-три года позже, чем в среднем по стране, — приблизительно в 15 лет. Между прочим, этот факт натолкнул некоторых геронтологов на мысль о том, что поздняя зрелость характерна для долгожителей.

Итак, к 15-летнему возрасту, то есть за год-два до окончания средней школы, у подростков начинается период серьезной подготовки к взрослой жизни. Они уже пытаются вести себя как взрослые, задумываются о будущей профессии и о том, какие личные качества должны иметь их будущие спутники жизни. И это как раз то время, когда молодой человек, возможно, вырабатывает в себе более критическое отношение к окружающему миру. В период роста это характерно для всех, и проходит этот процесс везде одинаково. Отличие его проявления в Абхазии в том, что там подростки выражают свою критику, спорят только в среде своих сверстников. Устные заявления и особенно действия, направленные против общепринятых обычаев и мнений, в Абхазии в присутствии взрослых случаются исключительно редко.

Если подросток не хочет, к примеру, носить то, во что, по мнению родителей, ему следует одеваться, он не обязан подчиняться их воле. Однако при этом он должен воздерживаться от споров с родителями. Я заметила, что в подобных случаях родители могут высказывать свое недовольство одеждой сына или дочери, но настаивать на своем они не будут. А подросток в свою очередь не делает проблемы из этих различий во взглядах и не пререкается.

Конечно, это вопросы сложные, и их не следует упрощать, поскольку бывают разные и подростки, и родители. Однако главный принцип взаимоотношений между поколениями — это взаимные уступки, стремление избежать прямого столкновения, осторожность родителей и недопустимость с их стороны диктаторских замашек. В свою очередь подростки стремятся к взаимопониманию с родителями.

Но есть еще молодые люди, которые нарушают и писанные, и неписанные законы Абхазии. Как я уже отмечала, уровень преступности среди несовершеннолетних не высок, но когда кто-то нарушает закон, то в силу вступают не только нормы государственного права, но и общее право абхазского народа. Скажем, семья, отчаявшись призвать к порядку одного из своих членов, может решить проблему, обратившись за помощью к родственникам. Могут попросить дядю, тетку или еще кого-либо, кто пользуется особым уважением подростка, повлиять на него. Если не помогает и это, то тогда на ежегодной встрече родственников, носящих одинаковую фамилию, глава рода в своем традиционном «ежегодном докладе» может упомянуть имя нарушителя. Мне сказали, что выговор такого рода действует исключительно эффективно, поскольку семейные связи так сильны, что человек, потерявший доброе расположение членов своего рода, стоит на грани изгнания вообще из Абхазии. Между прочим, такие собрания членов рода до революции устраивались для молений, во время которых богов просили ниспослать роду благополучие. А в наше время обычай утратил всякий религиозный смысл и соблюдается лишь для поддержания и укрепления семейных связей. На таких встречах не только критикуют отдельных членов рода, но и приветствуют и ставят в пример тех, кто достиг в чем-то успеха.

Если род не в силах изменить недостойное поведение одного из молодых родственников, он может обратиться в местный или районный Совет старейшин. Такие Советы существовали в Абхазии всегда, но перед революцией они из влиятельного постоянно действующего института превратились в обычные собрания пожилых людей, состав которых менялся в зависимости от характера обсуждавшихся вопросов. В настоящее время состав Совета старейшин постоянный, его члены избираются всеобщим голосованием. В Абхазии в такие Советы всегда входили не только самые старые жители, но и просто еще физически крепкие люди, уже имеющие богатый жизненный опыт. Они всегда консультируются со старейшими абхазами и не принимают решений, противоречащих желанию стариков. В Советах старейшин обычно заседают мужчины, но иногда и наиболее заслуженные женщины, у которых еще достаточно сил, чтобы собираться раз в неделю или чаще и по возможности скорее разрешать тот или иной гражданский спор. Для этого порой приходится заседать всю ночь или несколько

дней подряд, а это довольно утомительный процесс для большинства людей старше 75 лет.

Я беседовала с Герасимом Тарбой, 70-летним главой Совета старейшин Гудаутского района, куда входят Лыхны, Дурипш и Ачандара. Он рассказывал, что когда речь идет о недостойном поведении подростка, то первой задачей Совета старейшин является определение степени его личной вины. После чего Совет помогает родителям оказывать воспитательное воздействие на своего отпрыска. Герасим Тарба возглавляет районный Совет старейшин с 1980 года, хотя членом такой же группы в родном селе Дурипш он состоит уже много лет. На его памяти ни разу не было случая, чтобы родители не последовали рекомендациям старейшин. Он также считает, что эти органы исключительно эффективны в разрешении любых гражданских споров, ибо их решения равносильны закону. Когда я разговаривала с сельскими жителями, всегда отвечающими перед старейшими за свои действия, то все они в один голос выразили уважение к этому общественному институту.

Герасим Тарба также рассказывал мне, что в последнее время в городах стали появляться молодежные «Советы старейшин» для примирения отношений между сверстниками. Это самодеятельная организация, сказал он, однако и она эффективно способствует решению конфликтов среди молодежи. Хотя решения такой группы не имеют силы закона, как постановления Совета старейшин, Герасим Тарба считает идею позитивной, отражающей естественное стремление молодежи к самоутверждению.

Другая важная сторона процесса взросления — подготовка к супружеской жизни. Один из крупнейших советских педагогов, А. С. Макаренко, писал, что, воспитывая в ребенке честность, работоспособность, искренность, прямоту, привычку к чистоте, привычку говорить правду, уважение к другому человеку, к его переживаниям и интересам, любовь к своей Родине, преданность идеям социалистической революции, мы тем самым воспитываем его в половом отношении. Среди этих общих методов воспитания есть такие, которые к половому воспитанию имеют большее отношение, есть такие, которые имеют меньшее отношение, но все они вместе взятые в значительной мере определяют и наш успех в воспитании будущего семьянина, будущего мужа или будущей жены.

Все, что А. С. Макаренко считает первыми шагами в половом воспитании, в целом входит и в традиционные

принципы воспитания в Абхазии, кроме, возможно, прямоты. Родители стремятся воспитать у абхазских детей подчеркнутую стеснительность перед старшими. По традиции всегда считалось неприличным, если дети и родители обсуждают интимные стороны брака. Юные абхазы получают информацию по этим вопросам преимущественно от других девушек и юношей, чаще всего от старших братьев и сестер. Молодые родители, с которыми я беседовала, считают, что половые вопросы следует обсуждать с детьми лет с 14. Некоторые же родители считают достаточным и учебника анатомии, который ребята изучают в восьмом классе средней школы.

Думается, что такая черта, как стеснительность, надолго сохранится в системе моральных ценностей абхазского народа и поэтому половое воспитание молодежи в обозримом будущем, вероятно, будет оставаться минимальным или вообще отсутствовать в большинстве абхазских семей.

Но опять-таки, слишком широкие обобщения иногда способны далеко уводить от правды, и поэтому никогда не следует забывать о живом человеке. В селе Лыхны 45-летняя женщина рассказывала мне, что, несмотря на одинаковое воспитание, три ее сына выросли совершенно разными по характеру. Один сын никогда не делится с матерью своими взглядами и, естественно, никогда не рассказывает ей о своих отношениях с женщинами. Другой держит мать в курсе всех своих сердечных дел, но она сама всегда сдерживает его, когда он начинает слишком подробно рассказывать ей о чувствах к той или иной девушке. Она говорит, что в таких вопросах не следует быть столь откровенным, и советует ему проявлять в беседах с ней на такие темы сдержанность.

Хотя сверстники и служат основными источниками информации по интимным вопросам, все же молодые люди советуются именно с родителями, когда приходит время выбирать себе спутника жизни. Так поступают и юноши, и девушки, чтобы тем самым не только засвидетельствовать свое уважение к родителям, но и избежать их неодобрения своего выбора.

Если сын или дочь женится или выходит замуж без родительского согласия, то они рискуют тем, что, действуя по старинному обычаю, родители могут отказаться признавать их в течение нескольких лет. В таком случае родители запрещают и всем остальным членам рода поддерживать

отношения с молодоженами. Если при этом молодую жену плохо встретят в доме мужа (первые несколько лет молодые супруги, как правило, живут у родителей мужа, пока не будет построен для них отдельный дом), то у нее уже не будет возможности вернуться в свой прежний дом. Но даже если брак оказывается счастливым, запрет на общение с родственниками переносится очень тяжело. Поскольку мужчины приводят жен в родительский дом, одобрение выбора спутника жизни старшими приобретает для них еще большее значение. Как правило, родители стараются не вмешиваться. По современным воззрениям этот вопрос могут решать только сами молодые. Однако бывают и исключения, если у родителей слишком устаревшие взгляды.

Например, в селе Бармиш Гудаутского района я стала свидетелем примирения дочери с ее родителями после того, как они не виделись в течение пяти лет. Все они приехали в это село на свадьбу, совершенно не ожидая встретиться там друг друга. Увидев мать, дочь начала громко рыдать — настолько невыносимо ей было видеть, что родители игнорируют ее присутствие. Друзья отца встали на ее сторону, требуя, чтобы он простил дочь. Он сдался, и все трое вновь оказались вместе.

Позже я разговорилась с ее отцом и спросила, почему он отказывался признавать свою дочь. Он рассказал, что, еще учась на третьем курсе института в Сухуми, она вышла замуж, не посоветовавшись с родителями. Ее муж принадлежал к семье бывших дворян, она же сама была из традиционно крестьянской семьи. Выйдя замуж без торжественного обряда проводов невесты из родительского дома, дочь тем самым лишила отца возможности показать своим новым родственникам, какой пышный праздник он мог бы устроить для своей дочери. Отец был глубоко обижен этим и отрекся от нее. В течение всех пяти лет он со стороны следил за тем, как складывается жизнь его дочери. «Уж не думаете ли вы, что я не стал бы интересоваться ее жизнью?!» — спросил он с хитрой улыбкой. Он рад был видеть, что у дочери хорошая, крепкая семья и что своих детей она воспитывает по абхазским традициям.

После беседы с этим отцом у меня возник вопрос: влияют ли в наше время дореволюционные социальные корни на выбор жениха или невесты? Многие, с кем я разговаривала, утверждали, что, за исключением редких случа-

ев, этот фактор молодыми во внимание не принимается, но, возможно, имеет какое-то значение для людей старших поколений, пользующихся значительным влиянием. Когда я начала спрашивать супружеские пары, из каких семей — дворянских или крестьянских — они происходят, я установила, что многие браки были «смешанными» в том смысле, что до революции предки мужа и жены относились к различным социальным классам. Каждый абхаз сегодня знает прошлый социальный статус каждого отдельного рода в Абхазии, однако нынешнее политическое и экономическое равенство советских людей, единый образ жизни независимо от социального происхождения до революции способствуют отмиранию предрассудков такого рода.

Браки с представителями других национальностей допускаются, если «чужие» жених или невеста согласны следовать абхазским традициям в воспитании будущих детей. В противном случае старики не одобряют смешанные браки. Я встречала ряд семей, где жена не была абхазкой, но следовала местным обычаям точно так же, как это делали родственники мужа. Такие женщины пользуются уважением за их знания абхазского языка и традиций.

ГОРОДСКАЯ ШКОЛА

В центре Сухуми недалеко от набережной стоит абхазская средняя школа на 1150 мест. В ней есть также подготовительный класс для шестилеток, родители которых хотят, чтобы те начали учебу на год раньше обычного. Когда я вошла в старинное, поддерживаемое в хорошем состоянии здание, то оказалась в атмосфере типичной советской средней школы с ее обычным шумом и беготней во время перемен и полной тишиной в коридорах во время занятий.

Кроме абхазских, в городе есть также школы, где обучение ведется на грузинском, армянском и русском языках. Родители — независимо от национальности — свободны в выборе школы для своих детей. Все зависит только от того, какой язык они хотят, чтобы их дети знали лучше всего.

Когда я шла по коридорам в кабинет директора, я увидела ряд великолепных картин, написанных маслом. Это была целая галерея — несколько десятков картин, воспроизводящих эпизоды из истории абхазского народа и сцены из

народных сказаний. Здесь были и трагические, и веселые сюжеты, каждодневно напоминающие ученикам об истории их страны и народа, складывавшейся тысячелетиями на этой земле.

Директор школы, абхаз по национальности, Михаил Губаз окончил исторический факультет Сухумского педагогического института. На вид ему было лет сорок пять. От него я узнала, что школа была основана еще в 1863 году. До 1921 года это была одна из пяти школ, созданных на Кавказе по указу русского царя для обучения детей «горцев» — так официально именовались тогда различные кавказские народности. Учились в ней главным образом дети из обеспеченных семей. Главной задачей школы было привитие учащимся знаний русской культуры и литературы. Михаил Губаз рассказал мне об изменениях, происшедших в школьной программе в 1921 году:

— При Советской власти полностью изменилось все содержание образования. Во-первых, школу могли посещать все дети независимо от социального или финансового положения их семьи. Здесь же была открыта школа-интернат для наиболее одаренных детей из отдаленных районов Абхазии, чтобы дать им возможность продолжить свое образование, пока в их селах еще не были построены соответствующие средние школы. Многие широко известные ныне ученые, писатели и общественные деятели учились здесь в двадцатых и тридцатых годах. Если бы прием в школу был ограничен только жителями нашего города, многие выдающиеся деятели вообще не получили бы возможности развивать свои способности, а абхазская культура не стала бы такой, какой она является сейчас. Во-вторых, в 1921 году изменилась главная цель школы, которая теперь заключается в том, чтобы обучать абхазских детей на их родном языке, способствовать развитию нашей национальной культуры и сохранению обычаев. Наши ученики и сегодня изучают русский язык и знают русскую и мировую литературу, но главной задачей с 1921 года остается освоение абхазской культуры.

Все это я слушала с самым искренним вниманием и интересом.

— И на уроках, и вне школы преподаватели используют любую возможность для разъяснения наших традиций,— продолжал свой рассказ Михаил Губаз.— Они поясняют, почему абхазы поступают именно так, а не иначе. При этом они не умаляют роль и значение национальных традиций

других народов или национальных групп, живущих в нашей республике. Напротив,— подчеркнул мой собеседник,— мы живем среди множества национальностей и должны воспитывать в детях чувство уважения к ним, но мы также хотим, чтобы наши дети и внуки сохранили все самое характерное для нашей культуры.

Окончив пединститут, Михаил Губаз стал преподавателем истории в школе, директором которой он сейчас является. У него два сына. Старший учится в десятом классе, хочет стать художником — каждую свободную минуту он рисует или пишет маслом. Младший сын — первоклассник. Оба ходят в эту же школу. Михаил Губаз чувствует себя спокойнее, когда имеет возможность и здесь присматривать за сыновьями.

Но если директор следит за успехами всех своих учеников, то те в свою очередь столь же пристально наблюдают за ним. Во время бесед со старшими учениками я убедилась, что директора здесь очень любят. Михаил Губаз интересуется делами каждого ученика, знает, когда у него возникают те или иные проблемы и когда сам подросток становится «проблемой». Я спросила директора, есть ли у него неуправляемые воспитанники и если да, то какие он принимает меры? Может ли директор, скажем, исключить ученика из школы за систематическое нарушение правил поведения?

— За все время моей работы в системе школьного образования,— ответил он,— я ни разу не встречал ученика, который представлял бы для меня такую серьезную проблему. Некоторые ребята доводят меня до головной боли, но еще никогда не было подростка, которого я не мог бы урезонить. Нужно найти индивидуальный подход к каждому, знать причины возникновения неувязки. В этом у меня особых трудностей нет. Обычно я нахожу возможность воздействовать на ученика либо с помощью его же товарищей, либо родителей, либо просто в разговоре «один-на-один». Мой принцип: быть строгим, но справедливым. Но такие дисциплинарные проблемы в практике возникают редко.

Чаще всего встают вопросы успеваемости. Некоторые учатся хорошо все время, у других бывают трудности. И директор, и преподаватели большую часть времени тратят на то, чтобы заставить учеников работать в полную силу.

По словам директора, все очень просто. И тогда я спросила, считает ли он свою работу легкой.

— Конечно же, нет,— ответил он.— Разве легко быть

ответственным за 1200 детей?! Профессия учителя требует большой самоотдачи, а воспитание подростков — много времени и забот.

Я выразила желание поговорить с некоторыми из ребят, и Михаил Губаз пригласил трех учеников прямо с урока физики — Гунду, Фатиму и Андрея. Гунде и Фатиме по 15 лет, обе учатся в девятом классе. Рослый Андрей (кстати, спортсмен-баскетболист) — ученик выпускного десятого класса. Все трое черноволосые, кареглазые, белолицые, что характерно для большинства абхазов и многих других народов Кавказа. Помимо обучения на родном языке и изучения русского языка и русской литературы, ученики этой школы должны овладеть по крайней мере одним иностранным языком. В этой школе изучают английский и немецкий. Мои собеседники изучали английский язык, а Андрей сказал, что он самостоятельно занимается также и немецким. Стоит ли говорить, как обрадовались все трое, получив возможность отвлечься от занятий физикой и попрактиковаться со мной в разговорном английском. Делая паузы, но говоря всего лишь с легким акцентом, ребята рассказали мне, что английский они изучают с пятого класса. Теперь у них усложненная программа. Английский язык — любимый предмет Гунды. Она считает, что это ее призвание, ей хотелось бы стать переводчицей с английского на абхазский. Андрей назвал английский и абхазский языки своими любимыми предметами, но тут же добавил к ним и баскетбол. Фатима больше всего любит английский и историю, особенно период средневековья. Ни Андрей, ни Фатима не смогли точно назвать свою будущую профессию. Фатима просто еще не сделала свой выбор, а Андрей сказал, что он, наверное, будет изучать в вузе историю.

Книги, которые они читают по программе английской литературы, — это в основном английская классика. А в свободное время Гунда увлекается романами Агаты Кристи — ей нравятся детективы. Своим любимым английским писателем она назвала Сомерсета Моэма. Андрей предпочитает Томаса Харди и Майн Рида, а Фатима — Джека Лондона. Почему? «Потому что Джек Лондон описывает настоящую жизнь», — ответила девушка.

Читать такие книги в оригинале не всегда легко, поэтому ради удовольствия они читают и абхазских, и русских, а также грузинских и других советских и зарубежных авторов.

Когда я спросила Гунду, кто ее любимый абхазский писатель, она назвала Баграта Шинкубу, который вначале был известен только как поэт, но в середине 70-х годов опубликовал и свой первый роман «Последний из ушедших». Это исторический роман о событиях прошлого века, повествующий о массовом переселении в чужие края народа убыхов. Что же почерпнула Гунда из этой книги? «Книга произвела на меня очень глубокое впечатление,— ответила она,— потому что она рассказывает о нашем народе. Это историческая повесть, а я очень люблю историю. И нравится язык, которым она написана».

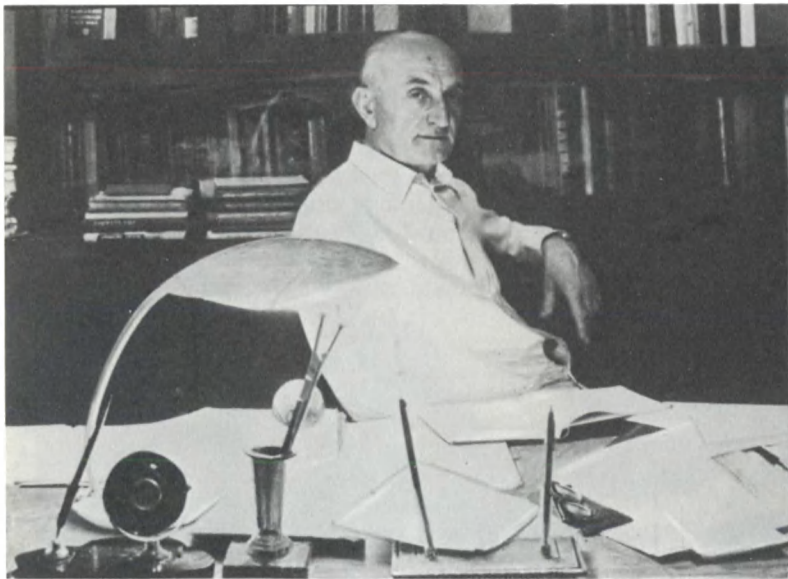
Андрей и Фатима тоже читали эту книгу. Она очень популярна в Абхазии. Вот как оценивает ее Андрей: «На мой взгляд, это очень грустный роман, так как он рассказывает об исчезновении целого народа. Это была великая трагедия». Фатима заметила, что роман интересен детальными описаниями старинных обычаев родственных народов убыхов и абхазов и их быта в прошлом веке.

Когда я спросила ребят, считают ли они эти обычаи старомодными, принадлежащими истории, они твердо заявили, что, насколько это возможно, обычаи нужно сохранять и в современном мире. «Я думаю, что следует оставить самые лучшие из них»,— сказал Андрей, назвав самым важным обычай гостеприимства. Я попросила юношу назвать еще какие-нибудь традиции, достойные сохранения, но ему было трудно сделать это по-английски, и он, перейдя на русский, назвал свадебные и погребальные обряды, а также строго определенные правила поведения в повседневной жизни. Например, когда встречаются два абхаза, то они произносят различные приветствия, зависящие от возраста и пола каждого из них, и при этом соблюдают определенные правила, по которым кто-то из двух должен приветствовать другого первым. Есть также особые правила взаимоотношений внутри семьи и между родственниками. Правил гостеприимства, о которых говорил Андрей, действительно множество, но главное в них то, что гость всегда прав и что ему следует уделять наибольшее внимание.

Несмотря на то что я уже в полной мере воспользовалась абхазским гостеприимством, проведя весь день в беседах с директором школы, преподавателями и учениками, посещая их уроки, в конце визита я вновь зашла в кабинет директора. Ему пришлось прервать беседу с преподавателями, чтобы ответить на мой последний вопрос: каким образом городской школе удастся прививать детям абхаз-

В. О. Кобахия, председатель Верховного Совета Абхазской АССР.

Г. А. Дзидзария, директор Абхазского института языка, литературы и истории.

Ш. Д. Инал-Ипа, заместитель директора Абхазского института языка, литературы и истории.

В Сухумском порту.

Угощайтесь хачапури!

Баграт Шинкуба, поэт, прозаик, государственный деятель с автором у здания Верховного Совета Абхазии.

У входа в Абхазский университет. Справа от автора ректор университета З. В. Анчабадзе.

Семейный портрет.

Дети разных национальностей, танцующие абхазские танцы в Сухумском детском центре.

Юная спортсменка.

Друзья.

Будущие долгожители.

ские традиции, зародившиеся в быту жителей сельской местности?

— У нас свои приемы обучения,— ответил он,— мы используем наши народные традиции наравне с методикой, рекомендованной для работы в школах по всей стране. Я сам воспитывался в селе, как и некоторые другие сотрудники школы. С самого раннего детства старшие учили нас быть уважительными, вежливыми, беречь наши национальные традиции. Все это исподволь было заложено в нас, все это сейчас в нашей крови, передается из поколения в поколение. Неважно, где живет абхаз, в городе или в селе, он везде чувствует себя свободно, следуя правилам народного этикета, и я не могу себе даже представить, что наша культура может быть забыта.

*«Если с уважением относишься
к тому, что имеешь, то приобретешь
и то, чего нет у тебя».*
(Абхазская пословица)

ГЛАВА VII.

ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ БУДУЩЕГО

ЦЕНТР АБХАЗОВЕДЕНИЯ

О забвении абхазской культуры не может быть и речи: дальнейшего ее расцвета желает весь народ и к этому же стремится правительство республики, которое уже полвека всячески поддерживает и развивает деятельность Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа. Институт был создан в 1932 году для исследований в области культуры, развития образования в республике и изучения всех его аспектов. Конечно, не заниматься такой работой было бы преступлением, но вместе с тем я подумала, не способствует ли подобная концентрация внимания на вопросах собственной национальной культуры развитию шовинизма, пренебрежению к культурному наследию других народов.

Я поделилась своими сомнениями с директором института Георгием Дзидзария. Он — доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР. Дзидзария считает, что столь пристальное внимание к вопросам абхазской национальной культуры шовинистических настроений породить никак не может.

— Чем больше информации об абхазской культуре опубликует наш институт,— сказал Г. Дзидзария,— чем больше мы выпустим публикаций на абхазском и русском языках, тем полнее будет знать абхазский народ о самом себе и тем больше будут знать о нас другие народы. В свою очередь эти знания дают абхазам возможность лучше понять свое прошлое и настоящее, смелее смотреть в будущее. Одновременно это способствует и дальнейшему развитию интернационализма, уважению других народностей, живу-

щих как в Абхазии, так и за ее пределами. Наши труды также показывают, что ни одна народность, будучи изолированной в своем развитии, не может успешно развивать свою культуру, и особенно столь немногочисленный народ, как абхазы. Процесс общения и сотрудничества больших и малых народов Советского Союза способствует взаимному обогащению культур. И в каждом отдельном народе должно быть развито глубокое национальное самосознание, только тогда этот процесс будет в наибольшей степени способствовать развитию такого сотрудничества, какое необходимо для всеобщего прогресса.

Г. Дзидзария отметил благотворность обменов выставками и делегациями работников культуры между советскими республиками. Например, в 1982 году деятели литературы и искусства Абхазии выезжали в Москву, Тбилиси, Одессу и Кутаиси. Абхазия принимала у себя таких же гостей из других районов страны. Публикации трудов института абхазской культуры по различным вопросам особенно ценны тем, что они всегда своевременны и целенаправленны.

Во время нашей беседы я подумала: Абхазии повезло, что этот исследовательский центр возглавляет именно такой человек, как Георгий Дзидзария. Подобно многим другим известным деятелям сегодняшней Абхазии, этот ученый — выходец из крестьянской семьи. Если бы не социалистическая революция, он бы не осмелился и мечтать об образовании, какое получил. Г. Дзидзария с улыбкой рассказывал мне, что его рабочий кабинет в институте расположен... в его же бывшей спальне. Здесь в тридцатые годы он жил в общежитии интерната для особо одаренных детей из сельской местности. Их посылали учиться в столицу республики в первые годы Советской власти, когда средние школы были здесь большой редкостью. После революции среди абхазов было очень мало дипломированных специалистов, поэтому нужно было смотреть вперед, готовить как можно больше молодых людей — будущих деятелей культуры. Такая политика проводилась во всех отсталых районах бывшей царской России.

Кстати, доктор исторических наук Шалва Инал-Ипа, заместитель директора института, известный этнограф и фольклорист, тоже учился в этом интернате и жил в том же общежитии, здание которого институт переоборудовал, устроив там просторные рабочие кабинеты. Фамилия заместителя директора свидетельствует о его благородном происхождении, но, как выходец из обедневшей дворянской

семьи и представитель национального меньшинства, он никогда бы не получил такого образования в царской России и не имел бы таких возможностей для продвижения по службе.

После учебы в сухумской средней школе-интернате Г. Дзидзария поступил в Московский институт истории, философии и литературы и кончил его в 1939 году. С тех пор он почти постоянно работает в Сухуми в институте имени Д. И. Гулиа — подлинном центре абхазоведения. Только на несколько лет он уходил из него — руководил Сухумским педагогическим институтом. В 1966 году Г. Дзидзария стал директором Абхазского института языка, литературы и истории.

Высокому, подтянутому Георгию уже шестьдесят с лишним лет, он автор многих книг по истории Абхазии, особенно новой истории — с XIX века. Дзидзария стал историком, можно сказать, случайно. В школе он предпочитал естественные науки, и, когда приехал из села Лыхны в Сухуми, чтобы продолжить среднее образование, его твердым намерением было заниматься ими. Однако по иронии судьбы его учитель истории Фадеев преподавал свой предмет настолько захватывающе, что, как выразился сам Георгий, он «попался на крючок истории». «Помню, позднее я шутя сказал Фадееву, мол, это он виноват, что я стал историком, именно он погубил во мне деятеля какой-нибудь другой науки», — вспоминал Дзидзария.

В московском институте студент Дзидзария особенно интересовался археологией, а также новой историей Западной Европы. Однако один из профессоров посоветовал ему писать о своей собственной истории — истории абхазского народа; здесь было широчайшее поле деятельности. В тридцатых годах существовало всего несколько работ по истории Абхазии, но глубокого исследования среди них — ни одного. Просто до революции историков среди абхазов не было.

— Я последовал совету этого профессора, — рассказывал Г. Дзидзария, — и посвятил свою дипломную работу истории Абхазии начала XIX века. Через некоторое время она была опубликована. У меня сохранился экземпляр публикации, иногда достаю и просматриваю ее. Я люблю эту книжку, потому что она напоминает мне о моей юности, потому что она очень наивна, но как-то освежающе наивна... В ней много идеализации, неоправданно смелых выводов. Надеюсь, сейчас меня уже трудно было бы обвинить в подоб-

ных грехах, но я по-прежнему очень ценю наивность молодости.

Когда Г. Дзидзария в 1939 году начал работать здесь младшим научным сотрудником, институт занимал небольшое здание, в котором трудилась горстка известных ученых. К ним присоединились несколько молодых энтузиастов, которые ныне стали выдающимися авторитетами в науке. Во время Великой Отечественной войны институт лишился ряда многообещающих сотрудников, погибших на фронте. Война приостановила также динамичное развитие самого института. В послевоенные годы туда пришли новые выпускники вузов страны. Среди них был и уже упоминавшийся Ш. Инал-Ипа. К началу 50-х годов институт оправился от потерь, начал расширять свою деятельность силами молодых научных сотрудников.

В настоящее время здесь работает шесть отделов, три из которых возглавляют женщины (а вообще они составляют почти половину всех сотрудников). Самый большой — отдел абхазского языка. Его главная задача — составление учебников и словарей. Следующий отдел занимается изучением современной абхазской литературы и фольклора. Третий изучает историю Абхазии с древнейших времен и до наших дней. Четвертый ведет археологические исследования: в республике имеется множество районов раскопок культур от каменного века до средних веков. Проблемам этнографии, антропологии и искусства посвящена работа пятого отдела, который сотрудничает с американскими и другими учеными в изучении проблем долголетия. Шестой по счету отдел изучает вопросы экономического развития Абхазии.

Все эти годы институт рос, ширилась исследовательская деятельность и его директора. Он показал мне целую полку своих книг — фундаментальных исследований по истории его родной республики. Одна из последних публикаций — пятисотстраничное исследование по проблеме эмиграции абхазов в Турцию в XIX веке. Одна из наиболее интересных книг — исследование становления абхазской интеллигенции в конце XIX века.

Если судить по его колоссальной энергии и тому непринужденному юмору, которые Георгий Дзидзария демонстрировал в ходе нашей беседы, я полагаю, что он еще долгие годы будет хозяином директорского кабинета, расположенного в бывшей спальне учеников школы-интерната. «Здесь я жил еще мальчишкой, здесь я работаю почти всю мою

сознательную жизнь, здесь я, наверное, и умру,» — сказал с улыбкой мой собеседник.

В 1982 году, когда я там побывала, директор института, помимо выполнения своих прямых обязанностей по руководству многочисленным коллективом научных работников, занимался также и вопросами, связанными с ремонтом и оборудованием новых институтских помещений.

В течение только одного года институт расширил свою площадь еще на 50 процентов. В этой связи я спросила директора, доволен ли он развитием института «вширь». В ответ Г. Дзидзария рассказал мне абхазскую притчу о том, что в силу своей природы человек всегда хочет иметь больше, чем он уже имеет.

— Один деревенский юноша, — улыбаясь, заметил он, — отправился однажды в лес на поиски клада. Он его нашел, набрал большой мешок золота и принес домой, чтобы разделить среди односельчан. «Посмотрите на это золото, — сказал юноша, обращаясь к окружившей его толпе, — здесь хватит нам всем!..» Но, к его удивлению, односельчане потребовали, чтобы юноша признался, где спрятан второй мешок с золотом!..

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ

Автономная республика Абхазия, входящая в состав Грузинской ССР, имеет свой парламент — Верховный Совет, свои министерства, свою Конституцию. Впервые депутатом Верховного Совета Валериан Кобахия был избран в 1958 году. А в 1978 году он стал Председателем Президиума Верховного Совета республики, то есть ее президентом. Уже трижды избирался он депутатом Верховного Совета СССР.

Моя встреча с В. Кобахия произошла весной 1982 года. Он любезно пригласил меня в свой кабинет — удлиненный зал, где стоял Т-образный стол, достаточно большой, чтобы за ним могли разместиться все 13 членов Президиума. 53-летний Валериан Кобахия — крепкого сложения, в волосах седина, глаза смотрят дружелюбно, и я, чувствуя себя свободно, начинаю беседу о структуре политической власти в республике...

В Верховном Совете Абхазии 140 депутатов от различных районов, они представляют все 70 народностей, проживающих на территории республики. В Абхазии работают

14 министерств. Треть депутатов — женщины, а среди 14 министров было две женщины — Лилия Бганба возглавляла министерство торговли, а Тамара Когониа — просвещения.

Верховный Совет утверждает планы социального и экономического развития Абхазии и контролирует их выполнение. В двух палатах этого органа обсуждаются вопросы развития промышленности и сельского хозяйства, системы народного образования, охраны окружающей среды, здравоохранения и воспитания подрастающего поколения.

Среди депутатов Верховного Совета — рабочие, колхозники, деятели науки и культуры, есть и пенсионеры. Депутаты, как я узнала, не получают дополнительного жалования за свою деятельность, на которую они тратят много часов в неделю, чтобы принять избирателей с их жалобами и предложениями, а также на заседания, на изучение нужд и запросов населения своих избирательных округов. Депутаты живут и работают среди своих избирателей, они повседневно сталкиваются с теми же проблемами, что и люди, голосовавшие за них. Около 30 процентов депутатов обычно переизбираются на следующий срок, а остальные депутаты получают мандаты впервые.

Валериан Кобахия сказал мне, что такое обновление Верховного Совета приветствуется, поскольку в этом случае большее число людей принимает участие в государственном управлении. Приобретенный депутатами опыт не пропадает даром — они продолжают активную общественную и трудовую деятельность в своих коллективах, по месту жительства. В то же время в Верховном Совете АССР остается достаточное число депутатов-«ветеранов», чтобы ввести в курс дела депутатов-«новичков».

После многих лет работы в Верховных Советах СССР и своей республики Валериан Кобахия, безусловно, один из самых опытных среди депутатов. Он родился в 1929 году в селе Лыхны. До революции его отец был одним из самых бедных крестьян в округе. В их семье было семеро детей. Во время войны двое братьев погибли на фронте, а сам Валериан тогда еще только ходил в школу. Затем он окончил Сухумский педагогический институт (на базе которого впоследствии был образован Абхазский государственный университет), получил диплом преподавателя русского и абхазского языков и литератур. Два года он преподавал в школе в родном селе Лыхны, а затем, учитывая хорошие организаторские способности, его выдвинули на руководя-

щую работу в комитет комсомола Гудаутского района. Отличные организаторские способности Кобахия проявил и на партийной работе, и позже, когда был избран депутатом Верховного Совета.

Жена В. Кобахия преподает в школе, у них трое детей. Старший сын — учитель, дочь занимается в музыкальной школе и надеется стать профессиональным музыкантом, а младший сын — восьмиклассник — мечтает стать дипломатом. Валериан считает, что дети должны сами выбирать себе профессию. Главное, по его мнению, чтобы работа приносила удовлетворение.

Вся жизнь В. Кобахия — это своеобразное отражение динамичного роста Абхазии. Он рассказывал мне о революционной Абхазии, крае, где не было железных дорог — только проселочные дороги для телег. По сути дела, не было никакой промышленности, сельское хозяйство было отсталым.

— В 1980 году, — рассказал Кобахия, — в республике за один день производилось в 15 раз больше промышленной продукции, чем за весь 1921 год. Если в 1928 году в Абхазии работало всего 813 школьных учителей, причем среди них высшего образования не имел почти никто, то в настоящее время — более 8000, большинство из которых — выпускники институтов и техникумов. Сегодня в республике открыто 387 публичных библиотек, и это в 20 раз больше, чем в 1924 году. Здравниц сейчас насчитывается 258, а в 1924 году их было только 12. С начала 30-х годов в Абхазии создано 16 крупных научно-исследовательских центров. Ни один из периодов в истории развития Советской Абхазии не может сравниться по темпам и масштабам социального и экономического развития с 8-летним периодом 1976—1984 годов.

У абхазского народа есть возможности добиться еще больших успехов. В 1978 году ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление — ассигновать полмиллиарда рублей на дальнейшее развитие республики.

— Это — одно из великих преимуществ Союза Советских Республик, — продолжал В. Кобахия. — У нас есть свой собственный бюджет, которого хватает на нужды развития. Но когда требуются деньги для таких крупномасштабных проектов, которые мы планируем осуществить в следующей пятилетке, мы получаем помощь из бюджета Грузинской ССР или же из государственного бюджета СССР, как это было в 1978 году.

Какие же проекты осуществляются в республике? В Сухуми строится новый университетский комплекс. В 1979 году педагогический институт, как уже говорилось, был преобразован в университет, которому в настоящее время требуется значительно больше помещений, поскольку число студентов с тех пор выросло более чем вдвое. Республиканский радиокомитет пополнился телевизионной студией, и теперь создается крупный телерадиоцентр. Часть ассигнований пойдет на строительство в Сухуми жилых домов общей площадью 100 тысяч квадратных метров. Открывается новая больница на 1000 мест, будут построены новые промышленные и сельскохозяйственные предприятия.

— Как видите, планы у нас честолюбивые, но очень мирные,— с гордостью произнес Кобахиа.— Мы внимательно следим за развитием международных событий и очень беспокоимся: ведь только в условиях мира возможно осуществить наши созидательные планы!..

ТЕЛЕВИДЕНИЕ И РАДИО

С 1932 года в Абхазии ведутся радиопередачи на абхазском, русском и грузинском языках. До 1978 года телепередачи приходили туда из Москвы и Тбилиси. Сейчас дважды в неделю местная телестудия передает программы на абхазском языке. Строительство нового радиотелевизионного центра завершилось в 1985 году, и число таких программ значительно возросло. Расширение средств массовой информации — это тоже часть крупномасштабных планов развития республики. Средства на эти цели частично поступили из упомянутых полумиллиардных ассигнований из государственного бюджета СССР. Безусловно, телевидение будет играть значительную роль в будущем развитии республики.

Когда в Абхазии телевидение только появилось, на пост председателя республиканского Комитета по телевидению и радиовещанию был назначен опытный абхазский публицист Шамиль Пилия. Он рассказал мне, что весь коллектив комитета был подобран из национальных кадров. С вводом в строй нового центра число сотрудников возросло со 100 до 500. Откуда же берутся в Абхазии эти квалифицированные специалисты? Ш. Пилия пояснил, что комитет проводит собеседования с желающими поступить на работу и решает вопрос о направлении их на учебу в Москву, Ленинград

и Тбилиси. В Абхазском университете еще нет соответствующих факультетов, поэтому приходится организовывать подготовку будущих сотрудников радио и телевидения в других городах.

Кадры журналистов будут пополняться и из числа выпускников филологического факультета Абхазского государственного университета. Они уже сейчас составляют большинство среди творческих работников комитета. Сам Шамиль Пилия тоже окончил филологический факультет, но только Тбилисского университета, а после этого много лет проработал радиожурналистом в Сухуми. В 1970 году тяга к приключениям взяла верх, и он стал моряком. Как человек пишущий, он стремился увидеть новые земли, запастись новыми волнующими впечатлениями.

Ш. Пилия попал на судно, отправляющееся в далекое плавание. «Через год я был так влюблен в море, что подписал контракт еще на год, потом еще и еще, и так целых восемь лет», — рассказывал Шамиль. Его корреспонденции из различных уголков мира принесли ему известность.

Домой он вернулся зрелым журналистом, умудренным жизненным опытом. Ш. Пилия получил предложение возглавить работу по развитию теле- и радиовещания в республике.

Беседуя с Шамилем, которому нет еще и пятидесяти, я подумала, что среди радиоволн он чувствует себя так же хорошо, как и среди волн морских. Он, несомненно, был на своем месте в этой стихии, растущей отрасли, которая в будущем обеспечит полное освещение местных событий и трансляцию программ цветного телевидения на всех тех языках, на которых говорят в Абхазии. Новый телерадиоцентр, оборудованный самой современной техникой, — большое событие в жизни республики.

ОБРАЗОВАНИЕ

«Наш университет — уникален!» — заявил ректор нового Абхазского государственного университета Зураб Анчабадзе. (Весть о его кончине дошла до меня, когда эта книга была уже в наборе.) Я выразила свои сомнения на этот счет: что может быть уникального в самом «молодом» университете страны, чтобы вызывать столь явную гордость его ректора? «В нем открыт единственный в мире

факультет абхазского языка и литературы», — пояснил профессор Анчабадзе, повторив известную университетскую шутку.

Действительно, где еще в мире может существовать целый университетский факультет, готовящий специалистов по абхазскому языку? И из кого же их готовить, если не из абхазов?

Но кроме шуток, этот университет уникален, ибо это единственный из всех университетов страны, где обучение ведется на трех языках: абхазском, грузинском и русском. Университеты и институты в других республиках ведут преподавание только на двух — на языке местных жителей и на русском. Студенты в таких вузах могут выбрать себе тот язык, на котором им удобнее учиться. Поскольку в Абхазии проживает много грузин, в Абхазском университете преподавание ведется также и на их языке.

Студенты могут специализироваться по различным предметам — физике, математике, филологии, истории, педагогике, биологии, географии, экономике. В 1981—1982 годах число студентов здесь превысило 3500 человек, что в два с лишним раза больше, чем их насчитывалось в бывшем педагогическом институте. А строящийся университетский комплекс, включающий общежития, позволит принимать еще больше желающих.

И хотя это, пожалуй, самый молодой университет, фактически он ничем не отличается от других аналогичных вузов страны. Во время перерывов между лекциями шумно, юноши и девушки беседуют, смеются, горячо спорят, а затем возвращаются в аудитории, чтобы заняться обычными лекциями и семинарами. К пяти часам вечера большинство студентов дневного отделения уходит домой или в общежитие, а на их место приходят вечерники. В свободное время студенты занимаются в различных спортивных секциях или продолжают споры и беседы в общежитии, в кафе или дома. И конечно же, и здесь дружат, влюбляются, расстаются... Студенты здесь такие же, как и повсюду в мире.

Философия — обязательная дисциплина во всех вузах СССР. В Абхазском государственном университете курс философии читает доцент Григорий Смыр. Его лекции настолько интересны, что на них приходят даже студенты из других групп. Секрет состоит в том, что он не ограничивается рамками философии, к своему предмету он подходит еще и как историк, и этнограф.

Впервые я познакомилась с Григорием Смыром, когда он был участником и незаменимым переводчиком исследований советско-американских экспедиций по изучению проблем долголетия. Я восхищалась тем, как быстро и просто находил он общий язык с жителями абхазских сел, в которых мы проводили опрос. Я узнала, что в институте он специализировался по истории, а кандидатскую диссертацию защитил по философии. Григорий Смыр изучает философские проблемы религии и атеизма, а как историк и этнограф специализируется по абхазским традициям, особенно относящимся к религии.

Ученый пояснил, что его интерес к этому продиктован самой историей религии народа, тем фактом, что часть абхазов исповедовала христианство, другая — ислам, но, по сути дела, всех их можно было бы скорее охарактеризовать как приверженцев язычества. Такие верования среди абхазов сохранились до самой революции, когда большинство из них решило покончить с суевериями и впредь полагаться лишь на свои собственные силы и возможности.

Истоки живого интереса к истории абхазского народа коренятся в укладе жизни семьи Смыр. «Я происхожу из истинно абхазской, причем очень интересной семьи,— пояснил Григорий.— Моего деда очень уважали в округе, поэтому к нам в дом множество гостей приезжало со всех концов республики. Я обычно слушал их рассказы о прошлом, запоминая все, даже мельчайшие подробности. Я всегда любил абхазский язык и мой народ, не представляю себе жизни без них».

В университете Г. Смыр читает также лекции по научному атеизму. «Я стремлюсь,— продолжал он,— привить моим студентам чувство уважения к нашим традициям, показать им, каковы корни и религиозности людей, и их атеизма. Студенты с интересом участвуют в дискуссиях о том, какие национальные обычаи нам нужно сохранять, а какие уже изжили себя».

Г. Смыр учит студентов самостоятельно мыслить, анализировать, быть критичными. Именно так можно сформировать собственную точку зрения, считает он. Говоря о том, какие из обычаев можно считать полезными, а какие нет, на первое место среди добрых традиций он ставит гостеприимство, взаимопомощь и уважение между старшими и младшими. «Это не просто отвлеченные понятия,— подчеркивает Григорий,— это живые традиции

народа. Но есть и такие обычаи, без которых мы вполне могли бы обойтись. Я хочу, чтобы студенты сами понимали, в чем вред, к примеру, таких обычаев, как ношение траура в течение года после смерти близкого родственника. Черная одежда, включая чулки и платки, в нашем жарком климате может нанести вред здоровью. К счастью, молодежь не очень стремится сохранять этот обычай, соблюдаемый старшими».

С самыми худшими среди старых абхазских традиций — кровной мезтью, угонами скота, вооруженными набегами и похищением женщин — было покончено давно, еще в первые же годы Советской власти. «Многое с тех пор изменилось в наших обычаях, теперь абхазам больше уже не приходится вести борьбу за сохранение наших национальных особенностей, как это было в прошлом, когда на нас нападали такие крупные государства, как Византийская империя, Арабские халифаты, Турция, которая, кстати, подчиняла себе Абхазию более 300 лет. Ныне мы имеем те же возможности, что и все другие нации и народности страны, как в сохранении национальной культуры, так и в ликвидации ее отрицательных черт», — сказал Г. Смыр.

Говорили мы с ним и о студентах. По его мнению, молодежь сейчас лучше подготовлена к учебе в вузах, чем в пятидесятые годы, когда он сам учился в институте. «И это вполне естественно, — считает мой собеседник. — Современный абхазский школьник получает массу информации по радио, телевидению, через кино и прессу — больше, чем мы обычно слышали и видели в период войны и после нее. Кроме того, сами школы стали лучше, они прекрасно оборудованы, повысилось качество учебников, стала лучше подготовка преподавательского состава. Многие здесь достигнуто благодаря усилиям Абхазского института языка, литературы и истории».

Григорий Смыр также сказал мне, что каждый раз в начале семестра ему хочется, чтобы студенты в его новой группе имели четкие философские взгляды не только на окружающий мир в широком смысле, но и на прошлое, настоящее и будущее их родной Абхазии.

Именно таких учеников стремится воспитывать на уроках истории Михаил Чамагуа, преподаватель средней школы в селе Лыхны. Михаил, сын 95-летней Джгуг Чамагуа, о которой я писала в главе 1, — это человек с широким кругозором и философским складом ума,

сформированными за годы жизни, богатой событиями. Как и Григорий Смыр, Михаил Чамагуа принимал участие в работе советско-американских экспедиций в Абхазии. И благодаря этому я смогла довольно близко познакомиться с ним и его семьей за те пять лет, в течение которых посещала этот край.

56-летний Михаил Чамагуа — представитель старшего поколения абхазской интеллигенции. В родном горном селе Ачандара Михаил еще ходил в школу вместе с семьей братьями и сестрами, когда началась война. Он успел тогда окончить лишь семь классов, и ему едва исполнилось 14 лет. Это, как известно, на четыре года меньше призывного возраста, но он был уже готов отправиться на фронт.

Шел 1941 год, почти все мужчины были в армии, и Михаил во что бы то ни стало хотел быть среди них. Он уговорил служащих местного исполкома добавить три года к дате его рождения. Но на призывном пункте Михаила знали лично, знали и сколько ему было в действительности лет и поэтому призвать в армию не могли, даже несмотря на то, что, судя по документам, это можно было сделать. Подростку велели отправляться домой. Однако через некоторое время Михаил вновь пришел к ним и был так настойчив, что военком в конце концов сдался, и Михаила призвали в армию. Его направили на шестимесячные курсы, а затем в составе танкового подразделения в действующую армию.

Всю войну М. Чамагуа прошел механиком-водителем танка. Он участвовал в боях за Кубань, в освобождении Ростова-на-Дону и Воронежа, а затем Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии. За это время был дважды ранен, дважды контужен, но оставался в строю вплоть до взятия Берлина, где и служил до 1948 года.

Когда Михаил Чамагуа возвратился домой, ему было 22 года, а за плечами всего семь классов средней школы. Еще служа в армии, он написал несколько статей для абхазской газеты и решил, что после войны станет журналистом. Но с семиклассным образованием далеко не уедешь. Поэтому он приложил все силы, чтобы за один год сдать все экзамены и получить аттестат зрелости. Экзамены выдержал на «отлично» и с тем же рвением, с каким он стремился на фронт, М. Чамагуа поехал в Москву поступать в МГУ. Члены приемной комиссии вошли в положение молодого абхаза, приняли во внимание

его огромное желание учиться и, несмотря на недостаточную подготовку для поступления в вуз, открыли двери университета перед юным фронтовиком — уроженцем абхазских гор. Михаилу дали право поступить на любой факультет без экзаменов.

Быстро пролетели студенческие годы. После окончания МГУ Михаил стал корреспондентом газеты «Советская Абхазия». Однако через три года он понял, что журналистика — это в конечном счете не его призвание. «Работая в газете, я пробовал свои силы на учительском поприще и понял, что это то, чем я хотел бы заниматься больше всего, — вспоминает М. Чамагуа. — Сначала я работал в школе по совместительству, а затем бросил журналистику и насовсем ушел в сельскую школу. Ученики покорили мое сердце. Я преподавал историю, которой, сколько себя помню, я интересовался больше всего. И особенно историей Абхазии. Все это было 27 лет назад, но я по-прежнему предпочитаю работу учителя любому другому занятию, хотя я много времени отдал также организации школьного исторического музея. Сейчас в нем более 600 экспонатов, десять из которых имеют общесоюзное значение».

Михаил Чамагуа — автор ряда известных в Абхазии пьес, таких, как «Перед рассветом», повествующей о социалистической революции в Абхазии, «Золотая трава» — об абхазской молодежи шестидесятых годов и «Иван-абхазец», основанной на подлинной истории молодого абхаза, которому командование партизан в оккупированной фашистами Белоруссии поручило действовать под видом немецкого офицера. Михаил Чамагуа затратил 18 лет на сбор материалов для этой пьесы, на основе которой он затем написал и повесть. Поиски привели его в ГДР, затем в Чехословакию и Польшу, где его герой — Иван — погиб, не дожив всего 13 дней до освобождения Польши советскими войсками.

У Михаила Чамагуа хрупкая на вид фигура, он слегка сутулится, глаза ясные, полные юношеской энергии. Беседуя с ним, я узнала, что, помимо всей этой работы, требующей немало времени, будучи учителем, писателем, куратором местного исторического музея, а также отцом двух сыновей-подростков, Михаил Чамагуа еще и читает лекции о международном положении в санаториях и домах отдыха, расположенных неподалеку от его дома в Гудауте. Интерес к международным делам появился еще в военные

годы, и особенно развился в то трехлетие, которое Михаил провел в послевоенном Берлине. Там он познакомился и подружился с солдатами из армий союзников и в беседе со мной рассказал об атмосфере, царившей там после того, как стихли залпы войны.

«Мы были уверены, что новой войны больше не будет никогда, и не только мировой, а вообще никакой. За прошлую войну мы насмотрелись достаточно всего. Я знал канадских и американских солдат, и все они были сыты по горло боями с фашистами во Франции и Германии. Если бы тогда кто-либо заикнулся о новой войне, мы бы посчитали его фашистом. Зачем же тогда мы столько выстрадали, если нам предстояло воевать опять?! Так думал каждый из нас», — заявил он в беседе со мной.

Михаил Чамагуа близко подружился с американским солдатом Йэном Липпманом. Помимо их боевого прошлого, друзей сближало и то, что оба принадлежали к национальным меньшинствам в своих странах. Народ Михаила Чамагуа в то время насчитывал около 80 тысяч человек. Сегодня абхазов более 90 тысяч. Йэн был негром из американских южных штатов. Долгие часы провели они вместе, обсуждая жизнь в обеих странах, сравнивая положение в них национальных меньшинств, к которым они оба принадлежали.

М. Чамагуа особенно хотел рассказать мне про Йэна еще и потому, что они вдвоем строили большие планы на будущее, но затем потеряли связь из-за «холодной войны». Михаил тогда мечтал стать журналистом, а Йэн после армии хотел стать профессионалом в американском футболе — у него было мало надежды получить высшее образование. Поскольку каждый был уверен, что США и СССР сохранят дружбу, родившуюся в военные годы, оба надеялись, что однажды Йэн приедет со своей командой в СССР, а Михаил поедет в США в качестве корреспондента, и их семьи тоже встретятся. Таким они представляли себе послевоенный мир...

«Мы полагали, что отношения между великими союзническими державами — СССР, Англией и США — во время войны являлись лучшим примером отношений между нациями, особенно с различным общественным строем, — вспоминал М. Чамагуа. — Ведь когда нужно было объединиться в борьбе против фашизма, мы забыли наши собственные разногласия и действовали совместно. Поэтому все мы думали, что если каждая из наших стран действи-

тельно пожелает, то мы придем к общему согласию, и никому уже никогда не придется погибать на войне».

Мы беседовали об этом с Михаилом Чамагуа в 1982 году, и тогда он просил меня помочь ему найти его боевого соратника. Он надеялся, что мою книгу на английском языке прочтет кто-нибудь из тех, кто знает, где живет Йэн Липпман, и Михаил получит наконец ответ на свой вопрос, что думает Йэн о сегодняшнем мире. «Если Йэн не изменился со времен войны, он должен быть сейчас самым решительным сторонником мира,— считает М. Чамагуа.— Что думает Йэн о высказываниях своего президента насчет возможности ограниченной ядерной войны? О размещении в Европе американских ядерных ракет среднего радиуса, нацеленных на Советский Союз? Верит ли он в выдумки западной печати о «советской угрозе»? Думает ли он, что наш народ может сейчас помышлять о новой войне после всех страданий, перенесенных всего лишь несколько десятилетий назад? Я бы хотел вновь встретиться с Йэном Липпманом и рассказать ему правду о том, что и народ, и правительство нашей страны не хотят войны».

Хотя слабое здоровье иногда и подводит Михаила Чамагуа — у ветеранов войны это общая проблема,— он по-прежнему полон энергии и мыслей о будущем, которое, по его убеждению, будет мирным. Один из пунктов в его планах — написать пьесу об абхазском герое-революционере Несторе Лакоба, а также завершить книгу, над которой он работает уже 15 лет, состоящую из бесед со всеми наиболее интересными престарелыми жителями Абхазии, включая тех, кому уже минуло сто лет. Михаил Чамагуа также планирует попробовать себя в кино. «Я мечтаю создать,— сказал он в заключение,— сценарий фильма по моей книге «Иван-абхазец». Мне хочется, чтобы мой фильм отличался от абхазских и всех остальных фильмов о войне».

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЛА

О Баграте Шинкубе мои абхазские друзья рассказывали мне неоднократно. Имя этого известного поэта и прозаика, автора романа «Последний из ушедших», не раз упоминалось и в других беседах. Однажды я даже видела эту книгу в общежитии МГУ, где жила моя подруга — студентка из Абхазии.

Но прочитать роман довелось, лишь когда мне буквально навязала его одна моя новая знакомая во время предпоследней поездки в Сухуми. Эта женщина еще не знала, что я пишу книгу об Абхазии и что уже тогда я познакомилась со многими из абхазских традиций, с историей Абхазии. Она просто приняла меня за одну из почти двух миллионов отдыхающих, ежегодно приезжающих на здешние курорты в надежде если и не продлить свою жизнь, проведя отпуск на земле долгожителей, то хотя бы получить новый заряд энергии на ближайший год. Перед этим моя знакомая сама прочитала эту книгу и считала, что «Последний из ушедших» — лучший рассказ об истории ее родного края. Мне она сказала, что роман настолько интересен, что русский перевод в 336 страниц она прочитала почти не отрываясь, и заверила, что меня ждет то же самое...

Моя знакомая была не абхазского, а русско-армянского происхождения, и я серьезно отнеслась к ее рекомендации, считая, что если даже она, прожившая все свои 50 лет среди абхазов, считает, что это не только познавательный рассказ о традициях и истории абхазского народа и его соседей — убыхов, но и великолепно написанный исторический роман, то я тоже найду в нем что-либо новое для себя. Мне также хотелось уяснить, как писать книгу об одном народе, чтобы вызвать столь глубокое чувство уважения к нему среди людей других национальностей.

Я не была столь наивной, чтобы думать, будто такую книгу можно легко купить в местном книжном магазине. Моя знакомая сказала, что все издания русского перевода романа были распроданы почти моментально. Разошлось уже полмиллиона экземпляров, но и это количество не смогло удовлетворить спрос советских читателей. Что же сделало книгу о прошлом такого малочисленного народа столь популярной по всей стране?

Я взяла на время у моей знакомой эту книгу и вскоре поняла, в чем причина ее популярности. Она написана настолько захватывающе, что невозможно было оторваться до самого трагического конца, где описывается, как погибает целый народ. Не тронуть читателя такая судьба просто не может...

В гостинице я провела бессонную ночь, читая эту книгу, а закрыв последнюю страницу, обещала себе, что найду Баграта Шинкубу и, если он уделит мне немного

времени, задам ему все возникшие у меня при чтении вопросы.

Мои поиски продолжались совсем недолго, так как в Абхазии Б. Шинкубу знают все. Тем временем я установила, что писатель 21 год был председателем Президиума Верховного Совета республики. В 1978 году в возрасте 61 года он ушел на пенсию, но все еще продолжал работать консультантом абхазского парламента по вопросам литературы и искусства. Как депутат Верховного Совета СССР, Баграт Шинкуба вместе с другими избранниками абхазского народа по-прежнему представлял свою республику в Москве.

Б. Шинкуба ведет прием избирателей по личным вопросам по понедельникам и вторникам. Я выбрала вторник и пошла к нему в здание Верховного Совета Абхазии. Когда ушел последний посетитель, я вошла в кабинет и сказала, что хочу побеседовать о его жизни и литературной деятельности. У писателя в тот день других дел не было, и он с удовольствием согласился принять меня.

Мы сидели друг против друга за небольшим столиком в комнате с лепными украшениями на потолке. В прошлом это была гостиная богатого дореволюционного особняка. Я заметила, что перед моим приходом он готовился читать гранки книги, написанной по-абхазски. Б. Шинкуба — активный политический деятель, ведущий член местного отделения Союза писателей, консультант молодых писателей республики — находит время писать книги!

Б. Шинкуба рассказал мне, что теперь, на седьмом десятке лет, он обращается совершенно к иным литературным темам, чем в свои молодые годы. «Сейчас моя поэзия содержит больше моих философских взглядов на жизнь, на будущее человечества и моего народа,— пояснил Б. Шинкуба.— Я думаю, что эти темы более глубоки, историчны, в них — обобщение моего жизненного опыта».

Баграт рос в бедной крестьянской семье в селе Члоу, расположенном на территории избирательного округа, от которого писатель избран депутатом в Верховный Совет СССР и в котором живут некоторые долгожители, описанные в этой книге. Родился Б. Шинкуба в 1917 году, за четыре года до установления Советской власти в Абхазии.

— Жизнь крестьянства была в то время гнетущей,— сказал Шинкуба.— Никто тогда и понятия не имел о библиотеке или о курорте. В те дни абхазы, приветствуя друг друга, желали: «Вернуться тебе после дороги!» А дороги

тогда действительно были опасными. На горных тропах можно было столкнуться с грабителями или стать жертвой междоусобиц, в которых иногда погибали целые семьи.

В доме родителей Баграта часто бывали гости. Долгими зимними вечерами друзья его деда и отца и соседи собирались вокруг очага и рассказывали бесчисленные истории из своей жизни, легенды, пели старинные песни.

— Из этих песен и рассказов я черпал мои первые представления об окружающем мире и познавал законы чести,— продолжал Б. Шинкуба.— Я бывал с родителями и в домах других людей, где даже нежданного гостя в любое время дня и ночи встречали с открытой душой, с улыбкой, подавали лучшую еду, предоставляли лучшее место для ночлега.

Баграта воспитывали все взрослые члены семьи — отец, мать, дед, бабушка, но больше всех внимания уделял ему дед, поскольку Баграт был единственным мальчиком в семье. Он родился, когда у отца с матерью было уже четыре дочери, и поэтому считался их единственным наследником.

— Дед был очень строг,— сообщил Шинкуба.— Когда он был рядом, мой отец, казалось, не замечал меня, но когда мы с отцом возвращались в нашу половину дома, он с нежностью беседовал со мною и рассказывал мне разные истории. Моя мать была женщиной мягкой, она всегда беспокоилась, как бы со мной не случилась какая-нибудь беда. Когда дед учил меня стрелять из ружья, она в страхе закрывала глаза.

С раннего детства Баграта учили уважать старших и всех людей вообще.

— Уважение старших считалось абсолютно необходимой чертой характера каждого ребенка,— акцентировал он.— После обеда мы, дети, должны были постоять по крайней мере в течение получаса. Дед почему-то считал, что это улучшает фигуру. Когда мне было четыре или пять лет, он подарил мне маленький кинжал, чтобы я всегда носил его на поясе. Потом дед учил меня владеть саблей и стрелять, а когда мне уже было семь-восемь лет, учил ездить верхом. Дед был очень требовательным учителем, и он настаивал, чтобы я соблюдал все обычаи.

Уважение к старшим — это тоже обычай, поэтому я спросила Баграта, как он относится к мнению некоторых ученых о том, что уважение, проявляемое к абхазским старикам, помогает продлению их жизни. Мой собеседник

полностью с этим согласился. Его дед прожил сто лет, он умер в 1927 году, и будущий писатель провел большую часть детства рядом с этим многоопытным человеком. Баграт Шинкуба подчеркнул, что воспоминания о детстве, проведенном с дедом, вдохновили его на создание второй повести «Рассеченный камень», которая тогда была издана только на абхазском языке.

Я полагала, что название повести символично, и спросила, что оно означает и о чем идет речь в новой книге. Писатель пояснил, что в окрестностях его родного села Члоу лежит большой камень, расщепленный на две равные части. Согласно легенде, абхазский Прометей — герой по имени Абрскил — сражался с врагами своего народа на земле и на небесах. Это он рассек своим мечом камень, который сбросили в него слуги разгневанного божества. Камень в Члоу и подсказал писателю название повести.

В «Рассеченном камне» Б. Шинкуба описывает свое детство, когда, казалось, в Абхазии сама эпоха раскололась, как этот камень, на две половины.

— В первые годы Советской власти все старое, все ненужные традиции отмирали мучительной смертью, — объяснил писатель. — Это были традиции, рожденные веками угнетения народа абхазскими и иностранными феодалами. Должны были отмереть и социальные пороки — спутницы угнетения: нищета и безграмотность. Новое утверждалось в нашей жизни медленно, но верно.

В молодости Б. Шинкуба ощущал происходящие вокруг него изменения не так остро, как впоследствии, уже став взрослым, вспоминая о прошлом, обсуждая его с многими стариками, очевидцами событий того времени. Писатель воссоздал в повести детство крестьянского мальчика, проходившее в период, когда, по словам Б. Шинкуба, время было «расколото надвое» социалистической революцией в России.

В одной из глав повести есть рассказ об отношении абхазов — земляков Шинкубы к религии. Он описывает, как жители села посещали и христианскую церковь, и мусульманскую мечеть, ибо не были приверженцами ни одной, ни другой религии. Б. Шинкуба подчеркнул, что в народе наиболее сильными были языческие верования. Он помнил, как весной или ранним летом его дед руководил ритуалом жертвоприношения скота богам, чтобы те послали крестьянам хороший урожай.

Б. Шинкуба считает, что для народа было совершенно

естественным в большей степени полагаться на божества природы, чем на каких-то чуждых им богов других религий, навязанных абхазам иностранными захватчиками.

— И это вполне понятно, потому что благополучие наших предков полностью зависело от сил природы,— пояснил Шинкуба.— Абхазы упорно отвоевали у гор небольшие участки земли и возделывали их. Они жили в страхе перед обвалами, которые уничтожали их посевы: они то с нетерпением ждали благословенного дождя, то с отчаянием наблюдали, как дождевые потоки уносят почву.

В наше время коллективные хозяйства абхазов при поддержке государства служат им более прочной защитой от капризов природы.

Родина Б. Шинкубы село Члоу сейчас, как я убедилась, уже совсем не похоже на прежнее царство бедности, в котором он родился. К услугам 4 тыс. жителей — магазины, кафе, детский сад, средняя и музыкальная школы, Дом культуры.

Но быстрый рост благосостояния жителей Абхазии, особенно в послевоенное время, породил новые проблемы. Как и многие другие абхазы, Б. Шинкуба считает, что некоторые старинные обычаи приобрели отрицательные черты.

— У нас всегда были многолюдные и веселые свадьбы,— говорил Шинкуба.— Молодежь демонстрировала на них свою удачу в различных соревнованиях, а старики — в ораторском искусстве. Гости танцевали, пели, шутили. Молодым дарили скромные подарки — что-нибудь для дома, украшения для невесты. Но в этой хорошей традиции появились и некоторые мелкобуржуазные аспекты. Вместо с умом подобранных подарков молодым порой дарят конверт с деньгами... Нет, не в наших традициях закатывать показательные свадьбы, похороны, крупные застолья, которые превращаются в соревнования соседей, стремящихся показать, что угощение у них лучше, вина больше и что на свадьбе их детей больше гостей, чем было на свадьбе соседских детей.

В Абхазии принимают различные меры для решения этих проблем, порожденных ростом благосостояния людей, и Б. Шинкуба считает, что здесь поможет мудрость стариков, которые, по его словам, «более современны, чем некоторые молодые люди».

Когда я спросила Б. Шинкубу, как он начал писать стихи, он сказал мне, что все началось в годы учебы. Его дед, бабушка и родители так и не научились писать, поэтому

Баграт и его четыре сестры стали первым поколением грамотных людей в их семье. Сначала он ходил в школу-трехлетку в селе Члоу. Букварь Баграта, которым из-за нехватки школьных пособий он должен был делиться с другими детьми, был самым первым учебником в доме семьи Шинкуба. Раньше в нем была только Библия, которую никто не умел читать.

Затем Б. Шинкуба три года учился в педагогическом техникуме в Сухуми. Там он показал преподавателю абхазского языка свои записи народной поэзии и песен, сделанные еще в школе в Члоу. Преподаватель пригласил его на занятия студенческого литературного кружка. Свои первые стихи Б. Шинкуба писал, подражая народной поэзии и песням. Окончив техникум, он поступил в Сухумский педагогический институт на факультет абхазского языка и литературы.

В 1939 году он стал аспирантом Института языкознания Академии наук Грузинской ССР. Через несколько лет он защитил диссертацию по филологии. Б. Шинкуба признался, что в то время он написал всего один учебник абхазской грамматики для начальной школы и несколько научных рефератов.

— И это все мои достижения на поприще науки,— скромно отметил Шинкуба.— Все последующие годы я посвятил поэзии и политической деятельности. И только теперь, в конце жизни, я начал писать прозу. Я раньше думал, что у меня ничего не выйдет, что я не смогу писать прозаические произведения.

Становление Баграта Шинкубы как поэта и писателя проходило параллельно с развитием всей культурной жизни Абхазии. В конце 20-х годов в Сухуми открылся первый в республике профессиональный драматический театр. Его назвали именем первого абхазского драматурга Самсона Чанба. Теперь в Абхазии три театральных коллектива, они ставят пьесы на абхазском, грузинском и русском языках. Есть свой симфонический оркестр, профессиональный ансамбль долгожителей «Нартаа», танцевальная группа «Шаратын», различные другие музыкальные коллективы. В абхазской литературе появилось много новых имен. Республиканский Союз писателей одно время возглавлял Баграт Шинкуба.

Примерно в то время он и задумал написать свой роман «Последний из ушедших». На это ушло несколько лет, хотя фактически писатель готовился к этому всю жизнь.

Роман начинается с рассказа о том, как в 1940 году

молодой абхазский лингвист Шарах Квадзба поехал в Турцию, чтобы найти кого-либо из тех, кто еще помнил язык убыхов, в надежде записать его, прежде чем он будет окончательно утрачен. В конце концов Шарах встречает столетнего старика-убыха, одного из переселенцев 1864 года. Царское правительство вынуждало убыхов либо переселяться в Турцию, либо спуститься с гор на равнинные земли, где власти могли бы легче контролировать жизнь этого воинственного народа.

Престарелый Зауркан Золак покинул родные земли в расцвете сил. Вместе с другими убыхами он поверил, что турецкий султан выполнит свои обещания и обеспечит им лучшую жизнь среди турецких братьев-мусульман. Золак был одним из наиболее сильных и мужественных телохранителей предводителя убыхов, и он помнил многочисленные подробности своей полной событиями юности. Этот древний старик в течение месяца подробно рассказывал ученому об истории убыхского народа, его обычаях, феодальной системе, во многом схожей с абхазской, об атмосфере и настроениях народа в тот момент, когда убыхи приняли решение всем народом эмигрировать в Турцию; о том, как кончали жизнь самоубийством или были убиты своими вождями те, кто противился переселению за море.

Затем идет рассказ о жизни обнищавших убыхов в Турции, где они попали в полную зависимость от местных феодалов, о том, как предали свой народ убыхские вожди, продавшиеся турецкому султану. Прошло время, и в живых осталось очень мало переселенцев, которые еще помнили то, что с ними произошло. Одни умерли от голода и болезней, других силой заставили служить в турецкой армии, и они пали в сражениях, защищая обширную, но уже распадавшуюся империю.

Второе поколение убыхов-иммигрантов постепенно отказалось от обычаев своего народа. Они жили в небольших поселениях и, не имея возможности открывать свои школы и организовывать другие очаги культуры, не смогли избежать ассимиляции. Столетний убых рассказывает обо всем этом в типичной восточной манере, вставляя в свою речь абхазские эпитеты. История жизни Зауркана Золака неотделима от истории исчезновения его народа на протяжении жизни всего лишь одного поколения, если, конечно, принять во внимание кавказское долголетие.

Я спросила Баграта Шинкубу, почему темой своего романа он избрал трагедию уже несуществующего народа.

— Такая же судьба могла постигнуть и абхазский народ,— ответил он.— Но к счастью, этого не случилось. В отличие от предводителей убыхов абхазские правители в 1864 году в большей степени обладали даром политического предвидения, чувством патриотизма. Они не поддались на уговоры турок пересечь Черное море и поселиться на «земле обетованной».

Для многих абхазских семей, которые во второй половине XIX века, поверив турецкому султану и его феодалам, покинули свою родину, эмиграция была равносильна гибели. Те, кто выжил, поселившись на бесплодных землях, страдали от жестокой эксплуатации и двойного гнета со стороны абхазских и турецких помещиков.

Дед Б. Шинкубы, ставший долгожителем, во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов тоже едва не эмигрировал за море вместе со своими родителями. Он добрался с ними до побережья, но покинуть родину отказался. С детства Баграт помнит рассказы деда и других долгожителей села о тех днях, о гибели родителей деда и многих других родственников на чужбине вскоре после переселения.

— Помню, что меня охватывали такие же горестные чувства, как и моего деда, когда он рассказывал мне о событиях прошлого,— сказал Б. Шинкуба с волнением в голосе.— Я считаю, что подсознательно я всю свою жизнь готовился к этой книге.

Непосредственным поводом для начала работы над романом послужило сообщение о том, что в 1956 году норвежский ученый Ганс Фогт смог обнаружить в Турции всего 16 потомков убыхов, которые еще могли говорить на родном языке. Ученый записал этот язык, оказавшийся очень схожим с абхазским. Десять лет собирал Б. Шинкуба материалы о переселении убыхов в архивах, библиотеках, иностранных публикациях, переписывался с зарубежными исследователями, чтобы из отдельных фактов создать канву трагической истории, рассказанной нам столетним Заурканом Золаком. Работа над книгой продолжалась затем еще в течение восьми лет.

— У меня было достаточно информации, чтобы написать несколько томов. Но я сжал ее до одного — романа «Последний из ушедших»,— заметил писатель.

В наши дни 200 тысяч абхазов — потомков горцев, покинувших Родину в прошлом столетии,— продолжают жить в Турции и других странах Ближнего Востока. Б. Шинкуба

много раз встречался с зарубежными абхазами. Первая из таких встреч произошла у него в бытность президентом Абхазии. Это были туристы из Турции, они хорошо говорили по-абхазски, одни чисто, другие с сильным турецким акцентом.

— В Турции абхазы, живущие в деревнях,— сказал Б. Шинкуба,— все еще помнят наши старинные традиции, но у них нет ни своих школ, ни университета, ни собственной письменности.

Восхищаясь собеседником, вложившим столько труда в создание замечательного романа о погибшем народе, я спросила его: что же думали туристы из Турции об Абхазии?

— Что они думали об Абхазии? — повторил Шинкуба мой вопрос.— Я задал гостям такой же вопрос, когда они сидели в моем кабинете. Слезы на их глазах были красноречивее слов, когда они вспоминали посещение наших абхазских школ и университета, а также сел, откуда были родом их предки и которые теперь стали зажиточными и совсем не похожими на те дореволюционные поселения, о которых им рассказывали их старики. В любом случае у зарубежных абхазов нет всего того, что мы здесь считаем само собой разумеющимся: школ, радио, телевидения, кинотеатров. И все это на родном абхазском языке. Среди абхазов-эмигрантов многие молодые люди начинают забывать язык и национальные традиции.

Абхазская пословица гласит: «Теряющий родину — теряет все». Однако Б. Шинкуба не считает, что абхазы, живущие за рубежом, могли бы полностью ассимилироваться и забыть свой язык и культуру, как это случилось с убыхами. Одна из причин выживания абхазов заключается в том, что они с самого начала селились в Турции большими группами, в то время как убыхи были рассеяны по всей стране. Но самая главная причина, по его мнению, кроется в следующем: само существование древней родины являлось стимулом, вдохновляющим их на сохранение национального абхазского самосознания. Ни одного убыха не осталось на их прежней родине — к северу от Абхазии, где в настоящее время расположен один из наиболее известных в мире черноморских курортов.

В период эмиграции абхазы не имели своей письменности, но теперь она существует.

— После встреч с теми абхазами,— подчеркнул Шинкуба,— я могу с уверенностью сказать, что у них сохрани-

лось огромное желание придерживаться национальной абхазской культуры. Они читают изданные у нас книги, а некоторые даже писали мне, что прочли мой роман «Последний из ушедших». Кстати, в Турции живет известный абхазский поэт Омар Бегуа, которому сейчас уже 80 лет. И почти во всех его стихах присутствует тема родины — Абхазии.

Иначе и быть не может, думала я, слушая рассказ Б. Шинкубы о потомках абхазских эмигрантов. Прошло всего 60 с небольшим лет, а в Абхазии уже давно покончено с эксплуатацией и нищетой. Ее народ бережно сохраняет и развивает свою национальную культуру, ту культуру, которая и будет определять мировоззрение долгожителей XXI века.

эпилог

Если бы не счастливая возможность общения с абхазскими долгожителями и их семьями, то полагаю, что проблема старения не представляла бы для меня никакого интереса еще многие годы. На меня лично самое глубокое впечатление произвел в Абхазии естественный, непринужденный метод воспитания у молодежи искреннего уважения к старшим. Я искала среди молодых тех, кто был бы недоволен авторитетом старших, но таких не нашла. Молодежь, очевидно, сознает, что пройдет время, и все они также окажутся в положении людей, уважаемых младшими.

Сделав это открытие для себя, я, признаюсь, стала более внимательно анализировать свое непосредственное окружение в Соединенных Штатах, где стариков так часто игнорируют, не считают с их опытом. В таких условиях старость равносильна одиночеству и изоляции от остального мира. И лишь в некоторой степени ее скрашивает деятельность общественных организаций, объединяющих людей пенсионного возраста. Но это не решает проблемы одиночества и изоляции стариков в обществе, которое тем самым, безусловно, лишается ценного жизненного опыта и мудрости — тех богатств, которые люди могут накопить только за несколько десятилетий и которыми они могут щедро делиться лишь там, где существуют тесные контакты между поколениями.

В Абхазии я установила: люди понимают, что с возрастом растет и их престиж, поэтому они стремятся

всячески подготовиться к этому, стараются оправдать надежды окружающих. Когда в обществе «старость» считается синонимом «мудрости», как в Абхазии, то любой человек, скорее всего, и будет стремиться всей своей жизнью доказать истинность такого мнения.

Я видела, что справедливо и обратное... Если обществу не нужны люди, завершившие свою трудовую деятельность, если все вместе и отдельные семьи легко обходятся без стариков, то у человека остается меньше стимулов для продолжения своего умственного развития, ведущего к идеалу — мудрой старости. В таком обществе этого идеала просто не существует.

Искреннее уважение к старшим в Абхазии, возможно, является одной из причин долгой и активной жизни или по крайней мере в огромной степени полагает обеспечить человеку счастливую старость. И если бы в западном обществе подобные отношения между младшими и старшими поколениями были нормой, это бы скрашивало одиночество миллионов людей в старости и одновременно давало бы всем остальным возможность обогатиться мудростью и богатым опытом своих престарелых сограждан.

Наихудшая разновидность изоляции — это когда человек не получает внимания и заботы от родственников, которые отправляют его в дом для престарелых. Во всей многонациональной Абхазии, где пожилые люди полностью обеспечены всеми видами медицинской помощи и домами для престарелых, в последних нет ни единого абхаза. В больницу же кладут, как уже говорилось, только тех стариков, которые нуждаются в круглосуточном медицинском наблюдении. И если абхазы узнают, что среди их близких или дальних родственников кто-то отказался заботиться о больном старике или не оказывает ему достаточного внимания, такого человека немедленно подвергают остракизму. Никто из моих собеседников в Абхазии не мог даже припомнить подобного случая. Для них это было просто невымыслимым.

Вспоминаю мой визит в больницу для престарелых в Сан-Франциско в 1982 году. Я пошла навестить дедушку моей подруги детства, которая в то время жила за границей. Не имея возможности повидать своего умирающего родственника, она попросила меня сделать это.

Все там сверкало чистотой, как и в любой современной больнице, но в целом в этом заведении людям было гораздо безысходнее — ведь им отсюда едва суждено когда-либо

вернуться домой. Атмосфера была гнетущей. Одна женщина бродила по коридору, повторяя все время, как в бреду: «Зачем он умер? Зачем он умер?..» Человек тридцать ходячих больных в полном молчании сидели в комнате отдыха. Каждый вел себя так, будто в комнате, кроме него, больше никого не было. Их лица свидетельствовали о различных стадиях старческого маразма, отражали внутреннее замешательство и очевидную безысходность.

Все пациенты получали квалифицированную медицинскую помощь, но работающий там персонал почти ничем не мог восполнить отсутствие теплой заботы, стимулирующего жизнь воодушевления, которое этим людям могли бы дать дом и семья. Безусловно, многие больные нуждались в круглосуточной медицинской помощи, которую получить вне больницы невозможно. Но чаще всего, как сказала мне сотрудница, отвечающая за организацию отдыха пациентов, туда привозят стариков, ставших обузой для собственных детей или других младших родственников. В результате, считает она, психическое здоровье этих людей после поступления в этот дом быстро ухудшается.

Так мы подошли с ней к разговору об отношении в США к старикам вообще и о печальном факте изоляции внутри общества миллионов его престарелых граждан. «Как, по вашему мнению, можно было бы исправить это положение?» — спросила я мою собеседницу, которая, как мне показалось, была до конца предана своей работе и выполняла ее в одиночку, хотя в действительности там нужно было бы для начала иметь по крайней мере десяток таких работников, чтобы развернуть деятельность, способствующую усилению жизненных стимулов и поднятию настроения пациентов. Ее ответ звучал просто: «Люди, как я и вы, чувствующие необходимость совершенно иного отношения к старикам, должны делать все возможное, чтобы изменить взгляды молодежи. В колледжах мы учились по учебникам, где сказано, что культ молодости в нашем обществе — это неизбежное последствие процесса индустриализации и урбанизации. Раньше и я думала так же. Но когда прочитала, что в Японии, столь же высокоразвитой в индустриальном отношении, как и Америка, отношение к старикам куда лучше, чем у нас, то я поняла, что это — проблема культурного развития общества. А коль скоро это так, значит, мы все же что-то можем изменить в этой области...»

Моя собеседница также считала, что ей следует чаще приводить на работу свою шестилетнюю племянницу, чтобы

впоследствии, когда та станет взрослой, у нее было больше уважения к старости. В то же время само появление маленькой девочки в этом мрачном заведении вызывает у его обитателей естественный душевный подъем. «Вы бы видели, как светлеют их лица, когда сюда приходит ребенок», — сказала в заключение эта сотрудница больницы.

Я была согласна с ее подходом и начала вспоминать свое собственное детство. Среди близких у меня не было никого, кто по возрасту был бы старше моих родителей. Бабушки и дедушки по материнской и отцовской линиям умерли задолго до моего рождения. Я даже не помню, чтобы в Калифорнии, где я училась, или в Колорадо, где прошло мое детство, кто-либо из моих соседей или друзей жил вместе со своими дедушками и бабушками. Мне трудно вспомнить и о каких-либо продолжительных контактах со старыми людьми в период моего детства и юности.

Конечно, невозможно и не нужно механически переносить все взгляды из одного общества на другое, но на мою семью, а возможно, и не только на мою абхазские традиции оказали очень сильное влияние. И я не уверена, что двое моих сыновей — 11 и 16 лет — были бы столь привязаны к своим дедушке и бабушке и относились бы к ним столь заботливо, если бы они не побывали вместе со мной в одной из абхазских экспедиций. Кроме того, этому способствовало и мое внимание к проблемам долголетия в работе и разговоры на эти темы с друзьями в присутствии моих детей на протяжении последних шести лет (а это, как я уже говорила, один из наиболее эффективных методов воспитания детей в Абхазии).

Я также верю, что в этом отношении Абхазия надолго останется добрым примером для других народов, поскольку я не видела никаких признаков отмирания ее прекрасных традиций в процессе урбанизации или индустриализации. Одна из причин этого — преемственность освященных веками принципов воспитания детей. Крайне важную роль играет и национальная политика социалистического государства, способствующая сохранению народных традиций.

Я часто задаю себе вопрос, что случилось бы с абхазами, если бы они не выбрали социализм и не присоединились к СССР в 1922 году. Полагаю, что в лучшем случае Абхазия превратилась бы в чайную плантацию какой-либо другой мощной державы, подобно так называемым «банановым республикам» Латинской Америки, и практически не имела

бы возможностей для производства своих промышленных товаров или развития национальной культуры. Худшее, что могло бы случиться с Абхазией, если бы она не вошла в состав Советского Союза,— это то, что ее народ вымер бы, ведь на рубеже двух столетий ее население быстро уменьшалось. Возможно, абхазов ожидала бы та же участь, что постигла убухов, которые как народ прекратили свое существование. Но Абхазия сделала свой выбор и стала автономной республикой в многонациональном социалистическом государстве, в котором впервые в истории многонациональность стала признаком силы, а не слабости. Люди, с которыми я встречалась в Абхазии в конце 70-х и в начале 80-х годов, гордились прогрессом, достигнутым за 60 лет социалистического развития. И сегодня они гордятся тем, что им больше не приходится бороться с классовым неравенством, феодальной эксплуатацией, трагедией кровной мести. Они гордятся значительными достижениями сельского хозяйства, промышленности, системы образования и продолжают совершенствовать эти области.

Абхазы также произвели на меня глубокое впечатление как народ, больше всего на свете ценящий мир, стремящийся к миру, чтобы иметь возможность продолжать строительство нового общества. Общества, которое уже воссоединило половинки «рассеченного камня» из романа Баграта Шинкуба и которое желало бы дать миру еще больше долгожителей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	12
ГЛАВА I. ВСТРЕЧИ С ДОЛГОЖИТЕЛЯМИ	15
ГЛАВА II. В ПОИСКАХ ИСТОЧНИКА ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ	40
ГЛАВА III. ДЕТСТВО ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ	55
ГЛАВА IV. АБХАЗСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ	81
ГЛАВА V. СЕМЬИ	102
ГЛАВА VI. ДЕТСТВО БУДУЩИХ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ	113
ГЛАВА VII. ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ БУДУЩЕГО	154
ЭПИЛОГ	179

ИБ № 14346

Контрольный редактор *Э. Н. Орлова*

Художник *А. Н. Алексеев*

Художественный редактор *Е. А. Антоненков*

Технические редакторы *В. Ю. Никитина, Л. В. Житникова*

Корректор *В. В. Евтюхина*

Сдано в набор 1.10.85. Подписано в печать 27.03.86.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура тип таймс.

Печать офсетная. Условн. печ. л. 9,66 + 1,25 печ. л. вклеек.

Усл. кр.-отт. 22,8. Уч.-изд. л. 10,84. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1023.

Цена 95 к. Изд. № 40211.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский
бульвар, 17.

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

95 К.

П. ГАРБ ДОЛГОЖИТЕЛИ

ЗАРУБЕЖНЫЕ АВТОРЫ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Книга американской журналистки знакомит читателя с долгожителями Абхазии — с их историей, образом жизни, культурой. Пола Гарб посетила многие абхазские села и некоторые города, встречалась с их старейшими жителями. Она рассказывает о судьбах людей, наблюдавших развитие событий в родном крае на протяжении последних ста лет, дает анализ происшедших в республике изменений после Октябрьской революции; повествует об условиях жизни людей раньше и сейчас, об их мировоззрении и взглядах, о «секретах» долголетия и активной жизненной позиции.

Автор сравнивает положение этой небольшой по численности нации — одной из многих в СССР — с жизнью индейцев в США, с положением небольших по численности этнических групп в странах, развивающихся по несоциалистическому пути.

Пола Гарб родилась в г. Денвере (штат Колорадо, США) в 1948 г. Большую часть детства и юность она провела в Калифорнии. С 1975 г. П. Гарб и двое ее сыновей живут в Москве, где она окончила антропологическое отделение исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Занималась радиожурналистикой, сейчас работает переводчицей.

В основе этой ее книги лежит научное исследование, которое она провела для своей дипломной работы по воспитанию детей в Советской Абхазии, и материалы нескольких советско-американских геронтологических экспедиций на Кавказе, активным участником которых была Пола Гарб.

